

Олег Фурашов

Любовь как сладкий полусон

16+

Олег Владимирович Фурашов

Любовь как сладкий полусон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66554360

SelfPub; 2021

Аннотация

А любовь всегда бывает первой... Это повесть о той любви между юношей и девушкой, что могла бы быть не только первой, но и вечной, если бы не... Мир устроен так, что реализации самых светлых замыслов что-то неизбежно препятствует. Тем более, когда речь идёт о самом сильном чувстве на свет. Тем паче, когда влюблённых разделяют нравы нарождающегося дикого капитализма в России, завистники, недруги, наивность и глупые поступки юности... И всё-таки любовь была! И во сне, и наяву!

Содержание

Олег Фурашов

Любовь как сладкий полусон

*Все события выдуманы,
все совпадения случайны.*

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БУРАТИНО НА ПРАЗДНИКЕ ЖИЗНИ

Пролог

Зима в этом году чудила: нагрязнула с непривычно ранними снегопадами, а затем, ещё до прихода ноября, ударила – редкими даже для Урала в эту пору – морозами за двадцать градусов. Антициклон держал свирепую стужу почти две недели, после чего юго-западному ветру удалось-таки прорвать своеобразную арктическую блокаду и принести с собою тёплые дождевые тучи, слякоть и резкую оттепель. Пожухлая трава и изумрудного цвета озимые хлеба, укутанные было снежным покровом, крепко уснувшие и не чаяв-

шие уж увидеть неба до будущей весны, ныне удивлённо смотрели с оттаявших пригорков окрест себя.

Верно подмечено, что стихийные катаклизмы, капризы природы, погодные «выверты» способны оказывать и оказывают самое непосредственное влияние на человеческую жизнь. А коли так, то наступившая климатическая аномалия неизбежно должна была вызвать неординарные события в судьбах конкретных людей.

Глава первая

1

Семнадцатилетний Юрий Кондрашов совершал свой традиционный вечерний кросс от села Нижняя Замараевка до райцентра Ильск и обратно. Под энергичную размашистую трусцу он едва слышно напевал себе под нос слова из популярной спортивной песни: «Тебе судьбу мою вершить, тебе одной меня судить, команда молодости нашей, команда без которой мне не жить!» Расположенная в низине гравийная дорога, связывающая город и село, основательно раскисла, и потому юноша бежал по краю клеверного поля, вздымавшегося над просёлочным трактом.

На полпути к городу внимание парнишки привлекли булькающие звуки и плеск воды, доносившиеся из лощины – от так называемой Манькиной лужи. Лужа эта издавна была известна замараевцам своим «скверным характером». Рожде-

нием своим она была обязана тёплым водным источникам, которые били из-под земли неподалёку от просёлка. В лютые холода ключи перемерзали, но стоило установиться оттепели, как водяные фонтанчики оживали и лужа широко и привольно (можно сказать, что и нахально) разливалась, затопляя в этом месте дорогу.

Не одно поколение замараевцев пыталось ликвидировать «растреклятую Манькину падь», но той всё было нипочём: местные «гейзеры» размывали спешно воздвигнутую насыпь. И рано или поздно сия неутихающая долголетняя «тяжба» завершалась неизменной победой торжествующей стихии. При очередном весеннем или осеннем паводке, бурлящие потоки, урча, растаскивали воздвигнутое селянами сооружение по камешкам.

Кардинальный выход из конфликта заключался в том, чтобы проложить трассу в стороне от лощины, либо перекинуть через неё мост. Но при Советской власти до этого всё «руки не доходили», а с реставрацией «дикого капитализма» в России, и вовсе стало недосуг.

И вот сейчас в этой ямине что-то (или кто-то?) барахталось. Кондрашов приблизился к низине. В сумерках он с трудом различил человеческую фигуру, наполовину выступавшую из воды, а нечленораздельные эмоциональные возгласы, перемежавшиеся весьма артистичной виртуозно-изошрённой бранью, которую силуэт издавал хриловатым бари-

тоном, не оставили сомнения в том, что в луже «принимал процедуры» немолодой мужчина.

Юноша осторожно спустился по косогору к неизвестному, который беспомощно бултыхался в середине водоёма. «Моржа поневоле», как и прочих заезжих дилетантов в подобных происшествиях, конечно же, ввёл в заблуждение внешний вид лужи: справа она казалась более безопасной из-за пологого склона лощины. В действительности же дело обстояло как раз наоборот: именно здесь били ключи, образовавшие обширную подводную впадину.

В замараевской ловушке вокруг «новоиспечённого водолаза» плавали какие-то предметы, течением разносимые в разные стороны. Вещички ускользали от хозяина, словно раки от любителя пива. Едва нечаянный искатель приключений ухватывал одну и тянулся за другой, как тут же скользил по дну, окунался в лужу... И процесс возобновлялся в том же нескончаемом ключе.

Для зеваки зрелище могло представляться уморительным, ибо в своих действиях незнакомец напоминал небезызвестную обезьяну из басни Толстого, что никак не могла собрать в пригоршню горошины. Только, в отличие от легендарной мартышки, эта ещё и классно сквернословила. Причём самыми непритязательными из выражений были те, которыми хулиган словесности сравнивал лужу с гулящей женщиной из пяти букв, а урочище в целом, куда его занесла нелёгкая – с любвеобильной собачкой (из четырёх знаков), удо-

влетворившей свору оголтелых кобелей. И если вышеописанные аллегории были хоть как-то объяснимы их «привязкой» к местности, то дополнительная обида говоруна на женские гениталии, которые не ходят строевым шагом, представлялась случайному слушателю в лице Кондрашова совершенно немотивированной.

Будь Юрий горожанином, он посмеялся бы над происходящим и последовал далее по собственным делам. Однако случайный свидетель был деревенским жителем, в котором и по сию пору крепка общинная сострадательность, а потому он поспешил на помощь человеку, попавшему в беду. Хотя его и покорибила беспардонная ругань мужчины. «Старый-старый, – подумал паренёк, – а матерится, почище наших пацанов».

И пока незнакомец орал площадной бранью, давая самому себе зарок ни за что больше не совать нос в эту «проклятую долбаную мотню», если только выберется живым, практичный сельский хлопец обзавёлся подручным средством. Подобранной жердью спасатель расторопно причалил к берегу и вытащил из водоёма объёмный предмет, оказавшийся футляром с музыкальным инструментом. Неизвестный тем временем выбросил на сушу два остальных «плавсредства» – чемодан и целлофановый пакет.

Настал черёд пострадавшего, которому Кондрашов последовательно протянул жердь и руку, помогая выбраться на твердь земную. Чуть отдышавшись, ярый сквернослов, кото-

рому и пьяный сапожник в подмётки не годился, неожиданно заговорил на внешне интеллигентном и отчасти вычурном языке:

– Благодарю вас, мой неожиданный спаситель! – сказал он. – Безмерно признателен! Позвольте отрекомендоваться: Лукин Аркадий Николаевич, творческий работник. Извините, а кому я обязан столь чудесным избавлением из этой троглодитовой пучины?

– Меня зовут Юра, – скромно и несколько смущённо ответил ему сельский житель, всем своим видом показывая, что он отнюдь не претендует на медаль «За спасение утопающих в Манькиной луже».

– А по отчеству?

– Кгм-кгм... Дмитриевич.

– Весьма тронут, Юрий ибн Дмитриевич, тем участием, которое вы проявили к моей ничтожной персоне, – с театрально-сказочной изысканностью стал изъясняться творческий работник, не обделённый даром великорусского мата. – Не соблаговолите ли, о почтенный Юрий! коль уж стечение обстоятельств свело нас, снизойти до моих никчёмных затруднений ещё раз и просветить мой тёмный разум относительно того, правильно ли я путь держу? Мне нужно в Нижнюю... э-э-э... в Нижнюю... э-э-э...

– ...Замараевку, – подсказал Кондрашов.

– Именно так: в Нижнюю Замараевку!

– Да, – подтвердил юный собеседник. – Вы правильно идёте.

те. До села ещё километра полтора. Я там живу.

– Мне несказанно повезло! – обрадованно воскликнул Лукин. – Мне нужно к директору совхоза господину...э-э-э... Бурдину. Если бы вы меня проводили, то я превратился бы в вашего должника до конца дней моих.

– В таком случае желаю, чтобы вы никогда со мной не расплатились, – с изысканностью, соответствующей моменту, пожелал долгих лет жизни новому знакомому Кондрашов. И ещё он сожалеюще вздохнул, сознавая, что его тренировка полетела «псу под хвост». Но законы гостеприимства требовали того, а потому он дополнил свою пространную фразу более краткой репликой: – Я вас провожу к Бурдину.

– Вот спасибо, молодой человек! – произнёс Лукин, прижав правую руку к груди. – Но прежде, если не возражаете, я отожду свою хламиду и солью воду из мокасин.

Они выбрались из лоцины наверх, где на свободном от снега бугорке Аркадий Николаевич проверил состояние вещей, а также привёл себя в мало-мальский порядок. После недолгих и по-маниловски учтивых препирательств по поводу того, кому и что нести, Кондрашову достался футляр с аккордеоном, а приезшему – прочий скарб.

– Только пойдёмте клеверищем, – предложил провожатый, поворачивая к полю. – По дороге – скользко и грязно.

– Принято! – весело согласился Лукин, следуя за ним. – По минам так по минам. С вами сам чёрт не страшен. А в одиночку-то я с перепуга не токмо обмочился, так ещё и

штаны чуть не обделал с изнаночной стороны. Был бы беременный – родил бы!

– Манькина яма – она такая, – заулыбался юноша. – Мы, замараевцы, говорим: «Коварнее, чем Берия, Манькина империя».

– Вы ведёте речь об этой троглодитовой пучине так, словно она – существо одушевлённое, – подметил Лукин. – Кстати, почему её столь странно кличут?

– Есть основания, – откликнулся попутчик, приступая к повествованию, которое много лет замараевцы передавали из уст в уста друг. – По преданию, в стародавние времена, жила в деревне Большая Захотиха легендарная молодуха Манька. Это километрах в десяти от нас. И поехала она однажды с родителями к жениху Митьке Носатому – его потомки и поныне живут в нашем селе...

– Как-как? К Носатому? – уточнил Лукин.

– К Носатому, – подтвердил рассказчик. – Запрягли они лошадку и двинулись в путь-дорожку. Подъезжают к Манькиной пади...Н-да...А в ту пору весна удалась ранняя да дружная: погожие деньки, что детишки-погодки в многодетной семье, один за другим топили снег. Сказать, что половодье было богатое – ничего не сказать. Море разливанное! Манькин папашка глядь-поглядь на лужу окосевшим от ужаса глазом, решил ехать справа, как и вы давеча. Лошадка сунулась в воду, а дальше – ни тпру, ни но...Бойтся ступать. Конь – животное умная. Чует опасность. Кучер её и так, и

эдак, а лошадка – ни с места. «Чё ты испугалась, дура!» – корит её Манька. И направляет папашку брод искать.

– Хым, – хмыкнул приезжий. – Маня-то – неглупая женщина.

– А нужно вам пояснить, – перехватил Кондрашов футляр из правой руки в левую, – что папашка тот являл собой редкий образец хилости да щедедушности, нерешительности да трусоватости. Ступает он, а вода всё выше. Вот уж и до колен дошла. Дражайший родитель на дочу оглядывается: не пора ли оглобли поворачивать? А та знай своё гнёт: вперёд и только вперёд! Лужа водомеру уже мужское имущество подмывает, ан Маньку ровно заклинило – на Берлин, и никаких гвоздей! Шагнул мужичонка – и ухнул в омут... Вынырнул, как ошпаренный. Верещит: «Вертаем обратно! Жизни свои здесь покладём!» А невеста всё одно: к Митьке Носатому – и баста!

– Маня-то, не только неглупая, но и темпераментная, – хотнул Лукин.

– Тут надобно заметить, – иллюстративно поднял Юрий свободную руку над головой, – что Манька фактурой своей олицетворяла редкий экземпляр: высоченная, что коломенская верста; широченная – косая сажень в могучей груди, а также в объёмистом женском тазу и...кгм...в другой мелкой посуде...Весу же в ней было, дай бог не соврать, пудов под десять. Ведро картошки за присест съедала. Короче, сгребла Манька папаньку с маманькой в охাপку, лошадку – под

узды, и перетащила весь этот пугливо мельтешащий и жалобно ржущий скарб через водоёмище – аки посуху прошла. И свидание у них с Митькой состоялось, а затем и свадьбу сыграли.

– Лихо! Манька – явно не я, – самокритично признал горожанин.

– Вот с той поры замараевцы и говорят, что Манькину лужу миновать – свадьбы не сыграть, а студёной купели бояться – с любовью не знаться! А мой батя от себя добавляет, что любви без нагрузки не бывает. Это бремя... Но, самое желанное бремя, – назидательно завершил пересказ местной легенды юный проводник.

На протяжении монолога коренного замараевца Лукин периодически похохатывал, а когда тот умолк, азартно заявил: «Что ж, в таком разе ждёт меня в вашем селе ба-а-альшущая страсть! То бишь, не напрасно я сюда припёрся».

Начиналась окраина селения, и при свете околичного фонаря Кондрашову представилась возможность получше рассмотреть приезжего. Тот был среднего роста, худощав, на вид лет сорока пяти, не исключено – чуть старше. Лицо его вполне можно было бы назвать привлекательным, если бы не нос, выделявшийся сизовато-красным пятном на фоне смуглых щёк, и не багровые прожилки, сплошь испещрившие кожу на скулах. По-видимому, Лукин не просто частенько навещал Бахуса, а приходился верным другом богу кутежей.

– Вы Бурдину – знакомый, или как? – простодушно осве-

домился юноша.

– Или как, – беззлобно передразнил деревенского жителя творческий работник.

И в свою очередь приступил к ответному изложению причин, что привели его в глухое поле в столь неурочный час.

– Перед вами, – витиевато докладывал Лукин, – творческий работник, прошедший огонь, воду...хе-хе-хе, – хохотнул он, вспомнив Манькину лужу, – и медные трубы. Я сполна изведаль, что есть богема, подвизаясь на театральной ниве. Возглавлял областной дворец культуры. В прошлом ваш покорный слуга – лауреат ряда республиканских конкурсов, а равно художественный руководитель видных творческих коллективов...Эх-ма...Но...вашему директору понадобился заведующий клубом, и я откликнулся на его зов: стать светочем культуры для замараевцев. И вот я у цели...

– Вы правы, мы и в самом деле уже пришли, – без затей, в отличие от приезжего, сообщил Юрий, подводя того к дому Бурдина.

– Солидные апартаменты, – пробормотал «светоч культуры», окинув взором внушительных размеров коттедж руководителя совхоза.

Дальнейшие события развивались более стремительно: в течение четверти часа юный замараевский гид представил гостя из Среднегорска директору совхоза, сбегал к завхозу тётке Зине за ключами от клуба, а также привёл Лукина сельскому очагу культуры.

Клуб представлял собой обширное бревенчатое одноэтажное здание, возведённое в год полёта Юрия Гагарина в космос. Выполненное в стиле строго функционального «русского баракко», оно было лишено каких-либо архитектурных изысков и вычурностей. Эта прямоугольная коробка отапливалась дровами, что составляло вечную притчу во языцех со стороны заведующих клубом, мелькавших с калейдоскопической быстротой на замараевском культурном небосклоне. Никто из них более двух-трёх месяцев в селе не задерживался. В перерывах же между ретировкой предшествующего и прибытием последующего «засланца» управления культуры, как злословили замараевцы, клубом ведала тётя Зина при поддержке деревенских парней и девушек.

Развлечения заключались в непритязательных дискотеках, которые молодёжь окрестила «булкотрясом». На них «поросль девяностых годов» раз в неделю «отрывалась по полной», выплёскивая накопившееся либидо (не зная, что именно так окрестил их энергию небезызвестный Зигмунд Фрейд). Сельский досуг изредка разнообразили демонстрации кинофильмов прошлых лет, что были рассчитаны на апатичных «стариков», в каковые местные тинейджеры категорично и безапелляционно зачисляли всех, чей возраст превышал четверть века.

– М-м-м-да, – окинул критическим взглядом «русское баракко» новый его хозяин. – Ну, и чем же знаменит сей очаг

культуры?

– Чем знаменит? – ненадолго задумался Юрий. – Наверное, отсутствием фейс-контроля. Сюда иногда даже местные собаки забегают.

Посмеявшись, Лукин вслед за Кондрашовым прошёл в клубный пристрой, где традиционно коротали «ссылку» прежние клубные работники. Там приезжий переоделся в сухую одежду. После чего Кондрашов провёл его по клубу.

Выполнив миссию, порученную директором совхоза, юноша собрался откланяться, но Аркадий Николаевич остановил его вопросом, незаметно переходя в общении на «ты» и доверительно-союзнический тон:

– Послушай, Юрий, нам нужно в сжатые сроки организовать художественную самодеятельность. Где лучше всего вывесить объявление об этом?

– В конторе... На магазине... В гараже... – с секундными интервалами отвечал Кондрашов.

– Завтра я намерен провести что-то типа организационного собрания, – пояснил Лукин. – Часов эдак в семь вечера. Ты обязательно приходи, а заодно, будь добр, извести о сходе знакомых, кого это может заинтересовать. Идёт?

– Ладно! – с готовностью откликнулся юноша и, попрощавшись, направился к выходу.

– Я на тебя рассчитываю, – крикнул ему вслед Аркадий Николаевич. – Что-то есть в тебе... такое...

И творческий работник, подняв руку над головой, поше-

велил пальцами.

2

Утром следующего дня юный тракторист Юрий Кондрашов выехал из Нижней Замараевки, представлявшей собой центральную усадьбу совхоза, в Конинское отделение. Так сказать, из пункта «А» в пункт «Б».

Увы, герой нашего повествования не был перспективным бизнесменом, потенциальным банкиром или восходящей звездой эстрады. Он работал всего лишь трактористом на гусеничном тракторе ДТ-75. Однако его не угнетало данное преходящее обстоятельство.

Юрий твёрдо знал, что почти все великие люди вышли из провинции и пробились к месту под солнцем из самых низов. И если любой американец, согласно известному крылатому изречению, в состоянии стать президентом США, то почему бы трактористу Кондрашову тоже не достичь немалых высот? Тем более, что ему посчастливилось родиться в России – в государстве либеральной экономики и равных возможностей для каждого. А именно такой страна стала в девяностых годах века двадцатого, если верить президенту Ельцину и официальной пропаганде. А ей, господствующей идеологии, Юрий с оговорками, но доверял. Он, как типичный молодой человек, принадлежал к завзятым оптимистам и восторженно принимал новации. Шутливое же доведение пафосного афоризма янки «Любой американец может стать

президентом США» до абсурдного лозунга «Всякий сперматозоид способен стать человеком», он воспринимал в качестве неуместной издёвки над неидеальным, но перспективным нарождающимся строем.

Надежды на блестящее будущее у Кондрашова базировались на том, что он «прилично», как принято говорить в среде спортсменов, играл в футбол. Его уже ввели «в основу» команды металлургического завода, представлявшего районный центр Ильск в чемпионате Среднегорской области. К очередному летнему сезону тренер заводской команды обещал «оформить» Юрия на предприятие, чтобы полностью освободить от работы и дать ему сосредоточиться исключительно на спорте. Грёзы же деревенского паренька простирались значительно дальше – аж до Москвы. И ему уже мерещилось, что его заметят столичные функционеры и пригласят выступать за любимый футбольный клуб – за ЦСКА. Каким образом это произойдёт, он представлял довольно смутно, однако не сомневался, что заманчивый ангажемент случится пренебрежительно... Такова уж психология юных.

Ну, а пока... Пока Кондрашов следовал в Конинское отделение на тракторе, к которому была прицеплена тележка и светлые юношеские мечты. Из-за оттепели просёлочная дорога в том направлении совсем раскисла, и потому для вывозки грузов, до нового наступления холодов, приходилось использовать гусеничную технику.

На Конинской молочно-товарной ферме тележку загрузили флягами с молоком, и трактор двинулся в обратный путь. На центральную усадьбу парнишка поспел к середине дня. Там тележку перецепили к колёсному трактору «Беларусь», которым управлял ровесник Кондрашова Володя Попов. И последний повёз груз дальше: в райцентр Ильск, на молокозавод. Юрий же, на ходу перетолковав со своим другом Виктором Кропотовым о вечернем походе в клуб, отправился обедать домой.

Поднявшись на крыльцо, Кондрашов обнаружил на входных дверях накидной замок, из-под дужки которого торчал свёрнутый клочок бумаги. Развернув обрывок, он понял, что это была записка от младшего брата Веньки (в мальчишеском обиходе – «Веник»). «Юра ключ в пачтовам ящичке», – начертал второклашка в послании, не особо утруждая себя соблюдением правил грамматики. «Ох, святая простота! – умудрённо посетовал про себя старший брат. – Этот балбес ещё указал бы, где деньги лежат!»

Поскольку упомянутый ящик висел тут же, при входе, Юрий достал из него ключ, отпер замок, открыл двери, стремительно шагнув вперёд... И тут же, запнувшись обо что-то, чертыхаясь в недолгом полёте, кувырком свалился в темноту сеней...

По инерции столь же реактивно вскочив, Кондрашов нащупал на стене выключатель, включил свет и... Прежде всего, сделал вывод, что зачисление Веньки в наивные со-

здания было явно преждевременным актом: запнулся он о школьный ранец «святой простоты», специально брошенный в проходе. Братья меж собой вели игру, по законам которой они чинили друг другу безобидные проказы. «Ноль-один, – засмеявшись, с лёгкой досадой констатировал старший брат. – Но ещё не вечер, Веник! Погоди...»

Пройдя в дом, на кухне он обнаружил ещё одну записку, лежавшую на столе с нетронутым обедом. От мамы. Она гласила: «Юрочка! Пожалуйста, проследи, чтобы Венюша покусал. Приятного вам аппетита! Мама».

«Вот уж кто никогда не обманет!» – философски заключил изрядно проголодавшийся молодой механизатор, умываясь над раковиной. Он едва успел сесть за стол и с наслаждением отхватить (если прибегнуть к сочному образному выражению Виктора Кропотова) «ка-а-апитальный кусман» от вызывающей обильное слюноотделение хрустящей картофельной шаньги, как его пиршество прервала продолжительная трель телефонного звонка. «Ну вот! – недовольно поморщился едок. – Всегда так: стоит заняться приятным, обязательно кто-нибудь помешает».

На ходу глотая пищу, он поспешил в гостиную, схватил телефонную трубку и отрывисто и резко бросил в неё: «Да!»

– Здравствуй, Юра! – раздался в ответ вкрадчивый и бархатистый девичий голос. – Это тебя Нина беспокоит. Ты что так напористо отвечаешь, будто стометровку за школу бежишь? Или я тебя отвлекла от удовольствия?

– Привет, Нина! Да нет, что ты..., – смущённо и поспешно отозвался тот.

На той стороне эфира была Нина Самохина. Она, по устойчивому мнению замараевцев, считалась самой красивой девчонкой в селе. Подобное утверждение, в том числе и на взгляд Кондрашова, практически соответствовало истине. Оттого-то острая и, как чудилось секунду назад, первоочередная потребность в утолении голода внезапно оставила молодого механизатора, будто её и не бывало.

Прежде родители Нины и Юрия жили по соседству и дружили семьями. Вместе сенокосили, трудились на огороде и встречали праздники. Казалось, что это нерушимо. И главы двух семейств – Кондрашов Дмитрий Иванович и Самохин Казимир Анатольевич, стремясь подкрепить нерасторжимую монолитность знакомства кровным родством, не раз и не два, полушутя-полусерьёзно, балагурили про то, что Юрия и Нину надо будет поженить. Матери отмахивались от них, а потенциальный жених, краснея, невнятно бормотал про получение высшего образования, про завоевание места под солнцем. И лишь «невеста», отчаянно встряхивая копной тёмных волос и с озорством стреляя жгуче-чёрными глазами, унаследованными ею от бабки-цыганки, неизменно и без колебаний заявляла, что хоть сейчас готова идти под венец. «Ах, Нинка! Ах, заноза сердешная! – хохотал Казимир Анатольевич, привлекая дочь к себе и чмокая её в щёку. –

За что я тебя люблю, так это за нашу самохинскую лихость».

Соседская идиллия рухнула год тому назад, когда Кондрашов-старший и Самохин крепко поссорились. Тлеющий конфликт в ходе очередной стычки перерос в нешуточную драку. И вспыльчивый и тяжёлый на кулак Дмитрий Иванович крепко покалечил бывшего друга. За что суд и приговорил его к трём годам лишения свободы. Немудрено, что чёрная кошка неприязни пробежала и между хозяйками двух семейств, и, поневоле, между их детьми. Получилось своеобразное подобие противостояния Монтекки и Капулетти «замараевского разлива».

С той поры Юрий избегал встреч с «занозой сердешной», а если они случались наперекор всему, отворачивался и прошмыгивал мимо неё. Так же поначалу поступала и девушка. Но затем она изменилась. Сталкиваясь со старым знакомым, Нина здоровалась с юношей, лаской принуждая его к ответной вежливости, а однажды и вовсе перегородила дорогу.

– Юра! – сказала Самохина. – Постой. Есть разговор.

– Стою, – ответил тот, переминаясь с ноги на ногу и глядя в сторону.

– Посмотри мне в глаза, – потребовала девушка. – Ну, посмотри, пожалуйста... Я тебе что-то плохое сделала? Нет. Или, может быть, ты мне свинью подложил? Тоже, нет. Видишь, я перед тобой ни в чём не виновата. И ты передо мной – тоже. Конечно, и моего папу жалко, и твоего... А мы-то здесь при чём?!

– Да... Ни при чём, – признал её правоту Кондрашов, взглянув в искренние и проникновенные, цвета неба в грозовую ночь, очи.

– Вот и договорились! – облегчённо выдохнула Нина. – Я просто хочу, чтобы меж нами не было недоговорённостей.

– Но... Но только между нами, – по-мужски бескомпромиссно предупредил тот.

Отныне при встречах они пристально и с приятнью смотрели друг на дружку, как когда-то, и улыбались. Беспричинно. Вернее, от осознания того, что они не чинят зря обиды. Хотя для родных их замирение оставалось тайной.

Позавчера, в спешке, Юрий и вовсе отважился купить хлеб в бывшем «сельповском» магазине, приватизированном Казимиром Анатольевичем. Тогда как ещё недавно и сам Кондрашов, и его мама совершали покупки в лавке, расположенной в противоположном конце села. Или же ездили за товаром на автобусе в город. Отмене юношей неписаного правила удачно способствовало и то, что Нина торговала без матери, а покупатели в магазине отсутствовали. И они разговорились как старые добрые приятели.

– Ты знаешь, Юра, – озабоченно сказала ему Нина, – скоро мои мама с папой будут в отъезде. Вечера уже тёмные. А я одна с выручкой. Нападёт ещё какой-нибудь маньяк! Мне бы постоянного и надёжного... стража. Да и вообще, для других случаев...

– Возьму колун побольше, и стану тебя стеречь, – игриво

пообещал ей юноша на прощание.

И вот сегодня «заноза сердешная» позвонила ему домой.

– Кушаешь? – осведомилась Самохина.

– Уже, – тактично соврал ей собеседник. – А ты как? Наверное, покупатель валом валит, от прилавка не отойти?

– Да какие там покупатели! – досадливо отвечала молодая продавщица. – Морока одна! Гонору на миллион, а берут – на три копейки. Я что, Юра, тебе звоню-то: ты в курсе, что новый завклубом объявился?

– Угу. Сам вчера по поручению Бурдина его поселял. А тебе какая сорока на хвосте эту весточку притаранила?

– Ко мне эта «новость» прямо с заутрени двумя ногами притопала, – засмеялась девушка. – Не успела магазин открыть, слышу, уже кого-то чёрт несёт. Входит мужчина. Так, ничего собой. И обходительный. «Позвольте, – говорит он мне, – на вашем объекте торговли аншлаг разместить». Я – ему: «Что ещё за аншлаг? И вы кто такой будете?» А он мне всё и обсказал. И пригласил вечером заглянуть на огонёк. Посулил, что ансамбль организует. Complimentами сыпал, что с моей внешностью не за прилавком торчать, а на сцене «Олимпии» блистать. Тут уж я ему уступила: «Нехай! Вешайте вашу афишку». Юра, давай сходим. А?

– Хорошо, – легко согласился Кондрашов.

– Тогда, может, за мной зайдёшь? – предложила Нина.

– Фриссон!¹ – живо отреагировал собеседник.

– Чего-чего? – послышалось с противоположной стороны провода.

– Да зайду, зайду, – сквозь лёгкую усмешку произнёс Юрий. – Это я идиотскую привычку у Кропота перенял. К месту и не к месту всякие словечки вставлять. Во сколько встречаемся?

– Начало в семь. Так ты без пятнадцати подходи.

3

По окончании рабочей смены Кондрашов вернулся домой, охваченный приятным нетерпением. Поужинав, он тщательно почистил зубы и ножницами «обчикал», как выражался Виктор Кропотов, невесомый пушок, пробивавшийся на подбородке.

Затем Юрий, подобно Гаю Юлию Цезарю, стал действовать по нескольким направлениям сразу: стоя перед трюмо, тщательно причёсывал волосы, отвечал на вопросы своей мамы Лидии Николаевны и, «по третьей параллели», умудрялся «мурлыкать» рефрен из «забойного» суперхита группы «Премьер-министр»: «Атомное чувство любовь – не налюбуйшься!...» А завершил юноша волнующие приготовления, освежившись отцовским парфюмом.

Ещё вчера неуместным оказалось бы само предположение

¹ Фриссон – мурашки по коже, эстетический или музыкальный озноб.

о том, чтобы заставить Кондрашова за щеголеватым «священнодейством» перед зеркалом, ибо всерьёз его поглощала одна, но пламенная страсть – футбол. Да ещё, как запасной вариант, литература. Впрочем, нельзя сказать, что юношу при этом не интересовали отношения с противоположным полом.

Напротив, с некоторых пор в сновидениях ему стало являться молодое создание. Чудное и прекрасное. Лицо юной леди прикрывала прозрачная вуаль, придававшая великолепие таинственности её чертам. Она проходила подле юноши, неуловимо касаясь его складками эфемерного платья и отдавая медвяным благоуханием. И без того сумеречное сознание Юрия ещё более смешивалось, тело охватывала сладчайшая истома, сердцебиение достигало критической отметки. И от желания продлить исчезающее магическое мгновение он...просыпался.

Непостижимая богиня, разумеется, исчезала, а Кондрашов до утра бился в постели, и сон его не брал. При этом, переходя из сферы подсознательного к бодрствованию, он не в состоянии был чётко воспроизвести восхитительный образ из потустороннего измерения. Но смутные воспоминания рождали в нём ощущение эйфории и предчувствие скорого счастья.

Потому юноша украдкой смотрел на всех встречных девушек и...не находил ту, что искал. Он и не подозревал, что в нём закономерно вызревала потребность любить, состояние

той общей влюблённости, от которой переход до любви предметной – к конкретной девушке, тождествен прыжку через пропасть, что рано или поздно совершает каждый мужчина. Ну, хотя бы потому, что по ту сторону бездны его ждёт фемина... с глазами цвета грозовой ночи и цыганистым темпераментом. Быть может, это не совсем то... Но, за неимением гербовой, пишут на простой.

Чудаковатый Зигмунд Фрейд утверждал, что либидо – эту могучую сексуальную энергию – возможно и даже разумно сублимировать в иные формы человеческого бытия. О-хо-хо!... Похоже, автора психоанализа самого надо было, мягко выражаясь, исцелять. Разве способна истинного ценителя вин удовлетворить деревенская «бормотуха» или небезызвестная «табуретовка»? Разве в состоянии запросы гурмана утолить «общепитовская» котлета? Разве заменит бывалому мореходу лужа с бумажными корабликами? Нет уж, дудки! Могучую любовную потребность настоящего мужчины дано укротить и растворить в себе исключительно женщине!

И потому закономерно наступает срок, когда на сынов Адама неотвратимо накатывает «девятый вал» страсти! По нарастающей обрушивается на них чудовищная и ужасная в своей всеподавляющей прелести сила женского обаяния! И ломает она всякого самца столь неизбежно, стремительно и мощно, так дурманит его сознание, так застилает ему глаза, уши и прочие органы чувств, что бедолага закономерно сходит с ума и начинает воспринимать действительность

только через облик любимой. И при этом для свихнувшегося счастливирика-горемыки все неисчислимые дамские «фишки» приобретают вид настолько гипертрофированных, абсолютных, совершенных и ни с чем несравнимых достоинств, что самому Господу приходится временно потесниться на своём безгрешном олимпийском пьедестале, уступая место Мадонне!

Что до крайне редких недостатков прекрасных особ, то в особую мужскую пору они представляются такими ничтожными, незначительными, микроскопическими, малюсенькими, пустяковыми и приятно-возбуждающими, что уже и над ними впадающий в экстаз сильный пол готов сюсюкать, проливать слюни умиления и по-младенчески лепетать невообразимые восторженные комплименты...

Правда потом, лет так через «...дцать», цунами чувственных и трепетных желаний, ниспосланных Эросом, так же закономерно схлынет. И «отлив» отчётливо обнажит перед обомлевшим и слегка одряхлевшим джентльменом такие «риффы» в натуре его ещё недавно обожаемой половинки, ранее закамуфлированные и заретушированные страстью, что ему останется лишь остолбенело выронить нижнюю вставную челюсть и растерянно развести руками: «Ну, вот...и приплыли!»

Однако подобные пугающие апокалиптические разочарования наступят позже. И, согласитесь, предвидеть их неискущённому юноше было бы весьма и весьма странно. Равно

как и то, что прежде ему суждено пережить сладкую участь «самоубийцы-утопленника» в безбрежном океане любви.

Вот почему сейчас Кондрашов чирикал беззаботным воробышком, выводя рулады про атомное чувство. Его, пусть и невеликий, жизненный опыт нашёптывал, что Нина Самохина звонила ему не скуки ради. И не от отсутствия выбора провожатых. Уж у неё-то альтернатива имелась.

Пригладив непокорный вихор, Юрий накинул в прихожей курточку, крикнул оттуда: «Ма-ам, я ушёл!» – и выскочил на улицу. К дому Самохиных он добирался кружным путём: чтобы его тайну не раскрыла ни Лидия Николаевна, ни замараевские обыватели.

4

Пять минут спустя он пробрался к самохинской новостройке – солидному двухэтажному коттеджу, по респектабельности мало уступавшему директорскому особняку. Вот так вот Самохины отстроились нынче! А ещё в прошлом году они жили в деревянном доме, располагавшемся по соседству с усадьбой Кондрашовых.

Нина Самохина помимо того, что обладала броской внешностью, слыла в селе и наиболее богатой претенденткой на выданье. Магазин, в котором она торговала, замараевцы по старой памяти продолжали именовать «сельповским», хотя в действительности его удачно «прихватизировал» Самохин.

Помимо этого глава самохинского семейства также завёл солидную торговую лавку на окраине Ильска. Обособляясь от совхоза, Казимир Анатольевич выбил солидный земельный надел, где теперь держал пасеку на сотню ульев. То есть, многое говорило за то, что единственная наследница хваткого предпринимателя Самохина в девках-вековухах не засидится.

Домину Самохиных окружал надёжный сплошной заплот двухметровой высоты, а помимо того её стерёг здоровенный чёрный кобель-волкодав. Не успел Юрий приблизиться к забору, а пёс уже глухо, злобно и не без опаски заворчал, почуяв кровного чужака (к тому у волкодава были резоны – о чём рассказ впереди). Когда же пришелец звонко свистнул, сигнализируя Нине о прибытии, собака захлебнулась в низком хрипящем лае.

В ответ хлопнуло окно коттеджа, в проёме которого появилась «заноза сердешная». Она приветственно помахала рукой и, изобразив на пальцах ходули, показала кавалеру, чтобы тот проходил внутрь по аллейке, до которой не достает злобный цепной цербер. Юноша не менее выразительными жестами дал понять, что подождёт её на улице – в укромном закоулке и в полумраке сгущавшихся сумерек. «Иду-у. Уже иду, – прерывая немой диалог, крикнула Нина, лакируя маникюрной кисточкой ногти. – Мизинчик остался». И захлопнула окно.

«Мизинчик остался», – вздохнул деревенский кавалер,

сведущий в женской психологии исключительно на теоретическом уровне. – Наверное, один мизинчик составляет эквивалент одного мужского перекура? А если человек принципиально не курит, то как ему быть?» И он вынужденно настроился на пятиминутную выдержку.

Но миновало не менее томительной четверти часа, прежде чем Самохина показалась из-за массивных ворот. Изнемогающий от нетерпения Кондрашов вознамерился было, как бы мимоходом и шутя, отчитать её, да поперхнулся заготовленной язвительной тирадой про «мизинчик». И не мудрено, что он впал в оторопь: к уральским просторам, как-никак, приближалась зима, пусть и изрядно смягчённая интенсивной оттепелью, а Нина вырядилась сообразно топ-модели, собравшейся фланировать на подмостках Парижа.

О, женщины!... Нет никаких сомнений в том, что вы внешне ослепительно хороши лишь постольку, поскольку изначально чудесен ваш внутренний мир. И следуя зову этого мира, в вас неистребима, неиссякаема и вечно жива нацеленность на изменение под стать себе всей остальной брутальной вселенной по законам красоты. В том числе и по перевоспитанию тех неуклюжих и косноязычных, неотёсанных и грубых недотёп, что были ниспосланы вам свыше с библейских времён в качестве спутников жизни и в порядке испытания вашего долготерпения.

Допустимо в порядке фантазии предположить, что и без

вашего облагораживающего влияния эти гориллоподобные существа, во избежание членовредительства вследствие обрывов, зацепов и обморожений, с течением времени самостоятельно доросли бы до понимания необходимости пользования повязками стыдливости и иной одеждой. Тогда они нацепили бы козлиные шкуры, обрядились в куль-рогожу, и на этом всемирно-исторический процесс развития моды у них был бы завершён.

Не исключено, что и без вашего участия самоуверенные недоумки с козлинообразными фейсами, не без апломба обозвавшие себя мужчинами, когда-нибудь и освободились бы от скотской щетины на собственных мордасах, обретая мало-мальски гуманизированный облик, но... Но произошла бы сия маловероятная метаморфоза, по наиболее оптимистичным прогнозам, как итог непрекращающихся пьяных стычек, дебошей и войн, в ходе которых они, завывая и вереща, словно мартовские коты, злобно таскали бы друг друга за усы и бороды.

Осмелимся также абстрактно предположить, что и лишённые стимулирующего воздействия прекрасной половины человечества, эти дурнопахнущие самцы (творческая ошибка Создателя) через толщу и толщу тысячелетий поднялись бы до той степени совершенства, что при переходе из зимнего сезона в летний, начали бы менять резину...(тьфу ты!) носки, стоящие у порога. И, возможно (хотя слабо в это верится), стали бы использовать средства личной гигиены, непре-

менно изготовленные (научи дурака Богу молиться – он и лоб расшибёт) на основе выжимки из самогона, сала, лука, редьки, чеснока, хрена и иной родственной им гадости.

Зато!... Зато, и теперь уж, вне всякого сомнения, в их всемирном стаде функционировали бы и без вашего вмешательства, милые дамы, три доведённые до совершенства монополии (как минимум и как максимум): винно-водочная, табачная и автомобильная. И (чем чёрт не шутит!?), если бы даже такое убогое и ущербное сообщество не сгнуло бы и не провалилось бы в тартарары, то... То что это была бы за жизнь???

Итак, Нина, обходя лужицы, островки снега и грязи, приближалась к Кондрашову. На ней был новенький, с иголочки светло-голубой плащ, на который ниспадали пышными волнами её тёмно-каштановые волосы. На ноги она надела туфельки на каблуках-шпильках, удачно гармонировавшие с её ладной фигурой и облегающей стан верхней одеждой. Её взволнованное лицо и сияющие глаза источали неизмеримое блаженство и ожидание комплиментов. На фоне приземлённого сельского пейзажа девушка смотрелась, словно Елена Прекрасная в разрушенной и разграбленной Трое.

В свете всего вышеизложенного становится объяснимым, что Кондрашов стусевался вкуче со своими резиновыми сапогами сорок второго размера, оптимально подходящими для деревенской слякоти. Он непроизвольно подтянулся,

стремясь выглядеть выше и стройнее. Слова упрёка спешно канули с его языка в глотку, пищевод, желудок и куда-то ещё дальше. От недавнего нетерпения и максимализма сохранился лишь скромный жест, проявившийся в том, что Юрий выразительно постучал пальцем по циферблату часов, да и то, предварив это движение громким восклицанием: «Кгм-кгм... Здорово!... Ты самая красивая девушка Ильска и его окрестностей!»

Щёки Нины в ответ вспыхнули ещё ярче благодарным румянцем. Провожатый протянул руку к её запястью, однако Самохина по-взрослому подхватила его под локоток, прижалась к нему, и они зашагали вдоль забора, не находя темы для разговора от церемонности и деликатности момента.

– ...Ну и как я тебе? – наконец осведомилась модница, ступая на дощатый тротуар, отчего её модельные туфельки звонко зацокали. – Нравлюсь?

– Не то слово, – отвечал Кондрашов, стараясь не шлёпать сапогами по мокрым доскам. – Я сражён наповал.

– Хоть сейчас под венец? – не успокаивалась девушка, продлевая период мужского признания в восхищении ею.

– Ну...если жениха подыскать.

– А ты-ы?

– В таком-то виде? – критически усмехнулся юноша.

– Ты для меня и такой бы сгодился, – высказала ответную любезность первая деревенская красавица. – В порядке особого исключения!

И на волнующем пике взаимной откровенности, путь парочке преградил перекрёсток, разбитый от распутицы в грязное месиво.

– Ваши предложения, сударь, – озабоченно обратилась Нина к Юрию, бережливо переступая в своих модельных «лодочках».

– Нет таких преград, сударыня, что остановили бы русско-го первопроходца! – проговорил тот с напускной невозмутимостью.

И не успела модница охнуть, как он подхватил её, плотно притиснул к груди и понёс через грязь.

– Юра, так ты повёл бы меня к алтарю? – касаясь его лица душистым локоном, томно проворковала девушка.

И она выдержала продолжительную паузу.

«Ох, и умеют же дамы задавать сложные вопросы в наиболее неподходящие моменты!» – посетовал про себя озадаченный носильщик пикантной ноши, разом постигая на практике и особенности женского духовного устройства, и выбирая безопасный маршрут, а также храня молчание из-за перебора вариантов адекватного ответа.

Решение нелёгкой (в прямом и переносном смыслах) задачи осложняло три привходящих фактора. Во-первых, Самохина была ладной, но и весьма крупной девицей. Во-вторых, Юрий впервые в жизни удостоился чести прижимать к себе отнюдь не мешок с овсом, а «занозу сердешную». И это значило, что справиться с мужской миссией нужно было лег-

ко и элегантно: без пыхтения и сопения, всхлипов и кряхтения, надрыва и судорожных рывков. И, в-третьих, предстояло дать обязывающий ответ на тему, о которой он прежде всерьёз и не помышлял.

Потому Кондрашов, внешне легко паря с деликатным грузом над бездорожьем, внутренне действовал на пределе сил. Да к тому же посреди скользкого месива, когда ноги и без того разъезжались, как «у пьяного сивого мерина», его голову некстати посетило бедовое сравнение. Сравнение о том, что по комплекции Нина, пожалуй, несколько тяготеет к пресловутой Маньке из Большой Захотихи, а загнанный на футбольных тренировках кавалер (хоть и превосходящий её на полголовы в росте) – к Манькиному папашке. «Сладкая парочка!» – подумалось юноше.

И происходящее представилось ему в столь забавном свете, что он едва не расхохотался, а «потешная слабость» начала разгибать предательски задрожавшие пальцы. Благо, выручило то, что девушка с готовностью обхватила юношу обеими руками за шею и прильнула к нему.

Н-да! Несметное количество положительных эмоций отразилось бы на лице Юрия, прижимай он к себе «самую красивую девушку Ильска и его окрестностей» в иной ситуации. Теперь же он преимущественно мечтал о том, чтобы добраться до твердыни земной, откуда тротуар тянулся уже до самого клуба. И вполне объяснимо, что Кондрашов, выгадывая время, не нашёл ничего лучшего, как заторможено

и неловко пошутить:

– К алтарю?... Ах да, в качестве надёжного стража с колуном...

– Вот ещё! – чуть обиженно надула губки Нина. – Я тебя вижу в качестве того, кому я... позволила бы снять с меня фату! В нужное время и в нужном месте. Так как?

– Мне же скоро осмнадцать стукнет, – поёрничал кандидат в женихи. – И тогда забреет паренька военком...

– Надо, так я и армию пережду, – настаивала на определённости Самохина. – Так как: ждать?

– Ждать. Конечно, ждать, – облегчённо откликнулся тот невольно подсказанным самой девушкой ответом.

– Взаправду?

– Угу.

Вот таким образом и завершилась их первая душевная близость, которую одна сторона восприняла как неофициальную тайную помолвку, а вторая расценила в качестве ни к чему не обязывающего неопределённого обещания.

Кондрашов облегчённо вздохнул, поставив Нину на тротуар. А «конспиративная невеста» щедро вознаградила «замараевского рикшу» за заботу: вставая на ноги, недвусмысленно прихватила своими чувственными губами его горевшую от напряжения щёку.

В коридор клуба парочка вошла с опозданием, услышав разногласицу, доносившуюся из кабинета заведующего. Соблюдая этикет и оберегая Самохину от возможных претензий за опоздание, Кондрашов распахнул двери и шагнул за порог первым, прикрывая собой спутницу.

Помещение основательно было заполнено молодёжью. И Юрий, вспоминая нечто, вычитанное им в книжке про старину, дурашливо отвесил присутствующим поясной поклон и громко провозгласил:

– Привет честной компании! Наше вам с кисточкой!

– О! – живо отреагировал на их появление Володя Попов, работавший с Кондрашовым в одной производственной бригаде. – Опоздавшему поросёнку – титьку возле попки! Свободных стульев-то и нету.

– И ещё пусть покажет, в котором месте у него кисточка, – пробасил из угла Виктор Кропотов.

– Жених и невеста! – проницательно съязвил кто-то из девушек. – Вон...какие возбуждённые... Или вам сразу марш Мендельсона сыграть?

– А вам – реквием Шопена? – резко «ощетинился» из-за двусмысленных намёков Кондрашов.

– Э-э-э, нет, други мои! – Сглаживая остроту пикировки, вмешался Лукин, вставая из-за стола и поочерёдно отмечая персональным поклоном и рукопожатием соответственно прибытие первой деревенской красавицы и своего памятного знакомого. – Так нельзя. К нам же пожаловала сама Ни-

ночка! Она очень скоро, в чём я не сомневаюсь, засверкает на всероссийской эстраде. А это? – похлопал он по плечу Юрия. – Это мой спаситель на замараевских минводах. Если бы не он, не свидеться бы нам с вами сегодня, други мои.

– Ух, ты!

– Это как?

– Почему спаситель? – принялись наперебой расспрашивать Лукина заинтригованные парни и девчонки.

Аркадий Николаевич, встав в центре комнаты, начал рассказывать о перипетиях встречи с Кондрашовым накануне. И повествовал Лукин настолько увлекательно, и с такими уморительными ужимками воспроизводил то, как он «фуркал» в луже, так живописал, каким образом «чумоданы» улепётывали от него прочь, будто добродушные тараканы от злобного санитаря, что смех не смолкал до конца его импровизации. «... Один рвёт когти на Северный полюс, второй – в Антарктиду, а аккордеон – на постоянное место жительства к тёте Саге и дяде Абгаму в Изгаиль», – под общий хохот завершил он выступление экспромтом, характерно картавя.

Постепенно все успокоились, и Лукин опять взял на себя инициативу, но уже деловую. Он сел с аккордеоном на стул, поднял руку кверху, призывая тем самым к полной тишине, и заговорил серьёзно:

– Друзья мои! Лаконично подытожим, образно выражаясь, наши декабрьские тезисы. Установка господина Бурдина однозначная: к совхозному собранию по итогам сельскохо-

зыйственного года дать концерт. То есть, у нас в распоряжении всего-то пара-тройка недель – следует поторапливаться. Репертуар в основных чертах мы наметили. С Ниночкой и Юрием на сей счёт я дополнительно перетолкую, а сейчас возьмёмся за распевочку.

– За распевочку? – удивился Кропотов.

– Именно. Я вам буду задавать ноту на аккордеоне, – растягивая меха музыкального инструмента и нажимая на одну из клавиш, обратился Аркадий Николаевич к полтора десятку ребят, рассевшихся перед ним полукругом, – а вы её подхватываете и тяните. И, таким образом, мы с вами в восходящем, а потом в нисходящем порядке должны одолеть весь звукоряд. По крайней мере, постараемся сделать это. Если кто-то почувствует, что более высокую ноту он не осилит, пусть остановится и передохнёт. Но хочу заранее предупредить, что эстрадное искусство не терпит натур робких и закомплексованных. Потому изначально и без малейшего мандража настраивайте себя на то, что вы самые голосистые вокалисты, самые талантливые артисты, самые гениальные личности! Всё понятно? Тогда начали: тянем букву «о».

Лукин прервал вступительный монолог, нажал на самую верхнюю клавишу аккордеона и первым низко затянул: «О-о-о-о-о...» И вслед за ним остальные, поначалу чуточку пересмеиваясь и переглядываясь, тоже заголосили: «О-о-о-о-о...». Музыкальный наставник постепенно брал ноты всё выше и выше и периодически пояснял: «А теперь на букву «у».

И прежде других подхватывал: «У-у-у-у-у...» Время от времени он останавливал распевку и поучал, обращаясь, например, к Кропотову:

– Виктор, дорогой мой! Ну разве это буква «а»? Ты же её держишь взаперти. Внутри себя. Она рвётся, бедная, наружу, а ты её не выпускаешь. Это в девятнадцатом веке ценился так называемый грудной голос. Скажем, как у великой примы Франции Полины Виардо. Нынче же век двадцатый на исходе. Иная эпоха. Общество стало открытым. И требования к вокалу тоже изменились. Звук должен «висеть» у певца на губах. Буква «о» должна буквально «выкатываться» из вашего рта, как бусинка, – обводил учитель взглядом учеников, – и свободно лететь к поклонникам. Слушали Аллу Пугачёву?... Только не нынешнюю, а, да позволено будет так выразиться, раннюю Аллу, когда мы все балдели от её «Арлекино»?!... Так вот, делать, как ранняя Алла! Поехали дальше...

Лукин вновь нажимал на очередную клавишу и темпераментно повелевал: «На букву «и»...И-и-и-и-и...». Юрий с Ниной, обмениваясь улыбками взаимопонимания, синхронно подхватывали: «И-и-и-и-и...»

Вскоре требовательного художественного руководителя опять нечто не устраивало в хоре звучащих голосов. Он склонял голову набок, подобно любопытному снегирю, сидящему на ветке, чутко прислушивался, делал музыкальную паузу и говорил Попову: «Володя! Ты чуточку в нос поёшь.

Оттого лёгкая гнусавинка. У тебя звук цепляет за нёбо. А ты так щеками, гортанью, всем речевым аппаратом направляй его, чтобы он, не соударяясь о полость рта, полностью выходил наружу. Общая ошибка: не работаете артикулярным аппаратом. Он должен, по идее, как бы копировать звук, чтобы я взглянул на ваши уста и мне, подобно глухонемому, стало ясно, что это звук «о». Чехов же нельзя повторять, что если в первом акте на стене висит ружьё, то в последнем акте оно должно выстрелить...

– Что висит, то не стреляет, – буркнул Кропотков, но его кроме Кондрашова никто не услышал.

– ...И у нас, по Чехову, не должно быть ничего лишнего, – продолжал меж тем растолковывать премудрости вокала Лукин. – Функциональность в чистом виде. Не стесняйтесь раскрывать рот. При случае обратите внимание на Ларису Долину. Какая у неё внешняя артикуляция, а! Видели, как она, извиняюсь за выражение, пасть дерёт? В лучшем значении этого слова. Будто крокодил. Будто готова заглотить весь мир. В желудок заглянуть можно! Зато и акустика у неё мирового уровня. Чистая и ясная. Уловили? Поехали дальше.

Пальцы рук Аркадия Николаевича скользили по клавиатуре музыкального инструмента ниже и ниже, а звучание аккордеона и напевы вокалистов, напротив, взлетали выше и выше. И стоило кому-то из репетирующих замолкнуть в изнеможении, как Лукин принимался его подбадривать: «Ну-

ка, давай ещё потянем... Фальцетиком... Фальцетиком... Теперь хорош!...»

Или же музыкальный руководитель вдруг восклицал:

– Прекрасно, Ниночка! Какой у тебя чистый и сочный природный альт! А амплитуда – три полновесных октавы – почти от контральто до сопрано! Да и остальные на диво одарённые. Порой забываешься, и кажется, что ты вовсе и не в Замараевке, а где-нибудь... в Милане, в Ла Скала.

– Мы, замараевцы, лучшие, – под общее веселье похвастался Кропотов. – А на халяву у нас и бурёнки лучше итальянских коров замычали бы.

И когда последней из вокалистов смолкла Юля Гордина, вытянувшая самую высокую ноту, у многих на лбах проступила испарина. Кропотов расстегнул ворот рубашки, промокнул лицо рукавом и покачал головой.

– Как, Виктор? – поддел его Лукин. – Дармовой хлеб у артиста?

– Ничего себе, распевочка! – откашливаясь, отвечал тот. – Словно тайм на футбольном поле отпахал. Так ведь... кхе-кхе... надорваться недолго. Зато, какое у меня горлышко стало: что у того волка, которому кузнец его подковал. Шелковистое! И никаких яиц не надо.

– Так уж и «никаких»?! – разыграл удивление на своём лице Аркадий Николаевич. – Не скажи! Так ведь, неровён час, вместо своего густого баритона запищишь на манер Вовочки Преснякова.

Парни, довольные весьма кстати наступившей передышкой, громко захохотали, девчонки стыдливо захихикали, а Володя Попов съязвил, ехидно взглянув на Кропотова: «Зато девки целее были бы...». Тем самым он намекнул на «ахиллесову пяту» Виктора, которого уже в детстве дразнили «девичьим пастухом».

– Знаете, чем вы меня удивили? – обратился заведующий клубом к аудитории. – Разбросом голосов. У девушек почти исключительно высокие, кроме Нины, а у ребят – исключительно низкие: сплошь баритоны, переходящие в басы. Только Володя и Юрий – теноры, тяготеющие к баритонам.

– Хо, они ещё пацаны, – возразил ему Кропотков. – Повзрослеют – тоже засипят.

– У нас, Аркадий Николаевич, учёные проводили исследования, – ввёл приезжего в курс дела Кондрашов. – Они изучали наше замараевское наречие, особенности говора, фольклор...

– ...традиции, обычаи, тосты! – вклинился Кропотков под смешки присутствующих.

– Нет, кроме шуток, – сердито сверкнул Юрий глазами на Виктора. – И параллельно учёные установили, что мы живём в уникальной природной зоне, в громадном урочище, которое нас как бы отделило от остального мира и сохранило нашу самобытность. Получается, что замараевцы – особый этнос. И по голосу, и по многому другому...

– Правда-правда...

– Так оно и есть, – уже серьёзно подтвердили слова Кондрашова остальные, уловив недоверчивый взгляд художественного руководителя.

– Раз заговорили на отвлечённые темы – это верный признак того, что мы отдохнули, – подвёл итог разминке Лукин. – Вас я уже, господа артисты, извините за банальность, «сосчитал» и квалифицировал, как тот козлёнок из известного мультфильма, который умел считать. Отныне вы для меня не просто мальчики и девочки, но басы и теноры, альты и сопрано. Попозже я расскажу вас, как говорят в народе, по голосам, то бишь – по хоровым партиям. Пока же, вместо музыкального антракта, поработаем над дикцией и произношением, применив искусственно усложнённую артикуляцию. Попросту говоря – скороговорки. Это эффективный тренинг, чтобы ваши язычки стали изворотливыми, точно помело. Только, чур, не вывихните их.

И заведующий клубом, а вслед за ним и его подопечные, начали произносить на разные лады скороговорки и прочие «языколомки». Типа «Саша сушки сосала и мочалила мочало». При этом Кондрашов успел подметить, что Лукин горазд подпустить сальности и в таком, казалось бы, абсолютно несексапильном занятии. Над предложенной им скороговоркой «Еду я по выбоине, из выбоины не выеду я» навеселились вдоволь. И особенно в исполнении Кропотова, который, покраснев словно свежесваренный рак, пусть и невольно, но так и норовил придать ей более чем двусмысленную

форму.

Всё тот же Виктор и добил всех присутствующих, взяв скорый реванш у заведующего клубом.

– Это что, – пренебрежительно отмахнулся он по поводу своего фиаско в искусстве чёткости и чистоты речи. – Это фигня! Вот вы, Аркадий Николаевич, попробуйте быстро сказать такую штуkenцию: «Сиреневенькая глазовыколу-пывательница с полувывломанными ножками».

– Чего-чего! – едва не выкатились глаза из орбит у повидавшего «семь чудес света» хударука под дружный гогот аудитории.

На очаровательной «глазовыколу-пывательнице» молодёжь «запала» окончательно. Извиняемся за использование непафосного сравнения в повествовании, но необъезженными кобылками ржали и замараевские девушки.

Лишь через пять минут Аркадий Николаевич привёл артистов в рабочее состояние и рассадил их согласно вокальной классификации. «Други мои! – объявил он. – Как мы и условились с вами в дебюте встречи, сейчас попытаемся хором исполнить опус «Деревенька» – любимую песню директора совхоза. Девочки текст уже размножили, посему прошу разобрать листочки, и начнём».

Лукин сыграл на аккордеоне музыкальное вступление и, когда зазвучал лирический лейтмотив, Юрий, в числе прочих, по сигналу дирижёра, поданного энергичным кивком, запел: «Деревня моя, деревенька-колхозница...». Исполнить

«опус» по хоровым партиям оказалось непросто. И только с седьмой попытки хор вытянул песню без сбоев от начала и до конца. При этом живое музыкальное полотно, проистекающее из полутора десятков уст, прозвучало столь мелодично и слаженно, что, чудилось, стены кабинета не выдержат акустического резонанса и разлетятся вдребезги.

– Клёво! – выразил общее мнение одним словом Кропотов. – Вот это мы дали! Как ты, Юрка, сказал-то?

– Бельканто², – потупившись, поскромничал тот.

– О, как! Бельканто! – подытожил Виктор.

– Для дебюта относительно неплохо, – вынес оценку и Лукин. – Хотя красивого пения, особенно в лёгкости ведения звука и плавности переходов, на горизонте пока не наблюдается. Огрехов масса, уж поверьте моему изошрённому музыкальному уху. Но...пели же «с листа». Так что твёрдую «троечку» можно выставить.

– Как «троечку»?!

– Да мы же классно сбацали!

– Не хуже, чем хор этого самого...Григория Верёвки! – возмутились ребята.

– Эх, молодо-зелено, – засмеялся Аркадий Николаевич. – Не берись спорить. Почитатели нас рассудят...Да!...Ещё мы с вами упустили два момента: не решили, как назовём наш творческий коллектив, и насколько часто будем проводить репетиции?

² Белькáнто (итал.– *bel canto*) – красивое пение.

После горячих и продолжительных споров почти единогласно присвоили нарождающемуся ансамблю наименование «Деревенька» – что и у той песни, с которой предполагалось открывать концерты. Только Кропотов упорно не соглашался с выбранным вариантом, из квасного патриотизма доказывая, что деревня селу – не ровня. А Замараевка, как-никак, – большое село.

Репетиции на «втягивающей стадии» постановили проводить через день, поскольку Лукин опасался, что более напряжённого ритма не выдержат неподготовленные голосовые связки вокалистов. «Снизойдите к моему недюжинному опыту, – переубеждал он наиболее горячие головы. – В нашем деле профанация ужасна. Я же не учу вас озимые сеять. Лучше недогрузка, нежели перегрузка. Первоначальная эйфория улетучится, а напряжение и усталость останутся».

Засиделись допоздна. По домам ребята расходились уже в одиннадцатом часу. А Юрий с Ниной и вовсе ближе к полуночи, так как Лукин оставил их затем, чтобы уточнить репертуар.

Оставшись втроём, Аркадий Николаевич жестом пригласил Кондрашова пересесть на стул, стоявший перед столом заведующего клубом.

– Ну что, Юрий, пародии, фокусы, эстрадные миниатюры? – шутливо спросил он парнишку, когда тот обосновался на новом месте.

– Да я, вообще-то, пою, если это можно назвать пением, – неловко пожимая плечами, пояснил экзаменуемый, демонстрируя своим видом, что ему-то яснее ясного, что их брата вокалиста и без него в избытке расплодилось на белом свете.

– Песня – основа эстрады, – согласился завклубом. – К ней в процессе творчества всё прочее и приложится. Просто ты вчера так завлекательно про Манькину яму излагал, что я узелок на память завязал: у молодого человека речь весьма изрядно поставлена. Ты, Юрий, как: певец-надомник, или на людях доводилось выступать?

– В школьном ансамбле пел, а Володька Попов и Пашка Богданов – который справа от вас сидел, на гитарах бацали и мне подпевали. Володька и на баяне прилично играет. Да что там «прилично»: он лучший баянист Замараевки.

– Угу. И что же мы предпочитаем исполнять?

– Мне у Губина нравится «Мальчик-бродяга». Или у Леонтьева – «Полёт на дельтаплане». Или у Зацепина с Дербенёвым – «Есть только миг»... – открылся в своих предпочтениях юноша. И спохватившись, добавил: – Наверное, последние две вещи уже устарели?

– Отчего же, – успокоил его авторитетный собеседник. – Хорошие вещи с годами прибавляют в цене. И потом, в сельской местности общественные процессы запаздывают аккурат лет на десять-пятнадцать. Нормальный выбор. Тем паче, что твой вокальный потенциал ему вполне соответствует. Но, всё же... Юрий, ты на досуге взвесь моё предложение

про то, чтобы совместно вести концерты. Кумекаю я, что и конференс – твоя стихия.

Перетолковав с Кондрашовым, Лукин отсадил его в сторонку, а сам занялся Ниной. Примечательно, что её он не столько выслушивал, сколько осыпал комплиментами и пел дифирамбы, обещая ей блестящее будущее – под его, разумеется, тёплым и чутким руководством. От расточаемых им похвал Нина не растаяла. Она лишь иронически фыркала и смеялась.

«Ишь, как обхаживает, селадон! – не с ревностью, а с неожиданно возникшей лёгкой неприязнью подумал Юрий. – Вроде уже в возрасте, а туда же... Да и в луже матерился...». И ему вспомнилась бывальщина про то, как кинорежиссёр дарит посуды начинающей актрисе: «Меньше чем через год у нас с тобой будет «Оскар»!» На что та наивно замечает: «А если родится девочка?»

Кондрашову стало неприятно, и он встал со стула, решив уйти по-английски, не прощаясь.

– Юра, ты куда? – окликнула его Самохина, заметив его резкое движение. – Ты не уходи без меня. Я уже скоро.

Отвязавшись от Лукина, Нина ещё долго не отпускала от себя Юрия. Они бродили по улицам села и болтали о сущих, но для них таких многозначительных, пустяках. При расста-

вании возле самохинского коттеджа девушка с еле прорвавшимся стоном потянулась кверху соблазнительной фигурой, томно зевнула и проворковала по-свойски, почти по-семейному: «Ой, мочи нет, до чего спать хочется! В спальне сброшу с себя всё-всё, даже ночнушку не одену, и сразу бултыхнусь в постельку!»

От произнесённых слов у Кондрашова, живо вообразившего эту картину, тревожно и приятно заныло в животе. Ведь он ещё не был близок с женщиной. И когда Самохина прощально протянула ему руку, он, наконец-то, осмелился и мимолётно чмокнул девушку в щёку.

– Хм... Товарищеский поцелуй, – не без иронии хмыкнула та. – Разве ж так целуются?

И не успел растерявшийся непутёвый ухажёр слова молвить, как девушка порывисто и с силой обняла его. Она охватила своими чувственными и сочными губами его губы и так страстно втянула их внутрь и продолжительно задержала там, что Юрий едва не задохнулся. Ощущение сладкого ожога охватило его.

– Вот... как надо... с милым... целоваться, – бурно дыша, выговорила Нина, отпустив юношу. – Ну и как?

– Чуть не помер! – тихо засмеялся тот, ибо к нему на фоне кислородного опьянения нежданно-негаданно возвратилось чувство юмора. – Но здорово! Это была бы самая приятная смерть в мире!

– Так мне тебя ждать, если заберут в армию? – по-жен-

ски несколько нелогично вдруг возвратилась первая замараевская краля к их вечернему разговору.

– Ну-у... Ждать, – неуверенно кивнул Кондрашов.

– А ну, давай сюда свой мизинчик, – решительно сказала Самохина, протягивая к нему руку.

– Опять «мизинчик»? А зачем? – глуповато заулыбался парень.

– Затем, – коротко и безапелляционно ответила девушка, беря его за запястье и склоняясь над ним.

Внезапно острая колющая боль пронзила палец Юрия.

– Ты что?! – вскрикнул он, высвобождая кисть. И увидел, что на кончике его мизинца выступила кровь.

– Надо, – деловито сказала Нина.

И она, неведь откуда взявшейся у неё булавкой, проколола кончик и своего пальца. Затем Самохина прикосновением пораненных мизинцев смешала капельки животворящей жидкости и заставила Кондрашова слизнуть кровь у себя, в свою очередь, проделав то же самое с его мизинцем.

– Теперь мы тайно соединили судьбы, – заявила она, покончив с мистическим ритуалом. – И ничто и никто нас не разлучит. Мы – суженые.

Чуть оторопевшему «суженому» мистический церемониал внушал как захватывающую интригу, так и жутковатые переживания. Ему невольно вспомнилась неумирающая молва замараевцев о том, что предки Нины, в том числе бабка и мать девушки, занимались ворожбой.

– Ты меня заколдовала? – пряча за усмешкой противоречивые эмоции, осведомился он.

– Глупыш! – прикоснулась Самохина губами к уголку его рта. – Против любимого заветы не могут иметь силы злого заклятья. Любящее сердце вещуньи не в состоянии нести ничего, кроме добра.

В подтверждение её магического зарока, громадный черношёрстный самохинский кобель теперь не бросался на Юрия в захлёбывающемся свирепом лае. Пёс из-за полуоткрытых ворот дружелюбно вилял ему хвостом, признавая за своего.

Глава вторая

1

Воскресным днём сельская молодёжь собралась на третью репетицию. Вот она-то не только круто изменила привычный жизненный уклад Юрия Кондрашова, но и подломила его материалистическое мировоззрение или, как нынче модно изрекать, его менталитет. Хотя поначалу ничто подобного не предвещало.

Вслед за распевкой и исполнением хоровых песен, коллектив самодеятельных артистов разбился на группы: Лукин и трио девчонок, которое составили сёстры Гордины и Нина Самохина, отрабатывали музыкальный номер на сцене, привыкая к атмосфере и акустике зрительного зала; Юрий и

Виктор Кропотов, устроившись на галёрке, зазубривали роли из юморески; остальные в кабинете заведующего клубом осваивали текст новой песни. Короче говоря, каждый занимался порученным делом.

И в этот момент произошло событие, сыгравшее в судьбе Кондрашова исключительную роль. Входная боковая дверь неслышно отворилась, и в зал вошли две незнакомые девушки. Здесь же, у входа в партер, они присели на зрительские места и превратились в нечаянных слушательниц песни о дождике, исполняемой трио.

На одну из посетительниц Юрий не обратил особого внимания. Зато бросив взгляд на другую визитёршу, он обомлел и, дважды хватанув воздух от удущья, молниеносно впал в прострацию. Он почувствовал себя так, словно после хлёсткого удара обожаемого им бразильского форварда Роналдо мяч угодил ему в голову. Набежавший за феноменальным нападающим атакующий полузащитник Ривалдо прямым подъёмом, тоже наотмашь, вдарил по отскочившему мячу, и тот попал уже в солнечное сплетение живой мишени. И довершил разгром, начатый товарищами по команде, защитник Роберто Карлос, нокаутирующим «сухим листом» отправивший болу³ на вершок ниже того места замараевца, где новорождённым перевязывают пуповину. «От-

³ *Бола (португ.) – девушка; именно так, в женском роде и ласково, по-футбольному артистичные, виртуозные и супертехничные бразильцы именуют мяч. Это их вторая любовь. Также как у россиян, с некоторых пор – деньги (или они у нас уже на первом?).*

таскивай!»), – кричат в подобных случаях чокеровщикам лесорубы, отпилившие от дерева бесчувственный комель.

Потрясение, смятение чувств, полуневменяемость, – пожалуй, так наиболее ёмко следовало бы охарактеризовать состояние Кондрашова. И оно объяснялись тем, что гостя (в этом юноша готов был поклясться на Библии, Коране, Талмуде и Уставе ФИФА⁴ вместе взятых) оказалась подлинным воплощением той Девушки-Ночи, что навещала его в снах. Прекрасное, недостижимое и потустороннее видение чудесным образом превратилось в реальную и утончённую мисс Нежность и Очарование (ведь загадочный флёр уже не прикрывал её дивные черты). И она, подумать только! находилась в двух десятках шагов от него и дышала одним с ним воздухом!

В состоянии ли простой смертный описать женскую красоту? Разумеется, нет! Напрасная надсада! Любой полноценный мужчина сознаёт тщетность таких потуг. И тот, кто утверждает противоположное, в лучшем случае обречённый завистливый и мстительный импотент, а в худшем – дважды кастрированный на гильотине злобствующий евнух. Их напрасные попытки напоминают жалкие поползновения отдельных ущербных чудаков дать сухие логические дефиниции любви, духовному и...кГМ...недуховному экстазу, жажде жизни и тому подобным непостижимым для логики феноменам.

⁴ ФИФА – Международная федерация футбола.

Величие художников-импрессионистов, в частности, в том, вероятно, и состоит, что они и не покушались на фотографически безукоризненные слепки с самобытности человеческого бытия или, тем паче, не посягали на то, чтобы превзойти в искусности Творца всего сущего. Гениальные живописцы определяли для себя неизмеримо более скромную задачу: на холстах они ваяли богатой палитрой сугубо индивидуальные впечатления, вызванные созерцанием того, что «зацепило» их. И следуя этой логике, можно только попробовать в ничтожной степени передать тот взрыв эмоций, тот каскад ощущений, что всколыхнули душу неискушённого провинциального парнишки, которому судьба устроила долгожданное randevu с неподражаемым эстетическим идеалом.

Ах, до чего же она была хороша! Её рафинированная аристократическая красота перманентно напоминала о том, что посланница небес всего лишь на один миг, волею случая, завернула в сей убогий крестьянский уголок. И от этой небожительницы веяли особые флюиды, указывавшие на её неземное происхождение и подтверждавшие, что для простых смертных она доступна ровно настолько, насколько солнечные лучи, рассекающие заоблачную вышину, позволяют через себя прикоснуться к далёкой голубой звезде.

На гостье было модное кепи, элегантное серое укороченное пальто спортивного покроя и тёмные брючки, заправленных в изящные сапожки. В этом одеянии она полноправно

олицетворяла собой космическую амазонку, только что завершившую верховую прогулку на Пегасе по Млечному Пути в окружении ангелов.

И то, как она вошла, независимо поведя головой, прошла по залу, невесомо чеканя шаг «от бедра», присела, красиво изогнув лебединую шею, женственно поправила светлый локон, выбившийся из-под кепи, – всё в совокупности свидетельствовало о ней как о представительнице избранной священной породы. Той самой породы, над которой природа по поручению богов поработала не одну тысячу лет, сменила сотни поколений, прежде чем, действуя методом проб и ошибок, сподобилась-таки выдать подобный шедевр. И шедевр у имя было – Великолепие и Прелесть, Гармония и Грация, Изящество и Элегантность! Воплощённая Грёза Любви! Мисс Солнечный Блик!

И хотя пришелица не удостоила Юрия хотя бы взглядом, тот был сражён ею наповал, раз и навсегда, словно полевой стебелёк разящим ударом стека амазонки; точно оленёнок, заарканенный на бегу прекрасной богиней Дианой. Юноша тотчас пополнил легион поклонников Её Королевского Величества, беспрекословно встав в строй правофланговым. Отныне она заполучила в свои ряды самого преданного и негибаемого воина, готового идти за неё в атаку с открытым забралом, парировать кинжальные выпады неприятеля, стоять насмерть в обороне, грудью отражая град стрел и ею же заслоня зияющие бреши.

Правда, при этом Её Величество обязана была иметь в виду, что юному рыцарю недостаточно было просто её расположения, благосклонного взора, милостивого пожатия руки. Он жаждал заполучить абсолютную ценность белого света – любовь Королевы! Взамен же самоотверженно и беспрекословно он готов был отдать то небольшое, чем располагал – свою жизнь...

Виктор Кропотов, сидевший рядом, склонился к дружку, обмершему от волшебных чар, и в своей традиционной ёрнической

манере в ухо выпалил ему:

– Закрой рот, оболтус! Я всё сказал.

– А? – перевёл на него Кондрашов отрешённый взгляд, свидетельствующий о том, что он не признаёт приятеля.

– Здрасьте, Иванушка-дурачок, – потешался над ним Виктор. – Будем знакомы: я – та самая жаба из болота, к которой прилетела ваша стрела.

Юрий, не реагируя на кропотовские подначки, прерывисто вздохнул, и вновь повернул лицо к феноменальной девушке, что так мимолётно и небрежно полонила его сердце.

– Чё, хороша Маша, да не наша? – не прекращал язвить приятель. – Не дери глаз на чужой квас! Ништяк кадр, да? Ту, что рядом с ней сидит, рыженькую, я знаю – дочка нашего главного инженера, Маринка Шутова. Тоже ничё... Учится в Среднегорске. А вот фифочка – неопознанный летающий

объект. Щас подкачу к ним. Стану оправдывать их надежды!

И Кропотов, ничтоже сумняшеся, запросто отправился знакомиться с новенькими. Он, грубая слоновья натура, естественно, не мог уразуметь, к Кому (!) он посмел приблизиться. Юрий даже в спинку стула вжался от срама, представив то, как (!) Виктор будет изъясняться посредством убогого деревенского лексикона с Небожительницей.

Нина Самохина, до того старательно выводившая вокальные рулады в унисон с сёстрами Гордиными, внезапно умолкла, выразительно косясь на Лукина.

– Что? Что такое, Ниночка? – спросил её Аркадий Николаевич, приостановив стремительный бег своих пальцев по клавиатуре аккордеона.

– А что здесь делают...посторонние? – сердито бросила та, и пренебрежительно указала пальцем в зрительный зал.

Заведующий клубом, вникнув в суть недовольства фаворитки, отнёсся к появлению посторонних миролюбиво.

– Ниночка, девочка моя! – укорил он нарождающуюся приму. – Это же твои зрители. Первые ласточки, так сказать. А в дальнейшем у нас и поклонники появятся, и фан-клубы. Будь готова к такому повороту. Договорились?

И из-под искусных пальцев Лукина вновь полилась проникновенная лирическая мелодия. Самохина поморщилась, и нехотя приняла доводы наставника.

К вящему изумлению Юрия Кропотов возвратился целым и невредимым, без увечий и психологических травм. Вик-

тор, проворный и вездесущий, как Паспарту, успел выяснить, что Марина Шутова и её спутница – студентки пятого курса экономического факультета Среднегорского университета и прибыли в село на два с половиной месяца для прохождения преддипломной практики.

– Маринка по направлению от совхоза учиться, – нашёптывал он Кондрашову. – В универе они и покорешилась. Фифочку зовут Стеллой. Воображулистая. Не то, что Маринка, та – своя народа. А эта – нос дерёт до потолка. Городская штучка. Ничё, за практику мы её пообломаем.

– Кгм-кгм, – смочил слюной пересохшее горло Юрий.

– Маринка-то и подбила Стеллу к нам мотануть на практику, – продолжал просвещать «разведчик» друга. – Маринкины старпёры в Ильске живут. У них там двухкомнатная хрущоба. Пять лбов на тридцати квадратных метрах ошиваются. Не протолкнуться. Отец-то еёний в нашем конце села коттедж достраивает. Потому девахи прям в Замараевке кантоваться станут – у лога. Знаешь, где хижина дяди Толи? Ну вот, там. Опосля репетиции мы их провожаем. Я уже место забил.

«Хижиной дяди Толи» в селе иронически нарекли заброшенный дом, отремонтированный по инициативе директора совхоза. Жилище использовалось то для размещения прикомандированных, то для различного рода подрядчиков.

Бурдин у селян пользовался непререкаемым авторитетом. На заре «бандитской приватизации» он не дал развалиться

предприятию. Да и в последующем, худо-бедно, но совхозники выкручивались в условиях дикого российского капитализма.

2

Исчерпав программу подготовки, сельские артисты засобирались домой. Лукин, что за ним водилось, задержал Самохину. Остальные высыпали на улицу. И уже там, близ клубного крыльца, Кропотов подвёл и представил приятеля гостьям.

– Знакомься, Юрок: Стелла, Марина. А это, девчонки, тот самый замараевский...эта...инте...интеллектуал, про которого я вам рассказывал.

– Ладно тебе, – одёрнул его юноша, и отчего-то назвался по фамилии, поочерёдно протягивая девушкам руку. – Кондрашов. Кондрашов.

– Марина, – сказала Шутова.

– Кораблёва, – произнесла Стелла мелодичным голосом, прозвучавшим так прозрачно и чисто, как свежи и первозданны ландыши в тенистой прохладе нетронутого леса.

– Почему же так официально? – неуклюже осведомился у неё юноша.

– Следую вашему примеру, – пояснила его новая знакомая с доброжелательной улыбкой.

– Ах да! – спохватился паренёк, осознав собственную

оплошность.

Он не нашёлся, что ответить, и, быть может, по этой причине, излишне крепко, по-мужски сжал тонкие и длинные пальцы собеседницы.

– Юрий! – уже смеясь, воскликнула Кораблёва, приводя его «в чувство». – Мне кажется, что вы мою бедную руку перепутали с силомером.

– О! Простите! – окончательно смутился тот, ослабляя хватку, но, тем не менее, в странном забытии продолжая держать девушку за запястье, пристально глядя на неё.

Лучше всего его состояние одним ёмким словом из молодёжного жаргона охарактеризовал Виктор.

– Ты что, в отключке? – помахал он рукой перед глазами друга подобно психиатру, проверяющему, адекватен ли клиент.

– Не тают, – пробормотал тот.

– Что, «не тают»? – с деланной обеспокоенностью переспросил Кропотов, подмигивая практиканткам.

Он картинно приложил тыльную сторону ладони ко лбу юноши, как бы проверяя у того отклонение температуры от нормы.

– Снежинки на ресницах не тают, – отклоняя голову в сторону, так как друг мешал ему смотреть на Стеллу, задумчиво ответил Юрий.

И действительно, снежинки на пушистых изогнутых ресницах девушки не таяли. Её ресницы простирались настоль-

ко, что при взмахе ими поднимался лёгкий ветерок, а порхающие в воздухе снежинки, опускаясь на них, образовали красивый ажурный налёт. Теперь и Виктор с Мариной убедились в этом.

– Ёк-карный бабай! – совсем непоэтично воскликнул Кропотов. – Долго мы так ещё будем торчать? – ревниво разнял он затянувшееся рукопожатие застывшей парочки, и уверенно направил квартет от клуба в сторону избушки молодых специалистов.

Компания уж двинулась было вдоль по улице сплочённой группкой, но его монолитность сломала Нина Самохина, о существовании которой Кондрашов и думать забыл.

Она, выскочив из клуба, решительно отстранила Виктора, «маячившего» у неё на пути, и демонстративно взяла Кондрашова «под ручку». При этом Нина с чрезмерной, явно показной заинтересованностью обратилась к нему: «Юрочка! Ты мне так и не дорассказал ту смешную историю... Помнишь, вчера, когда мы стояли около нашего дома?» С этими словами Самохина увлекла его, растерявшегося от стремительной «смены декораций», за собой.

На улице меж тем слякотную оттепель наконец-то сменила зима. Она воцарилась повсюду. И не мудрено: всё-таки на листке календаря значилось уже первая декада декабря. Морозный воздух густо заполнили невесомые мириады снежинок. Они всё более и более укутывали собою, будто белой заячьей шубкой, подмерзающую землю. Затянувшееся меж-

сезонье отступало.

Однако наступивший перелом в погоде не радовал Кондрашова. Он понуро брёл подле Нины, путаясь в собственных ногах, и завистливым взглядом сопровождал Кропотова. Тот подобно журавлю манерно вышагивал впереди на своих длиннющих «ходулях» рядом со Стеллой и Мариной, и, наверное, в сотый раз за последний месяц вещал про казус, что недавно свёл его, ни с кем попало, а с олигархом областного масштаба Сытновым.

Ёрник и балагур Кропотов в прошлом году демобилизовался из армии и устроился работать в совхозе шофёром. Вozил он на УАЗике самого Бурдина. И имелась у Виктора забавная привычка, в известной мере отражавшая его проказливый характер. Минуя на трассе встречный транспорт, он, нет-нет, да и вскидывал руку в приветственном жесте, выставляя её из окна. Добро, если бы молодой нахал таким образом салютовал знакомым. Так нет же, он время от времени своими каверзами вводил в заблуждение и совершенно случайных людей, спохватывавшихся, что они не просто проворонили кого-то из уважаемых персон, а и обидели их ненароком своим невниманием. И ехал дальше «нагретый» наглестом шофёр, и ёрзал ожесточённо на сиденье, точно там у него завелись термиты, и сетовал на собственную оплошность, и ругал себя нехорошими словами. Зато Кропотов довольно похохатывал и приговаривал: «Один – ноль в мою

пользу».

Ан верно гласит народная мудрость: не мути воду – случится черпать. Минувшей осенью опростоволосился и сам шутник. В страдную пору он следовал из Замараевки в Ильск, чтобы забрать с совещания в райцентре директора совхоза. Навстречу ему попался шикарный «Мерс». И угораздило же чрезмерно шустрого Виктора по укоренившейся дурной привычке задиристо и по-свойски отсалютовать ему словно старому знакомому. Просто так. Наобум. За тонированными стёклами лиц он, разумеется, не различил. И уже «задним числом» проказливый совхозный водитель дал оценку тому факту, что гламурный локомотив был снабжён проблесковым маячком и следовал в центре кортежа из трёх иномарок.

На несчастье, ехал в том «Мерседесе» собственник могущественной корпорации «Недра Рифея» Сытнов. И привиделся фактическому главе региона в развязном молодом шофёре не кто иной, а «сынок-сосунок» одного из его низвергнутых недругов. И почудилось ему, что тот «сосунок» не с элементарной издёвкой чем-то там жестикулировал, а «на довесок» средний палец особым

торчком выставил. Да к тому ж не на ноге, а на руке...

Нетрудно предугадать, что вельможа отдал энергичное распоряжение, наполненное глубоким смыслом и богатым русским фольклором, воспетым ещё Николаем Васильевичем Гоголем. И догнали олигарховы опричники простофи-

лю-деревенщину необразованную. И умеренно и чисто по-мужски надругались над ним (в смысле, без всяких сексуальных «штучек»). И представили недотёпу пред очи барина.

Долго же и упорно пришлось доказывать перепуганному крестьянскому насмешнику, что в УАЗике он отмахивался от мух, а неизлечимый патологический навык в виде символической фигуры «фаллический перст» достался ему от тяжкого и многотрудного детства, когда он непрерывно сосал средний палец по причине нехватки витаминов в организме, а мозговой жидкости – в полушариях. В подтверждение Кропотов, смачно причмокивая и аппетитно истекая слюной, так усердно обсосал «кормильца», что тот на фоне остальных четырёх замазученных «братьев из пятерни» выглядел одомашненным розовым поросёночком среди диких кабанов.

«Вменив» Виктору для профилактики ещё одно необидное надругательство в виде «американского щелобана», эскорт олигарха даровал ему жизнь. Дорожный же инцидент, не без участия самого Кропотова, впоследствии оброс домыслами и слухами, а бедовый водитель подутратил вкус к «провокациям на асфальте».

Вот про тот самый конфуз Кропотов и вещал в настоящий момент, а Стелла и Марина реагировали на него заливистым смехом. Кондрашов же, напротив, по мере нарастания веселья в лидирующей группе, мрачнел и мрачнел. Нина, без умолку тараторившая о каких-то совершенно третьестепен-

ных вещах, вызывала в нём глухое раздражение. Отмалчиваясь, юноша погрузился в грустное раздумье. Он неоднократно отвечал Самохиной невпопад, а то и вовсе не реагировал на её вопросы. В результате девушка, разобидевшись на него, выпустила руку нетактичного кавалера. Так они и добрались до respectable коттеджа: внешне – вместе, по сути – порознь.

У дома Нина, надменно фыркнув, хлопнула перед носом провожатого массивными воротами, едва не прищемив тому нос. Да и самохинский кобель, проникнувшись состоянием юной хозяйки, также отнёсся к Юрию иначе, нежели накануне. Он «обложил» его таким остервенелым лаем, что у самого Кропотова, обожавшего солёненькое словцо (окажись он на месте друга и будь способен к переводу собачьего средства коммуникации), повяли бы уши.

3

Следующее рабочее утро для Кондрашова началось с разрядки, которую вёл заведующий гаражом Чайников Фёдор Матвеевич. Завгара подчинённые «за глаза» в зависимости от ситуации называли по-разному: то «Кофейником», то «Федей-третьим», а то и Замараевским Джинном. Если первое прозвище пристало к Чайникову за известную тупость, то второе и третье – за необычайный нюх на дармовую выпивку. Там, где собирались два механизатора и откупорива-

ли пробку у бутылки, неизменно объявлялся, фантомно материализуясь из пустого пространства, заведующий гаражом.

На разнарядке пресловутый Федя-третий дал производственное поручение Юрию и пожилому механизатору Ивану Коколеву: «Поедете в Горское отделение. Начинайте вывозку соломы с полей. Подморозило. Припорошило. Землю прихватило. Дороги стали. Так что – действуйте».

Потому Коколев с Кондрашовым на паре гусеничных тракторов марки «ДТ-75» двинулись походом на Горы. Деревня Горы располагалась в семи километрах от центральной усадьбы, близ крутого и высокого берега великой уральской реки Камы. С полей этого совхозного подразделения и предстояло вывозить солому, заскирдованную в стога. По прибытии на место, трактористы зачокеровали стог, находившийся на краю поля. Технология данной операции выполнялась элементарно: по периметру приземной части стог обхватывался тросом, оба конца которого цеплялись за трактор, и мощный тягач волоком по снегу буксировал гигантскую копну.

С первым стогом справились оперативно. Юрий опоясал его тросом и прицепил к коколевскому трактору. Иван плавно тронул машину, стальной канат натянулся, механизатор прибавил «газку», и груз, стронувшись, медленно поплыл по неглубокой снежной целине. Отъехав метров на двадцать, Коколев остановил трактор и вылез из кабины.

Дальше предстояло «зачалить» второй стог. Юрий подо-

гнал к нему «задом» своего «железного коня», а напарник при помощи металлического пальца застопорил трос на сцепной скобе «ДТ-75». Кондрашов включил скорость, отработанным размеренным движением ноги стал отпускать педаль сцепления, а рукой параллельно нажимал на рычаг «газа». Двигатель зарокотал на средних оборотах, и машина поползла вперёд. Трос натянулся, сообщая тяговое усилие скирде. Ан не тут-то было! Громада соломы не поддавалась ни на миллиметр. Мотор ревел уже с максимальным напряжением; гусеницы, разбросав снег, вгрызались в промёрзшую сверху землю, но груз пребывал в покое, точно влитой.

Молодой тракторист сдал трактор назад и попытался с лёгкого разгона стронуть стог. Две таких попытки успехом не увенчались. Тут КокOLEV подал знак, и Юрий, поставив рычаг переключения скоростей «на нейтраль», выпрыгнул наружу.

– Дай-ка, паря, я спытаю, – предложил ему напарник. – Эдак технику рвать негоже. Ещё скобу поломаешь, коленвал застучит или чё...

– Попробуйте, – нехотя уступил ему право управления Кондрашов.

Однако и квалифицированные усилия его более опытного коллеги оказались напрасными. Через пару-тройку минут и тот был вынужден выбраться из-за штурвала.

– Должно быть, паря, скирда стеблями к земле примёрз-

ла, – обходя соломенную кучу и тщетно пытаюсь заглянуть под неё, вслух рассуждал Иван. – Вишь, её в низинке поставили. В ростепель вода под неё затекла, а как мороз вдарил – застыла. Снизу-то её и прихватило. Да и масса сама по себе глянь какая здоровущая: цельный зарод! Давай-ка, спытаем двойной тягой.

– Дельно, – согласился с ним парень.

Пришлось отцеплять первый стог, а второй сдёргивать с места сразу двумя «аграрными танками». Лишь тогда разыгравшаяся «битва» завершилась победой разума и техники. Трактористы, оба в поту, сошлись между машинами. Кокорев достал из кармана спецовки пачку папирос и, будучи наслышан, что Кондрашов не страдает плохой привычкой, шутливо предложил ему:

– Давай-ка, паря, маненько курнём.

– Давай, – подыграл ему тот. – Всяк по-своему: ты, дядя Ваня, оздоровись дымком, а я пока сбегаяю к Тёплому ключу – отравлюсь чистым воздухом да водичкой.

И он с высокой кручи стал спускаться вниз, к ручью. Тёплый ключ славился целебными свойствами, а также тем, что не замерзал и в лютую стужу. Вода в нём имела буроватый оттенок, и, как утверждали осведомлённые люди, была богата железом.

Источник располагался у подножья гигантского откоса. Оттуда брал начало ручей, метров через триста впадавший в Каму. Уже с вершины крутояра Юрий заметил крохотный

оазис, образованный горячими испарениями и представлявший собой островок из весело зеленевшей травы среди заснеженных полей. Добравшись до истока, разгорячённый и запыхавшийся юноша, готовый бережно ступить на полянку и опуститься на колени, внезапно замер, остолбенев от невиданного зрелища. И было от чего...

– Вот это да! – вслух воскликнул Кондрашов. – Природа природу обманула!

Сперва ему на ум пришла тривиальная идея, но почти тут же у него возникла затея поинтереснее. И он, вдохновлённый замыслом, забыв про жажду, выбрался с полянки и поспешил наверх.

4

Придя домой по окончании рабочей смены, Кондрашов принялся названивать Кропотову, но родные Виктора отвечали, что того пока нет. Около семи часов, когда Юрий надел верхнюю одежду, собираясь в клуб, приятель заявил о себе по телефону сам.

– Чего ты аппарат обрываешь? – осведомился он.

– Слышь, Витёк, давай на репетицию вместе пойдём. Разговор есть, – попросил Кондрашов.

– О`кей, – принял инициативу собеседник. – Я как раз свои «скаты» сорок седьмого размера натягиваю. Забиваю тебе «стрелку» у трансформаторной будки.

Спустя пять минут, держа курс на клуб, Кондрашов посвящал дружка в некоторые аспекты своего секретного проекта, попутно выведывая нужные ему детали:

– Слышь, Вить, ты не мог бы завтра, на время обеда, попросить у Бурдина легковушку?

– А зачем тебе? – сквозь зевоту спросил тот.

– Надо махнуть до Тёплого ключа.

– Чё ты там потерял-то? – лениво поинтересовался Кропотов.

– Наоборот, не потерял, а такую... м-м-м... штуkenцию откопал – обалдеешь!

– Какую такую штуkenцию?

– Пока не могу сказать, – стеснительно признался Юрий.

– Ха! – с вялым сарказмом выдохнул его спутник. – А я «пока» не могу обещать. Чего ты мнекота в мешке толкаешь? Ты конкретно говори, а то какую-то туфту гонишь.

– Витёк, не могу, честное слово! На месте увидишь, – не отставал Кондрашов.

– Не-е! Я в такие игры не играю, – категорично заявил директорский водитель, которого настырный приятель мало-помалу выводил из апатии. – Конкретно говори.

– Мы бы девушек с собой взяли, – не унимался Юрий, пуская в ход наиболее соблазнительный козырь.

– Ка-каких девушек?! – наконец-то «очнулся» оппонент.

– Ну... Марину и... Стеллу, – неуверенно вымолвил инициатор загадочного вояжа.

– Хо!... Так ты что, уже подбил их на это?

– Не-ет. Хотел... Хотел тебя об этом попросить.

– Оба-на! Ну, ты даёшь! – обрёл типичную для него насмешливость замараевский балагур. – Шустрый, как австралийский кенгуру в забеге на сто метров с барьерами! Я и на счёт машины пробей, я и девочек умасли, я же, небось, и чупа-чупс заигрывать купи... А коего рожна вся эта фигня затеяна, не моги знать. Вот что я тебе скажу, умник: тебе приспичило, ты и выкручивайся.

– Легко сказать... Это же..., – мямлил Кондрашов. – А ты практиканток уже провожал. Наверняка, и в домике у них был.

– Не без того! – приосанился Виктор. – Хе-хе. Хотя, причём тут хижина дяди Толи? Сегодня же они на репетицию причапают. Лукин их тоже... того... сторговал в самодеятельности поучаствовать. Вот ты и лови момент: кадри их.

Некоторое время они шагали молча, и тишину перебивал аппетитный хруст пороши под их ногами. Снежные ноты преобладали в звуковом сопровождении приятелей до тех пор, пока Кропотов, что-то обмозговав, заинтригованно не осведомился:

– Юрк, я чего-то не совсем въехал: ты чё, насчёт блондиночки лыжи навострил?

– Ничего я не навострил, – угрюмо ответил тот.

– Какого ж чёрта суетишься? – недоверчиво ухмыльнулся Виктор. – Вот это фонтан! Юрок, давай без обиды. Парниш-

ка ты, конечно, классный... И всё такое... Но для неё же ты – салажня пузатая. Ей же двадцать два стукнуло. Ей же взрослый мужик нужен, наподобие меня. И к ней я того... кхе-кхе... сегодня примерялся...

– Ты – к ней? – растерялся паренёк.

– Кхе-кхе, сопоставил свой сорок седьмой размер..., – сально ухмыльнулся Кропотов.

– Ты?!... К ней?! – задохнулся Кондрашов, от негодования прикусывая изнутри губу. – Да твоя примерка ей..., – брезгливо сморщился он. – Да нужен ты ей, как... Как самохинскому полкану вислоухому пятая нога или второй хвост!

В общем и целом Кропотов располагал к себе Кондрашова тем, что был весёлым, общительным, спортивным. До призыва в армию он защищал ворота футбольной команды металлургического завода. Неудивительно, что общие темы для разговоров, для совместного досуга у них находились.

Наряду с тем, старшему товарищу были присущи и такие черты характера, что вызывали у Кондрашова неприятие. Родители Виктора по сельским меркам были состоятельными, и до сих пор баловали единственного и любимого великовозрастного дитя. Кропотов был не без дарований, и многое в жизни ему давалось легко. А ежели не давалось, то он и не утруждал себя.

В итоге, баловень судьбы постепенно привык избегать трудностей. Ленца частенько одолевала его. Допустим, вер-

нувшись из армии, он не утруждал себя тренировками, и, как результат, не восстановился в «основе» городской сборной.

Спортивная неудача не слишком уязвила его самолюбие, которое тешилось иными – более приятными вещами: Виктор пользовался успехом у дам. Счастливчикам склонность прелестниц подчас даётся сама собой, как солнечный свет египтянам, и до известных лет не требует усилий над собой. Нельзя сказать, что Кропотов страдал ярко выраженным нарциссизмом, однако элементы самолюбования в нём, нет-нет, да и давали о себе знать.

Высоченный (под два метра), крупный, атлетически сложенный, с симпатичной физиономией и компанейским характером, Виктор пленял барышень «напропалую», как доходчиво выражались его однопризывники из воинской части. Там он слыл знатным «ходоком». Когда красавчика демобилизовывали (конечно, со слов самого Виктора), то офицерские жёны тихо плакали в чепчики и платочки, супруга командира части рыдала в полковое знамя, а жена прапорщика Подгребалова неделю отказывалась от приёма казённой красной икры и пайкового шоколада, припасённых для Виктора (по уставу, вообще-то, предназначенных на случай «ЧП»).

По возвращении на гражданку избалованный хохмач обнаружил, что в ельцинско-чубайсовской России той поры царил культ рвачества, бандитских «наездов» и расхристанности в сексуальной сфере. Последнее обстоятельство его от-

нюдь не огорчило, и он принялся, словно охотник глупых рябчиков на волосяную петлю, «снимать» деревенских хохотушек. А те отчаянно бросались в заманчивые объятия местного казановы, как мыши-лемминги – в морскую бездну.

Упомянутые лемминги прославились на весь мир тем, что в известные периоды несметными полчищами с фатальной обречённостью топятя в море, подталкиваемые напирющими задними рядами страждущих сородичей. Аналогично и замараевские девчата, теснясь в очереди, прожорливой саранчой летели в западню прожжённого сердцеда. Сам Виктор по этому поводу самодовольно говорил: «Настал час Кропота!»

Всякая его любовная интрижка, начинавшаяся приятно и красиво, неизменно завершалась тем, что очередная страдальца, в лучшем случае, оставалась с носом (ладно, если не «с пузом»), а её недавний «ангел сердца», свободный, что и прежде, по-ястребиному парил в чувственной вышине и хищным раскосым глазом отыскивал новую жертву.

Сельчане не раз и не два поневоле становились слушателями визгливых возгласов какой-нибудь озабоченной мамашки, во всю ивановскую кудахтавшей встревоженной квочкой над «желторотой и неоперившейся» дочерью: «Галька! Дура! Сызнова к Витьке попёрлася! Ведь спортит он тебя, ой, спортит! Гляди, забрюхатишь, я тебя к порогу и близко не подпущу!»

Однако похотливые притязания приятеля, гипнотизировавшие деревенских простушек, представлялись чушью несусветной по отношению к Стелле, и потому Юрий, оскорблённый в своих убеждениях, упрямо вторично выдохнул, ничуть не сомневаясь в собственной правоте:

– Как же...Нужен ты ей...Как полкану...

– О! О! Чё ты разгундосился-то, ровно Иерихонская труба, изнасилованная ослами? – крикнул Кропотов.

Лихой директорский шофёр мало что знал (а точнее, ничего не знал) о библейской Иерихонской трубе, над которой безвинно оболганные им лопаухие животные в принципе не располагали возможностью надругаться. Но такая уж у него была привычка: молоть языком что ни попадя.

– Сам ты то место! – продолжал горячиться молодой тракторист.

– Да не кипешишь ты, – с миролюбивым превосходством опытного в амурных делах, отозвался его нечаянный соперник. – Чего нам лаяться? Мне ж покуда не обломилось, зато засветилось.

– Как же...Засветилось ему..., – непримиримо ворчал Юрий.

– Да ты послушай, хо-хо, – не без неловкости хохотнул Кропотов. – Я ж сам себе писюн на отсечение дал, что фифочка моя будет. Ну, ты ж мой принцип знаешь: чувак, который тащит тёлку в постель на втором свидании – тормоз. Дык, я-то процесс и не собирался затягивать. Короче, сего-

дня перед обедом меня с ней в сельхозуправление за бумагами отправили. Представь: снегопад, белые деревья мелькают за окном авто, негромко звучит музон, в салоне уютно и тепло. Всё это на сумасшедшей скорости. Предлагаю ей шоколадку и прочие тыры-пыры. И намекаю, мол,

как много девушек хороших, мечтает втайне о плохом...

– Ну? – напрягаясь, бычком наклонил голову Кондрашов.

– Да какая-то она... непонятная. Настолько фешенебельная, что мне нерентабельная...

– А по-русски можешь сказать?

– Хе-хе, короче, если честно, по таблоиду... конкретно схлопотал. Заставила извиниться, чтоб всё по-хорошему оставалось...

– Здорово! – просиял Кондрашов.

– Чего здорового-то? – пристыдил его Виктор. – Другу по морде дали, а он – кайф ловит...

– Кропот, – перебил его Юрий, – дело не в тебе. Любой схлопотал бы! Это такая девушка! Её ведь не случайно зовут как добрую фею из сказки...⁵

– Э-эх, Кон, – не вытерпел Виктор, называя товарища на футбольный манер. – Фе-ея... Да брезгует она нами. Мы ж для неё – сельпо. У неё в Среднегорске, небось, богатенький буратино на поле чудес крутые башли строгают. А так бы я её...

– Знаешь что, Кропот, заткнись! – наливаясь лютой нена-

⁵ Книга А.Волкова «Волшебник Изумрудного города».

вистью, прервал его пошлые излияния Кондрашов. – Пацан ты, что надо, факт. Но если ты в таком тоне про Стеллу вякать будешь, то я тебе... То я тебе дам в морду!

– О!...Раздался голос из помойки, когда туда упал кондом! – поскабрезничал лихой шофёр, не столько оскорбившись, сколько оторопев от дерзости. – Да я же тебя по стенке размажу...

– Может, и размажешь, – набычился Юрий, доставая руки из карманов. – Но р-р-раза я тебе врежу! А там будь что будет...

– Да ладно, не злись, – добродушно посмеиваясь, похлопал доморощенный хохмач его по плечу. – Я же шутейно. Не буду. Про Тёплый ключ тоже покумекаю. Идёт?

И Виктор, в знак примирения, протянул Кондрашову согнутый мизинец.

– Идёт, – ответил тот, ударяя мизинцем по мизинцу. – Кстати, и писюн тебе тоже придётся отрезать.

...И после секундной паузы приятели расхохотались.

5

Доброе расположение духа к Юрию возвращалось постепенно, в ходе репетиции, чему в немалой степени способствовало то, что в распевке и в хоровом исполнении песен теперь принимали участие Стелла с Мариной. Кроме того, во время пробного выхода с номерами на сцену, Лукин объявил

коллективу, что ведущими предстоящего концерта будут он и Кондрашов. И тотчас приступил к «обкатке» на практике. Эксперимент себя оправдал: конференс у юного дебютанта получался удачно. Юрий столь энергично входил в новую роль, что и не заметил, как время «подкатило» к полуночи.

И лишь когда артисты-любители засобирались домой, одна загвоздка, о которой некоторые несознательные лица легкомысленно забыли, напомнила о себе. Едва сложившийся квартет весёлой гомонящей ватагой направился к выходу из зрительного зала, как Кондрашов вдруг заметил Самохину, стоявшую у них на пути. Нина не смотрела на Юрия. Но её фигура недвусмысленно выражала ожидание. И юноша замялся на полдороге, не зная, как ему себя вести.

Формально между ним и Самохиной вчера произошёл разлад, недомолвка, недопонимание, но разрыва-то не случилось. И тот эпизод не освобождал Юрия от незримых моральных уз с Самохиной (а лучше бы избавил). Такая вот неприятная двойственность. Кондрашова выручил Кропотов, к громадному облегчению пробасивший приятелю уже от дверного прохода: «Юрок, ты чё застрял? Давай в темпе!»

Н-да! Конспиративно повенчанному жениху надо было бы подойти к девушке и честно и по-джентльменски повиниться: дескать, прости, милая Ниночка, но душа моя всецело принадлежит другой; посему прошу меня считать свободным от простодушной и детской клятвы на крови. Вместо этого он, не по-мужски спасовав, трусовато склонил голову

и по-мышинному юркнул мимо неё в коридор. От столь мелочной проделки настроение у него вновь испортилось.

Троицу он догнал уже на улице и молча присоединился к ней. Кропотов по обыкновению по-журавлиному обхаживал девушек, заходя то справа, то слева, то сзади от них, и беспрерывно «сыпал» разными потешными историями. Вскоре выяснилось, что балагура «вполуха» слушал не только расстроенный Кондрашов, но и Кораблёва, потому что она негромко осведомилась:

– Юра, ты что такой...потерянный?

– Да...как сказать..., – и в самом деле растерянно протянул тот.

– Я знаю, как сказать, – по-своему истолковав диалог, ревниво перебил их Виктор. – Завтра я вас везу на Тёплый ключ.

– Тёплый ключ?

– Что это такое? – удивлённо переглянувшись, обратились подружки к Кропотову.

– Это родник возле Камы, – пояснил Виктор. – А подробности спрашивайте вот у него, – переадресовал он любознательность горожанок к Кондрашову.

– Подробности...Извините, но сейчас подробностей не последует. Зато...Зато полный эксклюзив на завтра я вам обещаю, – заинтриговал девчонок Юрий.

За окном автомобиля проносились дивные уральские пейзажи, в салоне приглушённо звучала магнитола, фальцетом Владимира Преснякова смакуя то, как популярный певец повезёт к морю всех своих девчонок. Легковушка по подмёрзшей снежно-накатанной дороге мчала пассажиров к берегу Камы. Иначе говоря, всё обстояло именно так, как накануне живописал Кропотов. Существенное отличие состояло в том, что нынче в машине, помимо лихого шофёра и Кораблёвой, находились также Кондрашов и Шутова.

К пункту назначения успели в мгновение ока. Кропотов так лихо тормознул на границе крутояра, что УАЗик пошёл юзом, а девушки завизжали и заойкали. Выбравшись из машины, экскурсанты оказались на вершине гигантского склона, у подножья которого Кама делала вселенскую дугу, разворачиваясь с северо-запада на юг. Стелла и Марина синхронно воскликнули: «Как красиво!» И засмеялись такому совпадению.

– Когда люди долго живут бок о бок, то у них формируются общие привычки, одинаковые выражения, сходные реакции, – дала комментарий Кораблёва, – а мы с Маришей почти пять лет неразлучны.

– Подтверждаю, – согласно кивнула Шутова.

Стелла повторно окинула взором раскинувшуюся перед ней бескрайнюю перспективу и дополнила впечатления:

– Дух захватывает! Стоишь на этой круче, а представляется, что птицей паришь в вышине. Пьянит, до головокру-

жения. Так это и есть, Юра, твой эксклюзив?

– Начало, – кивнул импровизированный гид. – Ступайте за мной.

И он свернул к относительно пологой складке горы, ведущей в низину. Остальные последовали его примеру.

– А во-о-он там, справа, за излучиной, видите большое село? Это Таборы, – блеснул познаниями местных достопримечательностей Виктор, пытаясь перехватить инициативу.

– Почему оно так называется? – спросила его Шутова.

– Кто ж его знает? – простодушно развёл руками шофёр. – Таборы и Таборы. Старинное село. Нынче уж, как пить дать, ни

одна собака не гавкнет, чего оно так зовётся.

– Не скажи, – вмешался Кондрашов. – Бабушка, когда была жива, рассказывала мне про эти самые Таборы. Коли есть нужда, так я вам доложу.

Четвёрка стала спускаться книзу, медленно следуя по склону за «экскурсоводом-аборигеном». Оборотистый Кропотов успел ухватить за руку Стеллу, так что Кондрашову пришлось довольствоваться сопровождением к ручью Шутовой.

– Преданье старины глубокой, – приступил к повествованию Юрий. – В те давние времена села ещё и не существовало. На месте его расстилось чистое поле, где каждое лето останавливались цыгане. Становились таборами – отсюда и название поселения. Жили разгульно, весело, шумно;

воровали лошадей окрест себя – типичный цыганский быт тех лет. И кстати будет подчеркнуть, что цыгане разбивали свой стан в том поле не случайно – редкостное это урочище, специально созданное богом кочевого племени для любви и продолжения рода. И особенно проявлялось эротическое буйство в пору июльских ливней и цветения луговых трав.

В одном знатном цыганском роду проживала юная красавица Аза. Сам российский цесаревич Владимир – сын царя Александра Второго, – оборачиваясь персонально к Стелле, пояснил Юрий, – совершая поездку в Сибирь, обратил на неё внимание на ярмарке. И до того был очарован её плясками и пением, что пожаловал ей перстень того же цвета грозовой ночи, что и очи у кочевницы. Излишне говорить, что ромалы поголовно были влюблены в Азу. Сама же чаровница была тайно влюблена в лучшего конокрада и отчаянного забияку цыгана Ноно.

Нахлынула и на Азу пора любви. Как говорила моя бабушка, – вновь оглянувшись на Кораблёву рассказчик, – никому из рабов божьих не дано избежать подобной участи, ибо жажда её даётся вместе с жизнью. И Аза, похожая на хорошенькую ведьму с распущенными волосами, звеня монистами, выскакивала под июльский ливень, плясала под струями водопада небесного, хохоча и крича: «Хочу любить! Хочу цыгана!... Молодого!... Красивого!... Горячего!...»

Но надо же такому случиться, – сокрушённо покачал головой Юрий, – что Ноно на той самой, упомянутой мной, яр-

марке увёл великолепного скакуна. Оказалось, что того коня незадолго до кражи купил сам цесаревич. Пришлось Азе и Ноно бежать. Только следующей весной украдкой вернулись они в Таборы, да не нашли здесь своих соплеменников, которые подверглись преследованиям от властей из-за Ноно.

Ко времени приезда в Таборы Аза была уже беременная. По дороге в урочище любви она простыла, а при родах умерла. Обезумев, дико закричал Ноно и бросил перстень Азы с чёрным камнем в ручей, отчего дно его стало чёрным, а себе вонзил кинжал прямо в сердце. Хлынула из раны горячая цыганская кровь и дала начало ручью, к которому мы с вами приближаемся, – повествовал Юрий уже в мистической тональности.

Проезжали тёмной ночью мимо цыганского стойбища простые крестьяне. Вряд ли бы они услышали издалека слабый плач новорождённой. Да почуяла неладное крестьянская собака, и привела своего хозяина сюда. Сжалились люди, и взяли девочку. Тела её родителей захоронили. Цыганская девочка выжила в русской семье, вышла замуж за русского, дав начало новому роду. От них много лет спустя и произошёл Казимир Самохин – отец Нины Самохиной, – завершил Кондрашов предание.

– Х-хо! Бре-е-хня. Бабы сказки, – скептически хохотнул директорский шофёр. Его явно коробило то, что девушки приняли историю, поведанную приятелем.

– Легенда, – с достоинством возразил знаток местной ис-

тории. – А то и быть. Бабушка меня никогда не обманывала.

– Ой, мальчики, а это что там такое? – удивлённым возгласом прервала их пикировку Марина, заведя впереди островок изумрудного цвета.

– Хе-хе, травка зеленеет, солнышко блестит, – совсем уж по-стариковски побряхтывая, ответил ей Виктор. – Она у родника завсегда дольше растёт.

Практикантки, поражённые редким явлением, переглянулись, а затем с загоревшимися глазами помчались наперегонки к Тёплому ручью, азартно визжа, будто детки малые. Парни степенно двигались за ними. Стелла, поспевшая прежде подружки, присела на краешке полянки и срывающимся от восторга голосом вымолвила: «Мариша, ты только подумай, кто нас здесь заждался!»

Вслед за Кораблёвой и Шутова различила в траве...подснежники, которые, спровоцированные длительной оттепелью, перепутали осень с весной и дали ростки в непригодную пору. Со вчерашнего дня они не только перетерпели мороз, но и раскрыли бутоны в условиях оазиса, отчего возникало впечатление, будто цветы изумлённо распахнули очи из-за прихода гостей.

– Полный улёт! – поразились Марина.

– Кто же тот граф Монте-Кристо, что обладает этими сокровищами? – проворковала Стелла, опускаясь на колени и ласково касаясь лепестков подушечками пальцев.

– Дарим их вам! – моментально среагировал на её фанта-

зию хитрец Кропотов, тем самым записывая себя, в соавторы эксклюзива.

Молодой тракторист в досаде замер от его выходки. Ведь он так

много надежд связывал с этой блиц-вылазкой на природу. Ну чем ещё он мог очаровать заветную девушку?

Однако Кораблёва, к тайному успокоению Кондрашова, тотчас раскусила фокус самозванца и тактично поставила того на место.

– Мне дарили цветы в декабре, – размягчённо вздохнула она, – но живые подснежники – впервые в жизни. Чудеса! Прямо как в сказке про двенадцать месяцев. И авторы этого чуда – Господь Бог и... Юра. Большущее им спасибо!

– Да ладно, – смущённо возразил помощник Бога на Земле. – Если бы Виктор нас не привёз...

Шутова тем временем выбирала и срывала самые броские подснежники, а Стелла лишь гладила их и вдыхала тонкий аромат.

– Вы ещё родниковой водицы отведайте, – растаяв от высочайшего признания, почти на старославянском наречии подсказал Кондрашов практиканткам. – Она лечебная.

– Да ты чё! – изображая из себя полоумного, поюродствовал над его предложением приятель. – Там же не вода! Там же кровь этого... как его... малахольного цыгана! Тпру-тпру, девчонки! Отведаете, – козюльками станете.

– Ай! – с показной отчаянностью взмахнула рукой Кораб-

лёва, впадая в игривый настрой. – Хочу быть козюлькой! Хочу любить и быть любимой! – кокетливо добавила она. – Хочу принца: молодого, красивого, сильного...

Пересмеиваясь, девушки перебрались к источнику, и припали к нему губами. Стелла, по всей видимости, гораздо более впечатлительная, нежели подружка, заострила внимание той, таинственно понижая голос:

– Мариша, дно ручья и вправду, как глаза у цыганки Азы. Как чёрный агат.

– Угу, – соглашалась с ней та. – А вода на самом деле красноватая... Цыганская кровь...

– Да железо в ней, железо, – с досадой прервал их щebetание водитель. – Дамы, цигель, цигель, ай лю-лю... «Михаил Светлов» ту-ту!... Обед заканчивается. Сворачиваемся. Мне шефа нужно в районную администрацию везти... Хоть бы кто мне тоже сказал спасибо за труды мои праведные.

Словно возвращаясь из былого в эпоху текущую, студентки в очередной раз заторможено вздохнули. Затем они встали, поправили на себе одежду, «почистили пёрышки», и лишь тогда загомонили в адрес Кропотова: «Спасибо, милый Витенька!... Благодарим вас, товарищ водитель!...»

При посадке в УАЗик Юрий поддержал Стеллу под руку, а она нечаянно задела своей прохладной ладонью его щёку. И воспоминание об этом прикосновении ещё долго и приятно отдавало в разгорячённое юношеское сердце.

Кондрашову, безусловно, повезло с экскурсией к Тёплому ключу, поскольку через два дня в Замараевку нагрязнула лютая зима, от которой не то что подснежники, а снегири мёрзли. Утром тех суровых суток, по заведённому обычаю, Юрия разбудила мама ровно в шесть тридцать.

Юноша поднялся, выполнил традиционные гигиенические процедуры и сел завтракать. За столом он вяло поковырял вилкой гору из пышущих жаром макарон по-флотски. «Русско-итальянское» блюдо Кондрашов не столько поглощал, сколько, по-детски забавляясь, воздвигал из него нечто наподобие вулкана с глубоким кратером.

Неизвестно чем бы завершилось сие малопривлекательное и совсем не динамичное действие, если бы с улицы не вошла его мама, вся запорошённая снегом и принёсшая с собой запах морозной свежести. «Что погода вытворяет! – сказала она, зябко вздрагивая. – До стайки я с боем пробивалась. Позаметало стёжки-дорожки – ни пройти, ни проехать».

Осмыслив это известие, Юрий, пронзённый догадкой, ментально «ожил», и остатки сонного оцепенения тотчас покинули его. Он выскочил из кухни в прихожую, торопливо натянул валенки, накинул на себя старую меховую отцовскую куртку, нахлобучил шапку, схватил рукавицы-шубенки и направился к выходу.

– Ты куда это?! А кушать? – остановила его мама.

– Appetit ещё не проснулся, а к работе охота уже есть, – ответил ей сын отцовской фразой.

– Так рано же ещё.

– Неотложные дела, – отворив двери в сени, пояснил Кондрашов, и шагнул в утреннюю мглу.

За порогом на него набросился шквальный ветер, обильно приправленный жёстким колючим снегом и сдобренный тридцатиградусным морозом. На глаза юноши сразу же навернулись слёзы. «Ого! – подумал он, пробираясь через сугробы. – Самочувствие, как у пингвина в Антарктиде!»

Хотя гараж находился метрах в четырёхстах от дома, ранний путник преодолевал это расстояние не менее десяти минут. Под курткой его тело заливал пот, но лицо, руки и ноги основательно заоченели. Наконец и тёплый совхозный гараж! В нём ещё никого не было, кроме сторожа Тряхина, которого в обиходе звали попросту Ефимычем. Он же одновременно был и кочегаром.

– Здорово, Ефимыч! – поприветствовал того Кондрашов, входя внутрь.

– Доброго здоровья, молодец! – ответил сторож. – Никак заколел?

– Ага! – признался парень, подходя к отопительному котлу и протягивая к нему руки.

– Погрейся, погрейся, – радушно пригласил его Ефимыч.

Однако в тепле Юрий пробыл всего ничего, так как приходилось спешить, если он желал выполнить намеченное. По-

тому молодой механизатор сбегал к своему трактору, припаркованному во дворе гаража, и достал из кабины самодельное резиновое ведро, склеенное из отработанной автомобильной камеры. В него он в котельной набирал горячую воду, которую заливал в радиатор. Обернувшись в три приёма, Кондрашов заполнил систему охлаждения дизеля. Выполнив подготовительные действия, тракторист завёл «пускач», а от него – основной двигатель.

«Порядок!» – довольно сказал Юрий, согревая дыханием кисти рук, и полез в кабину. Там он сделал передышку, давая мотору прогреться, а затем выехал за ворота гаража. Путь его лежал к домику молодых специалистов.

Накануне, провожая с Кропотовым практиканток из клуба, он оговорился, что поутру будет вывозить солому с Конинского отделения. Тут-то и выяснилось, что Стелле также нужно в ту сторону.

– Там перевели котельную с угля на газ, – пояснила девушка. – Мне поручили сделать фотографию рабочего дня. Так, быть может, Юра, я с тобой и уеду?

– Чего тебе трястись на его колымаге? – резво вмешался в диалог Виктор. – Полчаса в диких конвульсиях и припадках! Черти грешников в аду так пытаются. Да я тебя, голуба, на своей «ласточке» за три минуты и с полным комфортом подброшу!

– Ничего не на колымаге! – обиделся Кондрашов за своего

«стального коня». – Нормально.

– Нет, если у нас с Юрой по времени всё совпадёт, то я поеду с ним, – категорично отвергла Стелла «финт» директорского водителя. – Договорюсь с главбухом, и поеду.

И простого сельского парнишку захлестнула невидимая волна восторга от этого потрясающего «я поеду с ним», произнесённого богиней. Кондрашов уже успел подметить, что Стелла положительно отличает его от остальных. При встречах, девушка ему непременно улыбалась. Поначалу Юрий эту приметку принимал за её повседневную привычку, равно распространяющуюся на всех, ибо Кораблёва была приветливой натурой. Но затем убедился, что «так», лукаво поднимая уголки милых губ, она улыбалась исключительно ему. И здороваясь, она невесомо касалась пальцами тоже только его. Конечно, то было не более чем выражение человеческой симпатии, но всё равно это был добрый знак.

В свете этих воспоминаний вполне мотивированным выглядело то, что Кондрашов с вечера до блеска выдраил кабину своего ДТ-75, сиденье застелил ковриком, а сейчас держал курс к хижине дяди Толи. Жилище молодых специалистов располагалось несколько на отшибе. Посему легко было представить, до какой степени за вьюжную ночь перемело просёлочную дорогу. И как достанется Стелле, когда она станет пробираться через заносы.

Юрий совершил на «гусеничнике» три ходки до избушки, окна которой в начале восьмого часа изнутри озарились

электрическим светом. «Дэтэшка» без труда преодолевал сопротивление белых барханов, оставляя за собой надёжные прикатанные колеи, предназначенные для человека, дорогого сердцу юного замараевца. Лишь тогда «аборигена» посетило успокоение, и он направил «железного друга» к гаражу.

В диспетчерской его уже поджидал завгар Чайников.

– Ты чего ни свет ни заря вхолостую по селу раскатываешь, Кондрашов? – сурово спросил он.

– Да чего-то движок «затроил», Фёдор Матвеевич, – слышал тот. – Я и решил на всякий пожарный прогнать трактор: вдруг топливный насос барахлит, или в солярку вода попала. А мне же в Конино. Хуже нет, в дороге сломаться, да ещё в такую холодрыгу.

– Ну и?..., – не отступал Федя-третий.

– Вроде нормализовалось.

– Ну, тады давай – за соломой.

С началом рабочей смены Юрий из диспетчерской позвонил в контору и выяснил, что Кораблёва согласовала поездку в Конино с ним. «Стелла, я выезжаю, – заботливо сказал ей Кондрашов. – Ты на ветру не студишься. Смотри в окно: я остановлюсь напротив бухгалтерии».

Подъехав к конторе, он остановил «дэтэшку», и стал терпеливо ждать пассажирку. Через пару минут Юрий увидел, как на управленческое крыльцо вышло чудаковатое колобкообразное существо, одетое в телогрейку, валенки, и закутан-

ное в шаль, намотанную на голову на манер тюрбана. Существо скатилось с крыльца напрямиком к трактору и принялось дёргать рукоятку дверей. Выпятив в оцепенении нижнюю губу, юный механизатор распахнул дверцу и, после секундного замешательства, непроизвольно расхохотался, идентифицировав в «неопознанном катающемся объекте» не кого-нибудь, а Стеллу. Девушка, усевшись на сиденье с помощью Кондрашова, втянувшего её в кабину, подхватила его смех, признавшись:

– Ощущаю себя Винни Пухом, оторвавшимся на завтрак у Кролика! Это меня так наши женщины снарядили: боятся, чтоб в дороге не просквозило. Сегодня же за тридцать, да с ветром...

– Какое просквозило! – возмутился хозяин «гусеничника», трогая машину с места. – Да у меня в кабине – Ташкент! Засеки, я куртку снял.

– Мы же, женщины, известные трусихи..., – задорно оправдывалась Кораблёва, разматывая шаль.

Юноша, слушая мелодичную речь спутницы, воркующий голос которой звучал подобно песне жаворонка в высоком-превысоком и синем-пресинем небе, последовательно переключил скорость до четвёртой передачи, прибавляя и прибавляя «газку». И сильная машина «поплыла» по зимней дороге, тянувшейся то полем то лесом, с крейсерской скоростью одиннадцать километров в час. Таким ходом они за полчаса доберутся до Конино.

«Капитан корабля» неприметно косился на собеседницу, не прекращавшую непринуждённого монолога и одновременно с любопытством озиравшую незнакомый пейзаж. Бабушка Кондрашова прежде не однажды в шутку поучала внука, что жениха выбирают на зароде, а невесту – в огороде. Коли избранница приглянется на работе в поле, то уж при полном параде – тем паче. Стелла же была на диво хороша даже в столь нелепом одеянии. Она стала ещё милее и, вместе с тем, по-домашнему близкой.

– Юра, ты знаешь, на кого похож? – неожиданно отвлекла его девушка от заветных мыслей, растёгивая фуфайку.

На чёрта лысого? – ляпнул тот, растерявшись от того, что речь зашла о нём, и что студентка тоже успела разглядеть его, пока он управлял трактором.

– Почему же на чёрта, да ещё на лысого! – засмеялась Кораблёва, пальцами ласково взлохматив его вихры. – Не-е-ет, ты очень напоминаешь моего папу, когда он был в твоём возрасте. У вас с ним во внешности много общего. А на одной фотографии, когда он учился в техникуме – удивительное сходство! У вас в роду, случайно, Кораблёвых не было.

– Н-нет, не было, – поразмыслив, стеснительно ответил парень. – Откуда? Мы же из крестьян.

– Можно подумать, что мы царских кровей, – ободряюще улыбнулась ему горожанка. – Мой папа – из рабочей семьи. Из гущи народной. Да... Чуть не упустила, – как бы не замечая смущения Кондрашова, продолжила диалог Стел-

ла. – Сегодня нам с Маришей, назло пурге, до конторы шагалось так приятно! Бедненькие замараевцы, как белые медведи, барахтались в сугробах, а мы с ней, будто две великосветских дамы, воздушно так продефилировали по укатанной дорожке. Любопытно, какой добрый волшебник нам её проутюжил.

И она вопросительно повернулась всем телом к Юрию. Тот, окончательно застыдившись, засуетился зайчишкой, пойманном на морковной грядке. Он схватил ветошь и начал ею усердно протирать и без того идеально чистое лобовое стекло. К его облегчению впереди показалась окраина Конино.

– Конинвилль, леди, – шутливо оповестил он. – Следующая остановка – Нью-Екмени.

– Не будет ли водитель дилижанса столь снисходителен, – с ходу включилась его партнёрша в игру, – что захватит меня на обратном пути?

– Если леди соблаговолит назвать точные временные координаты.

– Как договаривались, к пяти я освобожусь, – озабоченно застёгивая верхнюю одежду и кутаясь в шаль, произнесла практикантка.

– Есть! – заверил «водитель дилижанса», прижимая руку к груди. – В семнадцать ноль-ноль карета будет подана.

Он высадил пассажирку возле новой котельной, а сам поехал дальше, в поле. За смену ему предстояло совершить три

Вечером «десант» из Нижней Замараевки в прежнем составе тронулся в обратную дорогу. Кораблёва уже приспособилась к непривычной обстановке и из котельной в кабину трактора впорхнула налегке, положив ватник и шаль на сиденье подле себя.

– Ух, какой Ташкент! – воскликнула она, и лукаво посмотрела на Кондрашова.

– Ташкент? – полувопросительно проговорил тот, поглощённый процессом переключения рычага коробки скоростей и тем, чтобы плавно стронуть гигантский стог соломы с места.

Тут он вспомнил данную им поутру характеристику комфорту, что царил в кабине. Встрепенувшись, он повернул голову к девушке и наткнулся на её озорной и выжидательный взгляд с хитринкой. И тогда Юрий расхохотался. И Стелла тоже засмеялась. Так они и веселились словно проказники, с полуслова раскусившие друг друга. А трактор со стогом на протяжении трёхсот метров выписывал на дороге снежный след в виде замысловатой синусоиды. Благо, встречного транспорта не было.

– Честное слово, Юра, – проговорила студентка, успокаиваясь, – у тебя в салоне не только летний зной, но и идеаль-

ный порядок. Сразу ощущается, что ты уважаешь свою технику.

– Уважаю, – согласился тот. – Отец приучил. Он же завзятый технарь. В совхозе главным механиком...работал..., – осёкся он.

– Я мимоходом услышала, что женщины в конторе говорили про твоего папу..., – тоже деликатно не договорила фразу до конца девушка.

– Отец...сидит в тюрьме, – выложил горькую правду юноша.

– А что случилось?

– Да-а...Короче, отец дружил с Казимиром...Это отец Нины Самохиной. Считалось, что у них дружба. Только ведь капиталисты неспроста говорят: хочешь потерять друга, заведи с ним общий бизнес. А они решили своё дело открыть – мастерскую по ремонту автомобилей. Батя же любой механизм насквозь просвечивал лучше рентгена. А у Казимира кругом связи. Под это мероприятие отец продал дом с усадьбой, оставшийся от бабушки с бабушкой. Сложились с Самохиным паями: пятьдесят на пятьдесят. Регистировал предприятие и оформлял все документы, как будущий директор, Казимир. Батя в эти вопросы не вникал. Его задача – производство.

И процесс пошёл, – вздохнул Кондрашов. – Где-то с год всё было нормально, а потом между ними вышел какой-то спор, и выяснилось, что по уставу босс – Самохин, а у отца

так – четверть капитала. Тут и разошлись их стёжки-дорожки. Не стерпел батя обмана и порвал с Самохиным. Получил кое-какую компенсацию и вернулся в совхоз. Но то – полбеда...

Кондрашов помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли потому, что выводил трактор с волокушей по сложному радиусу поворота, а затем продолжил:

– Настоящая беда прошлым летом приключилась. Девочки ходили по грибы. Возвращались мимо тогда ещё недостроенного коттеджа Самохиных. А Казимир там держал за забором здорового волкодава. Но цепной укорот ему не делал. А кобель тот, нет-нет, да и сигал через забор: то курицу чью-нибудь придушит, то прохожего до прослабления желудка напугает. Самохина не раз предупреждали, а ему всё нипочём..., – скрипнул зубами рассказчик. – Вот и напала подлая псина на одну из девочек, давай таскать её по земле... Неизвестно чем бы закончилось, да, на счастье, батя мимо проходил. Отбил девочку. Кое-как псину загнал в подворотню... А тут сразу и хозяин объявился. Верещит: «Ты мою собаку дрыном! Да я тебя...»

Ну, на отца и накатило... Вообще-то он среднего роста и телосложения, – обозначил для студентки Кондрашов габариты родителя аналогично тому, как рыбаки показывают величину улова. – Но очень резкий. Если раздухарится – циклопу как нечего делать второй глаз вышибет! Кропот любит загадку задавать: два удара – восемь дырок. Что это?

Ответ: вилка. Вот и батя два раза кэ-э-эк врезал Казимиру. Результат: двойной перелом нижней челюсти и травматический ушиб левого глаза – Самохин им плохо видит.

– И чем закончилось?

– Три с половиной года дали. Адвокат говорил, что у бати было

сильное душевное волнение, но прокурор, а за ним и суд не согласились.

– Почему?

– Видишь ли... Прокурор говорил, что если бы отец дрыном дал Казимиру, то тогда бы – да. А отец жердь бросил, а Самохину заехал кулаком. Значит, дескать, понимал, что делал.

– Да-а... Тяжело вам без него?

– Морально. Ну и так... непросто. Иск Самохину выплачиваем: то картошку на деньги сдадим, то бычка с откорма. Но основное батя делает. Он на зоне бригадиром пихтоваров работает. Неплохо платят...

Часть пути преодолели в тишине. Когда на горизонте засветилась далёкая панорама электрических огней Нижней Замараевки, Кораблёва, чтобы сгладить печальное настроение, прервала молчание.

– Юра, – поинтересовалась она, – а почему Виктор тебя зовёт Кон, а ты его – Кропот?

– Футбол, – пояснил тот. – У нас, у футболистов, вооб-

ще приняты сокращённые позывные: Кропот, Ваныч... Допустим, «Ванычем» мы называем играющего тренера заводской команды Венедикта Ивановича, хотя ему и стукнуло сорок один. А иначе нельзя. Во-первых, футбол – демократичный вид спорта, и на поле, как и у военных в бане, все равны. Лидеров у нас выделяет игра, а не приказ начальства. А во-вторых, игра требует краткости. Футболисты – самые разговорчивые из спортсменов. И если игрок в горячке игрового эпизода начнёт подсказывать, выговаривая: «Ве-не-дикт Ива-но-вич», – у его команды раза три успеют мяч отобрать и пару раз вколотить его в ворота. А если он, не дай бог, окажется ещё и заикой... То финиш – сливай воду! А так, кратко и понятно – Ваныч.

– Теперь всё ясно, – посмеиваясь от прозвучавших пояснений, сказала Стелла, обозревая интерьер кабины. – Я сразу заметила, что у тебя панели сплошь обклеены картинками с изображениями футболистов. Обычно у водителей если уж есть фотографии, то женщин... А у тебя – мужчины, да к тому же, преимущественно, негры.

– То не просто негры... или мулаты, – гордо провозгласил Кондрашов, сопровождая речь демонстрационными жестами, – а величайшие футболисты. Вот это лучший футболист всех времён и народов Пеле. Полное его имя – Эдсон Арантес до Нассименто. Это Гарринча, или Манозэл Франсиско дос Сантос... Это восходящая звезда бразильского и мирового футбола Роналдо по прозвищу Зубастик...

И он прочёл Кораблёвой небольшую лекцию на футбольную тему. Пространный монолог Юрий выпалил на едином дыхании, ибо рассказывал о любимейшем увлечении. Жаль что Кораблёва, типичная в этом плане женщина, затронутую тему никак не поддержала и скрытно зевнула.

– Скучно, – понимающе отметил Кондрашов.

– Не особо, – повинулась девушка. – Нас с мамой папа пару раз вытаскивал на матчи среднегорской «Звезды», но нам там жутко не понравилось: ругаются, кричат, мало того – дерутся... Потом эти походы сами собой прекратились...

– Укатали вы своего папу? – логично предположил юноша, ибо его мама мирилась с футболом только по той причине, что это было сыновье хобби.

– Нет, не мы... Другие..., – дрогнувшим голосом пояснила Стелла. И в потемневших синих-пресиних глазах её, в разом надломившейся фигурке проступило некое давнее страшное воспоминание, растревожившее душу. – Папа погиб... И мама тоже... Их убили.

– Как!? – поразился Юрий.

И кратковременно потерял дар речи, настолько услышанное не вязалось с его представлениями о Стелле, о её божественном происхождении. Ему-то казалось, что она явилась в Замараевку из иного – прекрасного и радостного, безоблачного и светлого – измерения. И вот, поди ж ты...

– Это случилось четыре года и... шесть месяцев тому назад, – горестно проронила Стелла, устремив взор в вечернюю

зимнюю даль. – Папа работал в Среднегорском УВД начальником отдела по борьбе с организованной преступностью. И он раскрыл какие-то махинации. В них были замешаны большие люди из бизнеса. Об этом мне позже папины товарищи рассказали. У папы начались сложности по службе. Ему и взятки предлагали, и угрожали, чтоб отступился. Но он же у нас был смелым и честным. Мама его в сердцах даже последним внуком Дзержинского называла.

В июне, на выходные, он и мама поехали на дачу, – вздохнула Стелла. – Я дома осталась – к поступлению в университет готовилась. Обычно папа на дачу редко ездил – минуты свободной не находил. А в тот раз они... с мамой... там и зано-заночевали...

В этом месте звонкое сопрано девушки задрожало и прервалось. Она достала из кармашка кофточкой носовой платочек и стала им промокать своё прекрасное лицо, по которому катились хрустальные слезинки.

– Дачка у нас... была... старенькая – избушка на курь... на курьих ножках..., – с трудом преодолевая горловые спазмы, – продолжила она. – И ночью эти... нелюди... эти... звери... подпёрли дверь ломом, об-облили стены... бен-бензином и... и подожгли. – И маска невыносимого и невыразимого словами горя исказила её прекрасные черты. – Де-дере-во сухое, вспых-вспыхнуло, как порох... Хоро-нили мы одни лишь па-пины и ма-мины кос-косточки...

Тут Стелла прикрыла лицо ладонями, и плечи у неё мел-

ко-мелко задрожали. Юрий остановил трактор, не в силах больше управлять им, и откинулся на спинку сиденья. Он, не вполне осознавая, что делает, инстинктивно прижал голову девушки к себе. А та ответно уткнулась к нему в грудь и затихла.

Юноша сидел затаив дыхание. Трагедия семьи Кораблёвых потрясла его, одновременно вызвав в нём сострадание и исключительную нежность к невинной мученице. Сквозь её утончённую благородную внешность вдруг проступили очертания беззащитной девчухи-подростка, которые ранее таились внутри. И это открытие поразило Кондрашова. «Так вот ты какая, Стелла Кораблёва! – переживал он. – Так какая же ты на самом деле?... Может быть, ты совсем слабенькая и растерянная, да только крепишься изо всех сил, виду не подаёшь... Ах, ты моя бедная сиротинушка! Крошечка несчастная!... Да был бы прок, я б свою бестолковую башку прям щас враз расколотил о приборную доску, лишь бы осушить хоть одну твою бесценную бриллиантовую слезинку!»

Через минуту Стелла опомнилась и неловко отстранилась от Кондрашова. Она села на край сиденья, пряча от паренька лицо, и сказала:

– Прости меня, Юра... Никак не могу свыкнуться... Хуже маленькой... Плакса... Дурочка городская... Разревелась, навязалась на твою голову со своими проблемами...

– Что ты, Стелла! Что ты!... – забормотал юный тракторист, не зная, что делать и как быть. И как достоверно выра-

зять ту меру своего сострадания, ту боль, которая пронзила и его. – Пожалуйста, никогда не говори так... Да я люблю тебя! – нежданно-негаданно прорвалось у него наружу то самое сокровенное и заветное, что он стерёг в себе.

Так тайна перестала быть таковой. Она заполнила собой кабину непрошеной гостьей. И Кондрашов сжался и окаменел, с ужасом осознав это и ожидая, что Стелла, оправившись от слабости, вот-вот окончательно отвернётся от него. Или же неловко усмехнётся над его крестьянской глупостью и недалёкостью.

Впрочем, он тут же совладал с недостойной трусостью, ибо его любовь для него была превыше всего, и не нуждалась в оправданиях. Он признался – и будь что будет!

Потому он занял позу каменного истукана с острова Пасхи, с неприступным видом ожидая любого приговора...

О-о-о, женщины! О, эти непостоянные и непредсказуемые, странные и непостижимые существа! Переход от одной крайности к радикально иной протекает у них стремительнее полёта стрижа. Только что Стелла искренне и безутешно плакала «на излёте», но... Услышав мужское признание, она широко распахнула синие очи, и через неподдельное горе к уголкам её губ пробилась крохотная и робкая улыбка радости, а лицо чуть озарил лучик счастья. Мужчины так не умеют.

– ...Как ты сказал?! – со сдержанным ликованием ожида-

ния переспросила она.

– Я люблю тебя! – упрямо сжав губы, уже сознательно повторил Юрий. – И ты – Принцесса всего мироздания! Только... – запнулся он.

– Что только? – живо переспросила девушка.

– Только... – собираясь с мыслями, проговорил юноша. – Только мне показалось, что в тебе ещё есть маленькая принцесса... И она прячется в глубине твоей души. Разве так бывает?

– Маленькая принцесса? – озадаченно вымолвила Кораблёва. – Хм...

И они замолчали, не зная, как вести себя дальше. Потом Стелла потянулась к Юрию и осторожно поцеловала его в щёку.

– Ты хороший, Юрочка, – убирая кончиками пальцев биринки слезинок с ресниц, признательно вздохнула запретная любовь тракториста Кондрашова. – Ты самый лучший мальчишечка. Но... Но нам надо ехать, а то мы так до утра не доберёмся.

И опять в вечерней декабрьской мгле потянулась зимняя дорога за окном трактора. И девушка, постепенно успокаиваясь и сглаживая шероховатость своей отстранённости от юноши, завершала экскурс-откровение в свою автобиографию:

– Так я и осталась, Юра, без моих милых мамочки и папочки. Первое время я вообще не представляла, как пере-

живу такое... Спасли мамина сестра тётя Полина и папины друзья. Поддержали меня в трудную минуту. Пенсию по случаю... потери кормильца выправили, – проглотила девушка тугой ком, вновь подкативший к горлу. – Благодаря им, я и в университет поступила: сама-то и не помню, как экзамены сдавала – всё как в тумане.

На экзаменах я с Маришей и познакомилась, – уже успокоено взглянула Кораблёва на Кондрашова. – Стою в коридоре сама не своя. Она чувствует, что мне плохо, подошла и спрашивает: «Вам нехорошо? Вы такая бледная?» Давай отпаивать меня. В маленьких селениях люди добросердечней. Мне с ней полегче стало – живой человек рядом.

ДТ-75, надсадно рыча, и тем самым как бы жалуясь на свою сизифову долю, обрѣкшую его на нескончаемый бурлацкий труд, подползал к окраинам Замараевки.

– Ты что, Юра, притаился? – спросила Стелла. – Скажи что-нибудь.

– Боюсь, – признался тот. – А вдруг ляпну... не попад?

– Глупенький! – дотронулась студентка прохладными подушечками пальцев до его левой руки, сжимавшей рукоять торсиона. – Я тебя выбила из колеи, да?

– Что ты!... Я про тех змеиных выползков думаю, чтоб у них руки отсохли и всё остальное! Их нашли?

– Нет, не нашли. Вернее, не совсем так. Мне начальник управления уголовного розыска Перегудов говорил, что на исполнителя они вышли, да уже на мёртвого. Его убрали

свои же. И на заказчиков есть...как это...оперативная информация, а доказательств нет.

– У-ух! – скрипнул зубами Кондрашов от бессильной злобы. – Попадись они мне, я бы их гусеницами закатал так, чтобы и мокрого места не осталось. Да ведь такую гнусную мерзость и пакость даже совхозный скотомогильник не примет.

Глава третья

1

Оптимизм – основа нормальной человеческой природы, а людские поступки – те кирпичики, из которых складывается здание бытия. И каким заложишь «нулевой цикл», таким поднимется и строение в целом. Случаются, конечно же, случаются в нашей судьбе бесконечно печальные события. Но тот, кто верит в свою планиду, кто денно и ночью, подобно прилежному каменотёсу, с надеждой подгоняет и складывает один к одному кривобокие разноцветные деньки-булыжники удела своего, тот рано или поздно выстроит светлый и торжественный храм, где найдёт отдохновение его душа.

Больше трёх недель самодеятельные замараевские артисты, не жалея усилий, по вечерам готовились к концерту под руководством Аркадия Николаевича Лукина. И, наконец, предновогодний декабрьский вечер, которого члены творческого коллектива ожидали с равными мерами нетерпения и

опасения, стал близок. А в канун его состоялась генеральная репетиция или, как её именовал Лукин, прогон. К ней художественный руководитель приготовил настоящий сюрприз.

Два дня до того Лукин отсутствовал, уезжая за артистическим реквизитом в Среднегорск. И в течение этого периода парни и девчонки из ансамбля по привычке приходили к клубу пообщаться, потолкаться, обменяться информацией, да и, чего уж греха таить, пофлиртовать. Сие явление Кондрашов иронически называл «великосветской замараевской тусовкой».

На этих сельских посиделках, а точнее сказать «постоялках», таинственное словечко «реквизит» так и порхало из уст в уста. «Знаем мы его реквизит, – с многозначительной ухмылкой говорил Володя Попов, наряду с другими прознавший про слабость Лукина к выпивке. – Небось, с дружбаками среднегорскими квасит. Замахнуть ему треба литра эдак по полтора на каждый глаз. А ведь у него ещё очки есть. Это сколько получается? Правильно, четыре! Вот и считайте, как он там надрызгается».

И Володя, обладавший недюжинным даром подражания и перевоплощения, передразнивал отсутствующего заведующего клубом, картавя под дружный хохот развесёлой ватаги: «Дуги мои! Да у меня же кгугом знакомые и пгятели: и в упгавлении культугы, и в обгастной фигагмонии, и в театге опегы и багета... Да что там, в самом госконцегте знают и помнят Лукина!»

Однако, по возвращении Аркадия Николаевича с набившим оскомину пресловутым реквизитом, Попов и кое-кто с ним прикусили язычки: шеф творческой молодёжи привёз в совхозном микроавтобусе массу всякого имущества. И пусть одежда и обувь оказались устаревшего фасона, но когда в ходе прогона парни, все как один, вышли в голубых костюмах и одетых под пиджаки жёлтых рубашках, а девушки – в голубых со стальным отливом платьях до пят, эффект был оглушительным. Случись так, что Лукина привезли бы из Среднегорска вдрызг пьяным и голым на индийском слоне, изумление было бы меньшим.

Юрий, по крайней мере, на манер древних римлян поднял палец большой руки, а Кропотов по-восточному прищёлкнул языком. И только Володя Попов с характерным для него скепсисом продолжал упорствовать и мрачно съязвил: «Голубая капелла. Хор мальчиков-комиков и девочек-гномиков». Истины ради следует отметить, что возмущённая женская половина коллектива тут же принудила его извиниться и взять свои слова обратно, а Кропотов, улучив момент, поставил ему смачный «американский щелобан». Добро, что личный опыт по этой части у него имелся.

День премьеры настал. Концерт следовал непосредственно за совхозным собранием, на которое съехались делегаты

со всех совхозных деревень. Вот тут-то артистов и охватило жуткое волнение. Аж железобетонного циника Попова пробрало. Володя, несмотря на то, что Кондрашов отрезвляюще сначала постучал ему по лбу, а затем по дереву, всё же отхлебнул украдкой глоток самогона из припрятанной фляжки. Вера Гордина поминутно подглядывала за публикой через щёлочку меж половинок занавеса и драматическим шёпотом произносила эпитафию:

– Мамочки, я сейчас умру! Их человек двести сидит! И, главное, все смотрят сюда!

– Куда ж им ещё смотреть, дурёха, – хмыкал Попов, расхрабренный после глотка. – Через плечо, что ли?

Стресс снял Кропотов. Когда за занавесом парни разворачивали подвешенную к потолку декорацию с изображением крестьян на жатве, привезённую завклубом из Среднегорска, он вспомнил чеховское выражение про ружьё, которое обязательно должно выстрелить, цитированное Лукиным.

– Если на сцене замараевского клуба в первом действии висит картина, – изрёк он философски, – то к последнему действию её обязательно скоммуниздят.

После его гениальной фразы некоторых артистов дружно скорчило в позу, в просторечии именуемую буквой «зю». Так они, ползая по сцене, боролись с тем, чтобы взрыв смеха (или что-нибудь ещё) не вырвался наружу и не разметал зрителей передних рядов. Зато потом сердцебиение стало чуть реже. И напряжение ослабло.

Концертную программу открыл Кондрашов. Он, мобилизованный до предела и оттого чуть скованный, произнёс перед зрителями краткую вступительную речь и объявил первый номер. «Делегатам всех совхозных деревень, а также большого-пребольшого села Нижняя Замараевка шлёт большой-большой привет ансамбль «Деревенька»!» – пафосно провозгласил конференсье. В ответ авансом раздались сдержанные аплодисменты. Работники совхоза, не избалованные вниманием эстрадных звёзд, заждались зрелищ. Тем более, что местная художественная самодеятельность «почила в бозе» лет десять тому назад. Давненько сюда не заглядывали и заезжие гастролёры.

Занавес распахнулся, и перед селянами предстали артисты ансамбля во всей красе: такие знакомые и одновременно изменившиеся до неузнаваемости в строгой торжественности момента. По залу ветерком пролетел шелест эмоций: то искренние и простодушные замараевцы делились впечатлениями от увиденного. Накал невроза у певцов, опять достигший было апогея, спал с начальными аккордами отрепетированной до автоматизма мелодии. Песню о деревеньке ребята исполнили хорошо – сказала добротная выучка Лукина и упорный труд его подопечных. Потому и финал произведения слушатели встретили уже заслуженными и слитными рукоплесканиями. Когда же хор слаженно, на едином дыхании выдал русскую народную песню об ухаре-купце, сопро-

вождаемую молодецким гиканьем и посвистом директорского водителя, овация зрителей приподняла до потолка сердца вокалистов, прежде испуганно трепетавших «где-то в области пяток».

Первый блин пока не выходил комом, и представление шло по экспоненте, всё прочнее захватывая интригующей динамикой артистов и публику. Объявляя очередной номер, Юрий ещё раз убедился в профессионализме Лукина и в том, до чего тонко тот усвоил психологию зрителя.

Накануне, в процессе прогона, Кондрашов вышел к рампе, чтобы представить трио «Жалейка» – так Самохина и сёстры Гордины назвали свою группу. Потому начинающий конференсье на генеральной репетиции соответственно и провозгласил: «Сейчас вашему вниманию предлагается выступление вокального трио «Жалейка»! Песня «Колечко». Исполняют: Нина Самохина, Юлия и Вера Гордины!» Вслед за этим ведущий развернулся и двинулся в сторону кулис. Ан его тут же остановил возглас Лукина, сидевшего с аккордеоном на стуле сбоку от девчонок:

– Стоп! Стоп, Юра! Так не пойдёт. Я же тебе говорил, что конференс – наиболее творческий и импровизационный жанр эстрады. Если концертант источает находчивость, остроумие, веселье, то таковым для публики предстанет и шоу в целом. Каков конференс, таков и концерт. Каждый твой выход – событие, изюминка, которую жаждет зритель. Вот только что ты всё вроде бы сделал правильно, гладко, а вы-

думки не проявил. Попробуй-ка концовку подать иначе...

Что ж, юный конференсье апробировал рекомендацию корифея сначала на генеральной репетиции, а сегодня – уже в концерте.

Завершая краткое «превью» к номеру девчонок, он торжественно и громко произнёс:

– ...Итак, вокальное трио «Жалейка»! Песня «Колечко»! Исполняют сёстры Гордины: Юлия, Вера и Нина..., – последовала пауза, которую Юрий завершил эффектным, – ...Самохина!

Ответом ему был закономерный смех, раздавшийся в зале.

Но Кондрашов, вдохновлённый успехом, продвинулся дальше по пути творчества. И прежде чем объявить вторую песню, исполняемую «Жалейкой», отважился на лирическое отступление уже по личной инициативе.

«Зима всевластна на уральской земле, – доверительно поведал он залу. – Жгучий холод сковал реки. Неугомонная метелица укрыла снегом поля и замела дороги. Звери, птицы, былинки, – всё живое прячется от лютых морозов, ожидая перемен. Стынет и человеческая душа. И люди, обращая взоры к тусклому декабрьскому солнцу, грустно вздыхают, сознавая, сколь нескоро пожалует девица Весна-красна. Кажется, нет спасения от сей predeterminedности. Всё так безнадежно и безысходно... И вдруг – «Дождик»!»

И Юрий, уступая авансцену девушкам, направился за ку-

лисы, успев краем глаза уловить, как Аркадий Николаевич выразил ему «о`кей» сведёнными в кольцо большим и указательным пальцами. А трио «Жалейка» высокими и красивыми голосами затянуло повествование о том, как безымянная россиянка делится с дождиком горечью безответной любви и молит о том, чтобы хоть он пожалел её.

В арсенале юного ведущего, вошедшего в созидательный азарт, имелась и ещё одна «домашняя заготовка». Тематически предваряя выход дуэта в составе Стеллы Кораблёвой и Марины Шутовой, которые исполняли песню «Девочка-зима» из репертуара группы «Лицей», Юрий прочёл стихотворение собственного сочинения:

Где родилась, моя снежинка?
Откуда, нежная, летишь?
И вот жемчужною слезинкой
В ресницах милой ты дрожишь.

Вы, как мечты мои, красивы,
Как чудо-грёзы далеки,
Как божьи пташечки пугливы,
И одинаково хрупки.

А я на вас дохнуть не смею:
Вдруг вы исчезнете, как сон?
Вас как судьбу свою лелею!

Сколь безнадежно я смешон...

Не сохранить шаги в пространстве,
На время не наложить вето,
И вянет в жутком постоянстве
Их бытие, их бабье лето.

Снегурочка моя не знает,
Что предстоящую весною
Вся красота её растает
На небе дымкой голубою.

Морозом, снегом с ливнями
И выюгой создана –
Невеста неба зимнего,
Да не моя жена.

Чтоб не расстаться с ненаглядной,
Чтоб сказка не случилась вновь,
Нужна к её красе прохладной
Горячая мужская кровь.

И родниковую водой,
От облика неповторимого,
Ты будешь вечно молодой!
В бессмертной памяти любимого...

Концертный вечер был непредсказуем не только для зрителей. Кондрашову, проработавшему программу «наизусть», он тоже открылся с неожиданной стороны. Подлинным откровением для него стала декламация стихотворения Константина Симонова Стеллой. Это событие оттеснило на второй план как его собственное пение, когда вкупе с остальной публикой певцу застенчиво аплодировала и его мама, так и великолепное соло Нины Самохиной, прошедшее на бис.

До концерта Кораблёва шлифовала исполнение баллады Симонова «Сын артиллериста» перед Лукиным, и потому Юрий, наравне с прочими, услышал его впервые. Ах, как же Стелла его читала! Паренька в течение всего её выступления не покидало ощущение того, что он вместе с героем произведения Лёнкой Петровым пережил детство, взросление, боевую молодость. Подростком Лёнька потерял отца-кавалериста, которого ему посильно заменил верный друг отца – майор Деев. Именно с ним Лёньке довелось овладевать не только верховой выездкой, стратегией и тактикой, но и искусством держать удары злодейки-судьбы. Подчас мальчишка Петров сваливался с коня, и тогда:

Свалится и захнычет.

– Понятно, ещё малец!

Деев его поднимет,

Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:
– Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! -
Такая уж поговорка
У майора была.

Потом пришла война. Выполняя боевое задание, Лёнька Петров проник в тыл врага и оттуда корректировал по радиации наводку наших батарей. А когда его обнаружили, он вызвал самоубийственный огонь на себя. И Кондрашова охватило ощущение, словно он в связке с ним передавал последние координаты приёмному отцу майору Дееву: «Немцы вокруг меня. Бейте четыре, десять. Не жалейте огня!..» И заодно с самоотверженным разведчиком Юрий готов был умереть за победу.

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
– Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.

Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла! –
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота –
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненный, но живой,
Был найден в ущелье Лёнька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Лёньку
И вдруг его не узнал:
Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Всё те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой...

Фронтальная легенда проняла Кондрашова. Она прошла через сердце юноши. Поэма словно переключалась с лихоло-

тьем девяностых годов, которые переживала Россия, его Россия. И лихая година случилась потому, что Родине остро не хватало такого вот Лёньки Петрова, и такого вот майора Дева. В зале плакали...

И со Стеллой с начальными строками стихотворения произошла мистическая, сверхъестественная метаморфоза: из прекрасной феи в строгом платье, трогательно сжимавшей девичий платочек, она в воображении зрителей перевоплотилась в молоденького солдата, самоотверженно скомкавшего всмятку пилотку, но не дрогнувшего перед костлявой смертью-старухой.

Прозвучал заключительный поэтический аккорд чтицы, но до тех пор, пока его эхо отзывалось в сердцах слушателей, те безмолвствовали, переживая человеческую драму в себе. И только когда наваждение симоновской легенды и актёрская аура, окутывавшие зал и сцену, рассеялись, к замараевцам вернулась прежняя Стелла.

И прорвало людское оцепенение! Оглушительная тишина лопнула под бурей и натиском людской благодарности. Юрий, присоединяясь ко всем, со сладким остервенением отбивал себе ладони. Он отыскал взглядом маму и увидел слёзы у неё на глазах.

Завершился вечер на высокой ноте. Поймавшие кураж артисты с истинно русской удалью, и таким широким размахом и напором исполнили «отходную» песню, что припев её дублировали и делегаты собрания, в едином порыве подтя-

гивая: «Так будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дома, до хаты!»»

По окончании концерта ребята из ансамбля и Лукин остались в кабинете худрука отмечать фуруор, а Кондрашов и Кораблёва, улучив момент, улизнули на улицу. У Стеллы разболелась голова, и ей захотелось подышать свежим воздухом.

– Ты обалденно...поведала нам про Лёньку-артиллери-ста! – оставшись с Кораблёвой наедине, признался ей Кондрашов.

– Это наследство от мамы, – приглушённо пояснила Стелла, и в её голосе наряду с усталостью зазвучали сдержанная тоска и печаль. – В память о ней и папе я и читала. Мама же работала в школе словесником. Потом – завучем, но уроки всё равно вела. И меня постоянно заставляла штудировать русскую и советскую классику, декламации учила. Эта страсть у неё со студенческой скамьи. Она же была дипломантом многих конкурсов. Симонов – один из любимых её поэтов...Был.

– А-а-а, – понимающе протянул собеседник.

– А ты, Юрочка, читал стихи собственного сочинения? – оживляясь, спросила студентка.

– Если их можно так обозвать, – неуверенно сознался тот.

– Отчего же...Свежо и образно, – поддержала его спутница. – Немножко техника хромает, так ведь это – дело наживное. У тебя что-нибудь ещё есть?

– Так...Разная дребедень. Вот тут, в записной книжке, – постучал юноша указательным пальцем по нагрудному карману курточки.

– Не позволишь взглянуть? – располагающе улыбнулась девушка.

– Шутишь? – подозрительно спросил Кондрашов.

– Я серьёзно, – «погасила» улыбку Стелла. – Ты, Юра, даровитый. Тебе надо учиться.

– Я же поступал на журфак, – ввёл её в курс событий недавнего прошлого паренёк. – По конкурсу не прошёл: балла не хватило. А в десятом классе от нечего делать заметки в местную газету тискал. Районка их публиковала.

– Так, давай, и я выступлю благожелательным критиком, – попросила Кораблёва, подражательно постучав указательным пальцем по нагрудному карману курточки юноши, в котором лежал заветный блокнотик.

– Между нами? – краснея от волнения, условился Кондрашов, расстёгивая клапан кармана.

– Конечно, между нами. Я тебя, Юрочка, не подведу, – успокоила его студентка, принимая книжечку. – И вообще, ты заглядывай к нам в хижину дяди Толи, а то мы с Маришей иногда откровенно скучаем.

На столь мажорной ноте можно было бы и завершить главу, если бы не одно «но»... Утром следующих суток от убитого горем Лукина артистическая фракция узнала, что по-

ка деревенская богема отмечала успех в кабинете худрука, какой-то несознательный элемент «скоммуниз...»...КГМ... украл-таки со сцены декорацию. Замараевка, однако...

Глава четвёртая

1

Известный мыслитель Блаженный Августин семнадцать веков назад весьма тонко подметил одну из особенностей человеческого сознания, выразив её приблизительно следующим образом: «Когда меня не спрашивают «Что это такое?» – я знаю, что это такое. Однако, когда меня спрашивают «Что это такое?» – я не знаю, что это такое». И мысля уже более конкретно, он восклицал: «Я знаю, что такое время, когда не думаю о нём. И я совершенно не понимаю, что такое время, когда начинаю о нём думать».

Действительно, любой из нас «схватывает» что такое, например, молодость. Так сказать, на чувственном уровне, на уровне здравого смысла. Но лишь до тех пор, пока кто-либо не попросит дать определение данному явлению. Ибо после того возникнут непредвиденные затруднения. «Спрашиваете, что есть молодость? – пренебрежительно и с французским прононсом фыркнете вы. – Ну, это же элементарно, могодой чемодан! Могодость – это... Как его... Ну, когда... В общем, такое... Как бы попроще выразиться... Короче говоря... И чего вы ко мне пристали с идиотскими задачками?!

Лучше не злите! Дураку, и то ясно, что такое молодость!... Ишь, молодость ему подавай...»

Юрий Кондрашов не испытал, что такое абстинентный синдром. Он, слава спорту! не постиг его ни как обыденную данность, ни как научную дефиницию. Так, заочное восприятие чего-то очень смутного со слов других. И очень хорошо, что не познал, ибо болезненная зависимость человеческого организма от алкоголя – не самое великое достижение цивилизации. Зато, что есть жёсткое похмелье, было достоверно известно горькому замараевскому пьянчужке Самоше или Забулдону, как обзывали его селяне.

Самоша день-деньской проводил у дверей магазина, пребывая в состоянии подпития или же содрогаясь от похмельного озноба. Такого рода лихорадку Кропотов, в зависимости от степени ломки, метко именовал то «колотун», то «сушняк», то «кондратий».

Вышеупомянутый Забулдон при себе неизменно имел большой мешок, который он заполнял тарой из-под спиртного, добытой в таких же грязных закоулках, что и сам пропойца. И предрассветное звяканье тяжёлых запоров на дверях торгового заведения, отпираемых матерью Нины Самохиной, для алкоголика представлялось столь же значимым, что и звон церковных колоколов для религиозного фанатика, жаждущего пищи духовной в преддверии заутрени. Сдавая по дешёвке продавщице бутылки или лом пивных банок, Самоша молил её: «Шибче, Властилина, ой, шибче прини-

май! Мне жабу треба залить! Жабу залить! Горит она!» И в подтверждение он широко разевал иссохший рот, из которого валили смрад и зловоние. Такое состояние всё тот же Кропотов характеризовал как «особо тяжёлый отходняк».

И пусть Юрий Кондрашов придерживался железного спортивного режима, он также не избежал иного серьёзнейшего заболевания и испытывал даже более сильное влечение, нежели патологическая тяга к водке у Забуддона. Впрочем, многие симптомы у них совпадали.

Так, когда в будний день мама будила нашего главного героя на работу, тот, толком не успев проснуться, своей мужской утробой уже испытывал дикую и неутолённую чувственную жажду, превосходившую Самошин «сушняк». Его терзал специфический голод, заглушавший рычание прожорливых желудков Гаргантюа и Пантагрюэля. Тех самых Гаргантюа и Пантагрюэля, коих воспел Рабле, выпренно называя величайшими из чревоугодников, а Кропотов, узнав о них от друга, тотчас окрестил французских обжор «проглотами обыкновенными».

Между тем, кондрашовские ненасытность и жажда имели особую природу и проистекали из его органической потребности видеть, слышать, разговаривать, обонять, созерцать, ощущать и воспринимать любым иным способом предмет идолопоклонения – Стеллу, исключительно Стеллу и ещё раз Стеллу. Юрий быстро уловил, что чем интенсивнее он общается с девушкой в течение дня, тем менее непереноси-

мыми становятся терзания от разлуки до новой встречи.

В связи с этим всякий незначительный повод он подсознательно обращал к тому, чтобы очутиться возле неё. И потому бесхитростный замараевский тракторист, воспользовавшись приглашением студентки, все вечера коротал в «хижине дяди Толи». Он колол дрова, разводил огонь в печи, утыкал ватой окна заветной избушки, чтобы через них не выдувало тепло, а мороз не брал милую его сердцу девушку. И пирожки и шанежки с пылу с жару, которые знатно выпекала его мама, он, стремглав гарцуя молодым жеребёнком, тащил в уютный домишко на краю села. Там он с практикантками и с Виктором с аппетитом их уплетал либо под записи, звучавшие из кропотовского магнитофона, либо под типично молодёжный, беспечный и беззаботный «трёп» о всяких никчёмных, но для них таких значимых мелочах. Сверх того Кондрашов взял за правило выюжными утрами торить на тракторе двухколейную дорогу от хижины дяди Толи к большаку, чтобы по ней удобнее шагалось Стелле.

Мгновения пребывания с девушкой или близ неё насыщали его своеобразным живительным нектаром. Он благодарно внимал тонкому, как звучание серебряной струны, голосу Стеллы. Он упивался её смехом, чистым и прозрачным, точно горный хрусталь. Он, хмелея, напиткивался флюидами непревзойдённого мягкого обаяния любимой. Он жадно впитывал естественные ароматы афродизиаков и феромонов, излучаемых её субстанцией. И пил, пил, пил благодат-

ный, благородный и метафизический эфир её красоты.

И напоённый естеством Стеллы, Юрий, слегка умиротворённый и оглушённый, брёл на сон грядущий, не разбирая дороги, к родному очагу. Почерпнутого запаса жизненно важной энергии оказывалось достаточным для того, чтобы безмятежно забыться в сонном эротическом тумане. Но спозаранку всё повторялось сызнова: оголодавшая и ненасытная, ужасней прорвы саранчи, его пробуждающаяся и набирающая природную силу мужская самость, вновь порывалась и желала того же эмоционального и чувственного пиршества, что и накануне, что и позавчера, что и незадолго до того...

Так Кондрашов и жил наивным зелёным кузнечиком от одного восхода Солнышка, в лице небезызвестного прелестного создания, до другого, не ведая того, что однажды Его Звезда может и не появиться на мглистом замараевском небосклоне...

2

В среду Федя-третий загрузил Кондрашова «под завязку». В нарушение трудового законодательства он заставил несовершеннолетнего тракториста допоздна вывозить солому с полей, чтобы полностью закончить транспортировку грубых кормов до Нового года. Впрочем, молодой механизатор не особо строптивился, так как в тот день репетиции не было,

зато на четверг завгар предоставил Юрию отгул.

Не мудрено, что Кондрашов, лишённый общения со Стеллой на целые сутки, в четверг даже не дождался наступления обеденного перерыва. Едва стало светать, как он, по едкому выражению Марины Шутовой, «нарисовался» в конторе. Во всяком разе, когда Юрий, не увидев в бухгалтерии Кораблёвой, вызвал в коридор её подружку, та именно так и выразилась.

– Нарисовался? – весьма недружелюбно осведомилась она у него.

– В смысле? – насупился посетитель. – Я не нарисовался, а пришёл. А где Стелла?

– А то ты не знаешь, где, – всё в том же немотивированно неприветливом тоне продолжала Шутова. – Постельный режим у неё.

– А что такое? – встревожился парень.

– А то ты не знаешь, что такое, – желчно хохотнув, гнула свою необъяснимую линию практикантка.

– Слушай, Марина, – разозлился Кондрашов. – По-моему, я ничего плохого не делал. Чего ж ты...выгибаешься передо мной?...Ладно об этом. Скажи без закидонов: что случилось?

– Без закидонов...Обидели его, – заворчала студентка. – Ты что, в самом деле, не знаешь?

– Хочешь, щас вдребезги башкой о стенку треснуть? – своеобразно поклялся Юрий. – Я же вчера до ночи на вывоз-

ке был. Да говори ты, не томи..., – заволновался он.

– Заболела она.

– Заболела! Простыла? Ангина? Грипп? – всерьёз занервничал молодой механизатор, забрасывая Шутову вопросами.

– Если бы, – вздохнула та, поверив, наконец, в неосведомлённость юноши. – Тебе разве Виктор не звонил?

– Да нет же! – в нетерпении притопнув, вскричал молодой механизатор. – А-а-а! – внезапно осенило его. – Так Кропот же с Бурдиным в самую рань в Среднегорск укатили. И Витька, наверное, накануне пораньше завалился спать.

– Ну, ладно, слушай, – вторично протяжно вздохнула Марина. – Вчера мы с Виктором ездили в Ильск, в сельхозуправление. Отвозили документы и прочее. А Стеллочка одна пошла в гаражную столовую. Идёт она, задумалась, и вдруг на неё, коршуном, сзади кто-то нападает и сбивает с ног. Да так, что она через обочину в сугроб улетела! И этот кто-то её придавил и по-звериному рычит... С ума сойти!... Она сжалась в комочек, и уж решила, что всё... Потом глаза скосила: а над ней... этот... самохинский волкодав. С ума сойти!...

– И что?! – взревел Кондрашов, рефлекторно хватая студентку за предплечье и сдавливая его пальцами с безумной силой.

В нём молниеносно всплыл облик бедной девочки из Ильска, которую таскала псина Самохиных. От услышанного у него даже дыхание перехватило.

– Ой-ой-ой! – тем временем от боли взвыла уже Шутова. – Пусти, дурак!... Теперь синяки будут! – оттирала она предплечье. – Что-что!... Рычит собачара, а не кусает. Стелла давай его уговаривать, ровно зверя неразумного. Тот и успокоился.

– Ну и...

– А тут и Нинка Самохина подбегает! – по-бабьи хлопнула себя ладонями по бёдрам Шутова. – Или изобразила, что подбежала... Делать-то нечего: видит, что зверюга Стеллу всё одно не пожирает. С ума сойти!... И Нинка, харя подвидная, эдак ухмыляется и извиняется: мол, прости меня, Стелла... Сорвалась кобелина окаянная...

– Ну и...

– Кораблик, естественно, перенервничала вся... Кое-как приплелась в хижину дяди Толи и слегла... Что характерно, у неё лихорадка началась, видения странные. Я как посмотрела на неё, меня как пронзило: наговор! Порча! Ведь нас же Юлька Гордина предупреждала, что Нинка ворожкой... Это самое... Ведь каждый знает, что Нинка с матерью – колдуньи...

– Где она сейчас? – нетерпеливо перебил многословную болтушку Кондрашов.

– Кто? Нинка, что ли?... – застыла та с раскрытым ртом.

– Да при чём тут!... – подосадовал Юрий. – Стелла где? В избушке?

– Ага. Только ты не вздумай ещё и туда нарисоваться! –

испуганно уцепилась практикантка за плечо паренька. – Ей снотворное дали, инъекцию вкололи. Спит она. Нельзя её тревожить. А то хуже станет. Понял?!

– Да понял я, понял! – растерянно высвободил юноша плечо от цепкого захвата. – А как тогда быть? Что делать?

– Хым... Что делать... Песни петь! – пренебрежительно хмыкнув, отрезала Марина. – Он меня ещё спрашивает... – поюродствовала Шутова, скривившись и загнусавив под стать Бабе-яге. – Одно ясно, что Нинка на мерзопакостность эдакую отважилась не без твоей подачи, голуба ситцевая.

– Ладно, разберёмся, – мрачно проронил Кондрашов, выходя наружу.

3

Иногда человеком руководит не голова и влечёт не слепой жребий, а ведут ноги – не самый достойный вариант поведения для *homo sapiens*.⁶ В данный момент Кондрашова влекли именно ноги вкупе со слепой яростью. И доставила его буйную головушку сия безмозглая парочка прямо к бывшему сельповскому магазину, где нынче заправляли Самохины.

Юрий намеревался учинить строгий спрос с Нины Самохиной

за волкодава. Он смутно представлял форму спроса, но главным было – по-наполеоновски ввязаться в бой, а там будет видно. Что до колдовских проклятий и сил сатанин-

⁶ * *Homo sapiens* (лат.) – человек разумный.

ских, то материалиста Кондрашова данный аспект разбирательства вводил в крайнее смущение. Разумеется, он не верил в глупые предрассудки и выдумки об иррациональных потусторонних силах. Бабы сплетни про порчу он считал бреднями и «чушью собачьей». В то же время, само предположение о том, что по его вине любимое существо стало объектом посягательства враждебных сил, выводило его из равновесия. И молодой тракторист решил, что с Ниной ему надлежит держать себя твёрдо и наступательно. Без всяких «если бы, да кабы» – так, будто её вина установлена приговором Нюрнбергского трибунала. И не менее.

С заданным настроением он и прибыл в магазин. Там, в продуктовом отделе, мать Нины – тётка Властилина – бойко отпускала товары столпившимся односельчанам. На второй половине торгового заведения, в промтоварном отделе, традиционно было затишье: лишних денег у замараевцев не водилось, в связи с чем сюда они заглядывали реже.

Нина Самохина сидела за прилавком отдела промышленных товаров и что-то старательно конспектировала в общую тетрадь, аккуратно высунув кончик языка. Купеческая дочка заочно училась по специальности «менеджмент» и потому, едва с покупателями становилось посвободнее, тётка Властилина её «разгружала».

Возле молодой и интересной продавщишки отирался второй по рейтингу (после Кропотова) замараевский гуляка Толька Колотов, значившийся в престолярных кругах под

партийным псевдонимом «Шнобель». Колотов был одним из потомков легендарного Митьки Носатого. Потому неудивительно, что про Тольку в селе бытовала байка, зародившаяся на заре реставрации дикого российского капитализма.

Тогда в Нижнюю Замараевку, в первый и последний раз за новейшую эпоху, прибыла «на гастроли проездом» некая танцевальная группа. Она пышно именовалась «Дюжина дюжих толстухек». И следует признать, что артистки воистину по напыщенности своей намного превосходили тесто, замешанное на самых классных дрожжах. Колотов, помогая визитёрам разгрузить реквизит, ненароком заехал локтем солистке группы прямо между двух пушечных грудных «ядер».

– Что б я сдох! – выругался Толька, в замешательстве и с натугой высвобождая локоть из «сексуальной трясины». – Если у вас сердце такое же мягкое, – повинился он перед толстухой, – то вы меня простите.

– А если у тебя, парниша, – обольстительно улыбнулась заезжая гастролёрша, – остальное такое же твёрдое и большое, как локоть и нос, то я жду тебя за кулисами...

В тот вечер Колотов отлучался за кулисы дюжину раз...

Автору этих строк замараевские туземцы рассказывали, что мужская половина села вообще выделялась отменными габаритами органов обоняния во всём Среднегорском регионе. Ровным счётом так же, как, например, чабаны с нагорий Казбека будут выпячиваться среди чукчей и эскимосов, от

природы наделённых «респираторами-кнопочками». Зама-
раевские аборигены утверждали даже, что в бытность Стра-
ны Советов упомянутый феномен вызывал пристальное вни-
мание учёных военно-промышленного комплекса. И баш-
ковитое племя исследователей (изъясняясь их тарабарским
языком) зафиксировало жёсткую корреляцию между вели-
чиной носа типичного замараевца и иными анатомо-физио-
логическими и функциональными особенностями его сугу-
бо мужского организма.

Деятели науки намеревались особенности «замараевско-
го самца» трансформировать в ядерно-демографические бо-
еголовки многоразового действия с применением их бое-
вых свойств на потенциальном противнике. Если изобретён-
ная на Западе пресловутая нейтронная бомба предназна-
чалась для избирательного уничтожения всего живого, цинич-
но оставляя нетронутыми «железяки», то боевые головки
«homo zamaraevev», напротив, были индифферентны к «же-
лезякам» и предполагались для избирательного и благотвор-
ного воздействия на заграничных особей эксклюзивно фе-
министского типа.

В качестве конечной цели преследовалось достижение эф-
фекта, согласно которому носатые замараевские отпрыски
заполонили бы предгорья Мак-Кинли, Монблана, Эвереста,
Костюшко, Килиманджаро. Таким образом СССР должен
был мирно завоевать весь мир. Данная миссия была призва-
на восполнить изъяны марксистско-ленинской идеологии по

экспорту мировой социалистической революции через умы заграничного электората. Поскольку автор сего пересказа не большой дока стратегических положений, военных диспозиций, политических оппозиций, шахматных позиций, искусства «Камасутры» и тому подобных конфигураций, то он затрудняется назвать номер той позы, с которой связывалось столько надежд.

Увы, завершению грандиозных научных изысканий помешал развал Советского Союза, случившийся, в частности, по той причине, что у руководства державой оказались лица ненадлежащей гендерной принадлежности. Осведомлённые люди утверждают, что у Горбачёва и Ельцина «гранаты оказались не той системы».

Искренне скорбя по поводу несостоявшегося демографического опыта, краха СССР, а также из-за того, что никто не сподобился выдернуть чеку у «гранат не той системы», автор обязан резюмировать, что преходящие феномены возникают и исчезают, а экземпляры типа Тольки Колотова остаются. И в сравнении с данными образцами даже нос Сирано де Бержерака (армянское радио настаивает, что подлинная его фамилия Бергерян) – не более чем медицинский прыщик.

Впрочем, сей краткий дискурс был незапланированным лирическим отступлением, применённым для характеристики местности.

Итак, Юрий приблизился к прилавку, за которым воссе-

дала первая деревенская красавица. Он с наигранно безразличным видом «отметился» рукопожатием с Колотовым и подчёркнуто независимо обратился к продавщице:

– Привет, Нин!

– ...А-а-а... Это ты..., – с актёрской заторможенностью оторвалась та от конспекта, с лёгким стоном потягиваясь всем своим ухоженным телом.

– Нин! – силясь сохранить выражение незаинтересованности на физиономии, проговорил Кондрашов. – Есть серьёзный разговор. Желательно наедине.

– Торговый зал – не место для частных бесед, – надменно отмахнулась продавщица. – Здесь посторонних нет. Любой покупатель обладает равными правами.

– Раз так, то давай ненадолго выйдем... на свежий воздух, – предложил юноша.

– Ещё чего! – сморщила носик Самохина.

– Дело не терпит отлагательства, – применив всплывшее из глубин подсознания «киношное» выражение, продолжал «давить» Кондрашов.

– Ладно, так и быть, – снисзошла собеседница до его забот. – Толя, погуляй пока на той половине.

– Щас! – возмутился двойник знаменитого носатого французского героя. – Только шнурки поглажу!

– Брысь под лавку! Кому сказала?! – резко меняя интонацию голоса на приказную, а выражение лица – на воплощение суровости, скомандовала девушка. – Не переломишься.

Через пять минут разрешаю приползти под наши очи.

И нахальный замараевский повеса, для проформы сердито посопев «суперносопыркой», к немалому изумлению Юрия покорно отвалил в продовольственный отдел.

– Как ты его...отшила! – не смог скрыть эмоций Кондршов.

– У меня все по одной половине ходят, – сделав недвусмысленный акцент на слове «все», пояснила Самохина. – А кто не желает, тот вовсе не ходит.

– Доходчиво, – мрачней, сказал юноша, настраиваясь на минорный лад.

Ох, верно говорят остряки, что самый болезненный процесс – когда Амур вытаскивает свои стрелы обратно...Выяснение отношений между недавними симпатизирующими сторонами с самого начала пошло мучительно.

– О том, что не терпит отлагательства..., – задал нужное направление процессу правдоискатель. – Ты чего, Нина, свою кобелину троглодитскую на людей натравливаешь?

– Чего-чего?! – уставилась на него чёрными цыганскими глазами продавщица. – Во-первых, ты того...выбирай выражения, сладенький паскудник. А во-вторых, собаку я не травила: она случайно сорвалась. И за то я извинилась.

– Говоришь: выбирай выражения, а сама паскудником обзываешься! – «взвился» незванный заступник.

– А кто же ты? – с вызовом спросила Самохина. – Кто мне клятву давал, а потом – в кусты? Или то не ты был, милёно-

чек?

– Ах, вот ты о чём? – заиграл Юрий желваками на скулах. – Не отрицаю: да, было. Прости. Но я эту клятву обратно забираю. На веки вечные. И заодно предупреждаю: сегодня же псину поганую с глаз долой не уберёшь, я её пришибу. Клятву даю! И уж от неё я не отступлюсь, будь уверена.

– Знаешь что, милёночек! Не гавкай! – отбрила его девушка. – Не суйся не в свою лоханку.

– Моё дело предупредить, а там – пеняйте на себя, – сжал пальцы в кулаки парень. – И второе неотложное дело: ты чего это... кгм... на человека... того... порчу наслала, а?

Несмотря на то, что первую провинность Самохина косвенно признала, а потому к следующей её предполагаемой проделке психологически переходить было легче, последнее предложение Кондрашов произносил через силу. Его от напряжения даже пот прошиб. Уж в слишком эфемерной и заумной вещи предстояло уличить цыганистую особу.

– Чего-чего? – уставилась на него продавщица пронзительными чёрными очами. – Какую-такую порчу?

– Ну, наговор, проклятье... Известно, как подобные штучки называются, – всё менее уверенно поддерживал атакующий напор на злобную фурию Юрий.

– Тебе известно, а мне – нет, – отчеканила та, давая понять «агрессору», что он не на ту нарвался. – У меня порча знаешь где?... В кладовой валяется, и тухлятиной несёт. Лежалый товар называется. Да ещё передо мной порча стоит.

С наружи-то вроде и ничего, а копнёшь поглубже – с гнильцо-о-ой. Ф-фу-у-у!...

– Нина, ты кончай ваньку-то валять, по-доброму прошу! – теряя терпение, грозно предупредил Самохину юноша.

– Он мне угрожает, гляньте на него! – пренебрежительно сморщилась та. И, явно подражая собственной матери, слывшей отменной скандалисткой, заняла позицию, которую народ окрестил как «руки в боки». – Да мне на тебя навалить кучу дерьма, и не подтереться!... Стоит, мямлит непонятно что, ровно тюха-митюха. Каша во рту стынет! Смотреть тошно! Знаешь ты кто?... Несостоявшаяся эрекция! Тьфу на тебя!

И она смачно плюнула оппоненту под ноги.

– Да ты... Кукла набитая!... – И в самом деле не находил правдоискатель нужных слов. – Гадишь за спиной по-крысиному...

– Сам ты крыса! – перебила его продавщица. – Ишь, про напасти залепетал... Ты же нам в выпускном классе доказывал, атеист несчастный, что нечистой силы и Бога нет. Забыл? Или напомнить тебе?... Как же ты там своим умненьким да остреньким язычком чесал? Щас припомню... Ага! ...Бог должен быть добрым и всемогущим. Так как, если он злой и бессильный, то, что же это за Бог? Но раз в мире много зла, то он либо слабый, либо недобрый. Значит, Бога нет.

В этой части монолога Самохина столь дьявольски захотала, что показалась юноше тем самым воплощением зла,

с коим не сладил Всевышний. Он даже отшатнулся и от прилавка, и от молоденькой праправнучки легендарной цыганки Азы, подобно

ведьме потрясавшей длинными тёмными волосами.

– Ну, говорил так? Что, языком подавился? Или в другое место его себе засунул? – не унималась продавщица. – И вот это трепло мне про напасти загундосило!

– Не намерен унижаться, – презрительно бросил ей Юрий. – Но заруби себе на носу: если что-то случится со Стеллой – ты у меня ещё и не так взвоешь!

Тут-то Нину, при одном упоминании имени ненавистой соперницы, и прорвало. Подобно дикой необъезженной кобылице, сорвавшейся с привязи и освободившейся от пут, она сиганула через прилавок и вихрем метнулась к юноше.

– Вот ты как? – зловеще и полупридушенно взвизгнула она ему на ухо. – А других не жалко, да? Хорошо же... Ты меня попомнишь! Ей насолила, и тебе щас кисло станет!

И тут Самохина закатила такой концерт, что её отныне смертный враг не то что диву даваться, но и рта разинуть не успел... Она с неукротимой яростью вдруг рванула белоснежный халатик у себя на груди. Перед халата затрещал, а несколько пуговиц отлетели в стену подобно стреляным гильзам из автомата Калашникова.

– Чё ты ко мне пристаешь?! Чё ты меня за сиськи хапашешь, скотина?! – внезапно возопила девица той самой, всуеупоминаемой Кропотовым, Иерихонской трубой, кою, яко-

бы, изнасиловали ослы. – Чё ты мне в трусы лезешь, гад?!

– Э-э-э... Ты чего?! – зачумленно вытаращил глаза Кондрашов, пятясь от «артистки».

Он затылком и шестым чувством воспринял то, как десятки людских глаз из продуктового отдела «сверлят» его спину и с любопытством озирают грудь и «передок» «потерпевшей». На той половине магазина, как по команде, стих разноголосый гвалт.

– Ну, ты совесть-то поимей! – попытался юноша урезонить провокаторшу в белом халатике.

– Ишь! – снова закричала та воющей фистулой. – А кто меня за титьки цапал? А?!

– Доча! – раздался из другого конца магазина низкий и могучий, практически мужской бас тётки Властилины, рвущийся, будто всё из той же Иерихонской трубы, но только до ослиного бесчинства. – Шо тама учудилося?

– Мамо! – жалостливо воскликнуло дитя от смешанного ромало-украинского брака, переходя на специфический кацапо-хохлятский словесный коктейль. – Тута кондрашенковский сынок мне домогается! Всю обцапал!

– Люди добрые! – заголосила и тётка Властилина, поднимая крышку прилавка и выходя в торговый зал. – Це шо ж творится? Шо ж деется, я вас спрашиваю? Ужо средь бела дня хулиганьё проходу не даёт!

И она, раздвигая столпившихся обывателей дородным телом круче, нежели атомоход «Арктика» торосы в Север-

ном Ледовитом океане, «поплыла» на выручку к «дочке». На «крейсерском ходу» она успела попутно «прижучить» за ухо Самошу, попытавшегося под шумок урвать бутылку пива. Да прижучила его так, что Самоша зареготал оскоплённым сильным меринном. Нина же, под всеобщий вздох ротозеев, картинно припала к прилавку «осквернённой» грудью и трагично зарыдала. Пожалуй, ей не то что Лукин, но и Станиславский, поверил бы в сей момент.

Юрий замер, храня на лице кривую ухмылку не то недоношенного уродца, не то правнука Паниковского, застигнутого при хищении гуся. Он не мог сообразить, как надо адекватно реагировать на происходящее.

Тётка Властилина между тем «взяла курс» прямо на него, по-утиному переваливаясь с боку на бок. За ней угодливо семенил Толька Колотов.

Ты шо ж, кондрашенковский выродок, пакли распускаешь, шоб они у тебя отсохли! – толкнула Юрия тугим массивным животом Самохина-старшая. – Али за отцом на зону захотел?

– Я не выродок! – безглаголиво отстраняясь, возразил юноша. – И попрошу без оскорблений и намёков. А то ведь я действительно, как отец, могу и...отвесить полпуда горяченьких...

– ...А-атвесить! – первоначально опешив от воспоминаний об искалеченном Казимире, снова загундосила хозяйка магазина. – А ну, геть отселя, чтоб и духом твоим здесь не

воняло! Подь ты к чомору, чёртово семя! Бандюга! Тюрьма по тебе плачет!

– За оскорбление вы ответите, раз, – стараясь сохранить достоинство, выдавил губами, побледневшими от переживаемого бешенства, Кондрашов. – И я не уйду, два. Я полный правный покупатель.

Из-за монументальной утёсообразной фигуры дородной продащицы вынырнул Колотов и зашипел змеюкой подкожной, выползшей из-под sklepa:

– Молокосос-с-с-с! Что тебе велено? Не понял, ли чо ли? Проваливай, пока хлеборезка цела!

Только попытался схватить Юрия за рукав курточки, но тот резко ударил его ребром ладони по кисти и предупредил:

– Ну, ты, не нос, а член прирос!... Сам вали, урод! Ещё раз сунешься, схлопочешь!

Однако натиск на Кондрашова не прекращался. Тётка Властилина, ободренная унией с носатым ловеласом, начала второй «поход Антанты», напирая выпирающей утробой на «бандюгу». И даже успела уцепиться за его чуб. В ответ Кондрашов оттолкнул её. Самохина отлетела к прилавку, с ходу оседлав колени «дочи», которая к тому времени уже сползла с прилавка на мешки с сахарным песком, стоявшие в зале, и оттуда наблюдала за разворачивающимся сражением.

Наступила краткая пауза, возвестившая о равенстве сил противоборствующих сторон. Тётка Властилина, на которую неожиданно-негаданно напала икота, первой нарушила замин-

ку.

– Во-от значит...ик...как? – выдавила она. – Не уй...ик... не уйдёшь?

– Почему же, – пожал плечами Кондрашов. – Куплю кое-что, и уйду.

– И шо ж ты купишь, голь перекатная? – надменно процедила хозяйка заведения.

– Да хоть бы и...мыло! – с вызовом произнёс парнишка. – Вон, кусок хозяйственного возьму.

– Мы-ы-ло! – исступлённо заорала Самохина-старшая уже на кондовом могучем русском языке. – Хрен тебе, а не мыло, обсосок поросячий!...Всё! – после краткой паузы объявила она мужикам и бабам. – Мага...ик...магазин закрывается. Торго...ик...вать не буду. Нин-ка! Чё расселась, квашня?! Закры-вай...ик...отдел!

– Да ты чё, Властилинушка? Чекушку-то отпусти!

– Побойся бога, Властилина! Столькущо выстояли, а те-перь в город итить, ли чо ли?

– Батюшки, а у меня соли дома ни грамма!...

– Да у меня ж дети без хлеба сидят!

Залезбила, запресмыкалась, завозмущалась и иным образом принялась изливать потребности «очухавшаяся» толпа покупателей, до того со сторонним любопытством лице-зревшая «комедь».

– А меня не...колышет! – орала толстуха во всю мочь лу-жёной глотки, закалённой в многолетних боях с потребите-

лями. – Хрен вам – не хлеб! Хрен вам – не соль! Хрен на вас на всех! Магазин мой! Чё хочу, то и ворочу! Я хозяйка!... Выметайся, шелупонь, етит вашу мать! Переучёт у меня... Недостача... Ктой-то мыло скоммуниздил!... Ходют тута всякие, а потом мыло теряется...

– Властилина, остынь!

– Мы же те ничё не делали!

– Мы-то тута при чём? – недоумевали огорошенные зама-раевцы.

– Не колышет! – заходилась в лютой злобе собственни-ца. – Покеда эта шантрапа тута – ничё ни-ко-му не от-пу-щу!

Поднялись жуткий шум и ругательства: тётка Властилина и её оклемавшаяся «доча» орали на всех подряд; мужики и бабы, сперва вздорившие с продавщицами, постепенно всё более и более стали метать громы и молнии недовольства в направлении Кондрашова.

Через пару минут спорящие внезапно угомонились, за исключением хозяйки магазина, которая мёртво стояла на своём, как заводная продолжая заунывным речитативом вещать: «Пока эта шантрапа здесь – ни-чё ни-ко-му не дам!»

Инициативу в решительных действиях обозначили Самоша и два его собутыльника, окрысившиеся на того, кто, по их мнению, и заварил кашу. Они тевтонской свиньёй поползли на Кондрашова, одновременно изрыгая из себя вместе с сивушным зловонием мерзкую, словно блевотина, брань: «Ты, падла, чеши отсюда! Сучи ногами, сучара!... Глохни, ры-

ба!...». Гиеной к их стае мгновенно примкнул и Толька Колотов.

Самое обидное для юноши заключалось в том, что и женщины, поддержав пьянчужек, принялись совестить его:

– Уходи, Юра, подобру-поздорову...

– У него, вишь ли, с хозяйской девкой заморочки, а на нас шишки!

– Да какая девка – у него один футбол на уме.

– В яйцах уже дети пишшат, а он всё одно мяч гоняет!

Проще говоря, «козлик отпущения» относительно скоро был найден, и песенка его казалась спетой. «Шалишь! – настырно подумал Кондрашов. – Буду бляеть до конца!»

И он, напружинив шею и сделав резкий кивок головой, каким обычно замыкают фланговый навес на ворота, лбом нанёс встречный акцентированный фронтальный удар Тольке, оказавшемуся на острие атаки, точнёхонько в «картофелину» его препротивного «шнобеля». Колотов опрокинулся, точно от разряда электрического тока. Однако, падая навзничь, он успел уцепиться за рукав курточки Кондрашова и потащил его за собой. Из носа Тольки обильно хлынула кровь, заливая ему лицо и одежду.

Увлечённый Колотовым книзу, Юрий периферическим зрением зафиксировал, что Самоша подскакивает к нему сзади. Парень упредил Забулдона, лягнув его в пах. От удара Самоша переломился в поясе и улетел к мешкам с сахаром. Зато два других бродяги успели прихватить правдоискате-

ля, скрючившегося над Шнобелем. И один из них так саданул Кондрашова справа чем-то тяжёлым, что у него искры из глаз посыпались и пошла кругом голова. Следом за первым второй бродяга чем-то твёрдым слева «звезданул» юноше по скуле, и у Юрия что-то хрустнуло во рту, а в коленях возникла почти непреодолимая слабость.

Теперь, пожалуй, исход свалки был предрешён, если бы в неё внезапно не вмешались два матёрых бородатых мужика-старовера, по осени приехавших в село откуда-то с севера. Они-то и разняли дерущихся.

Юрий поднялся и, пошатываясь, зомбированным монстром

двинулся на обидчика-бродягу, у которого один из бородачей вырвал пустую бутылку. Ан на пути паренька встал второй старовер, крепко обхвативший его за плечи и, участливо, но твёрдо сказав: «Иди, мил человек. Иди...». И подтолкнул юношу к выходу.

Женщины, визжавшие во время кутерьмы, притихли. Они отводили от Кондрашова глаза и «любовались» стенами магазина столь пристально, точно на них экспонировались шедевры Третьяковской галереи. «Эх, вы! – зазвеневшим от обиды голосом, выпалил Юрий в их адрес. – Правильно по телеку говорят, что вы – быдло! Как в Древнем Риме: разделяй и властвуй! С вами что захотят, то и сотворят».

Никто не проронил ни звука в ответ...

И лишь когда Кондрашов, впервые в жизни ссутулившись,

ступал от магазина прочь, на высокое крыльцо выскочила тётка Властилина. Она, возвышаясь на своеобразном пьедестале, басовито зарокотала ему вдогонку: «Чтобы я тебя тута больше не видела, босота! Ходи теперича на другой конец!» И речь её победно реяла над «заткнувшейся» Замараевкой.

4

Тело болело, а душа саднила. Но так было лишь до родного пристанища. За полкилометра пути поборник справедливости успел прийти в обычное – более или менее оптимистическое – расположение духа. Он не привык заикливаться на неудачах. Их он исцелял благими (как ему представлялось) делами. Тем более что на сей раз «в духовном выздоровлении» ему помог не кто-нибудь, а Михаил Юрьевич Лермонтов.

Дома весьма кстати никого не оказалось. Младший брат Венька, о чём свидетельствовал «тарарам» на кухонном столе, успел после уроков пообедать и умчаться на улицу. Мама Юрия, работавшая заведующей детским садом, уехала по делам в Среднегорск и должна была вернуться к полуночи. А потому Кондрашов, встав перед трюмо, приступил к ревизии собственного дражайшего тела. Параллельно он на пару с великим поэтом декламировал: «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать!». Так было веселее.

Справа, под глазом, у него набух капитальный синячище.

На

нижней челюсти слева оказалась сколотой часть коренного зуба. Но имелись и хорошие вести: то, что выбитый в ходе драки осколок «бивня» у него наружу не вылетал, Юрий помнил отчётливо. «Значит, скушал, – насмешливо прокомментировал он «недостачу». – Стало быть, дефицитом кальция ты, парень, страдать не будешь. Сейчас главное – не помереть от запора». Остальные мелочи в виде ссадин и царапин инвентаризационному учёту не подлежали.

Завершив «внеплановый анатомический аудит», новоявленный мститель приступил к подготовке тайной миссии. Он сбегал в сарай и извлёк из тайника старую двустволку, доставшуюся в наследство от деда. Отец ею не пользовался, а дед, за пару лет до ухода в мир иной, в порядке развлечения «шмалял» с внуком по воронам.

Кондрашов деловито почистил ружьё, шомполом смазал ствол и отобрал патроны, снаряжённые жаканом. Самое необходимое юноша припрятал в холодной кладовой, откуда его было проще взять, идя «на акцию возмездия».

Затем пострадавший за правду «откопал» в письменном столе денежную записку, изначально предназначавшуюся для выписки наложенным платежом книг о светилах мирового футбола. Из этой серии у него уже были отличные иллюстрированные бестселлеры о Пеле, Гарринче, Яшине, Марадоне, Беккенбауэре, Круиффе, Пушкаше и Ди Стефано. На очереди был Роналдо-Зубастик. Однако из-за внезап-

ных непредвиденных расходов бразильцу теперь приходилось потомиться в ожидании randevu с подрастающей замараевской футбольной звездой.

Совмещая приятное с полезным, Юрий совершил пробежку в Ильск, где закупил фруктов. Этим он не ограничился, сделав ещё одно (весьма и весьма экзотичное для него) приобретение, после чего отправился в обратный путь.

В Замараевке Кондрашов направил стопы свои напрямиком к хижине дяди Толи. Там он без труда был опознан Шутовой, несмотря на его изрядно перекошенную «по диагонали» физиономию. Марину, уже наслышанную про «Ватерлоо при сельпоо», его «лепота» не слишком впечатлила, ибо на попытку проникнуть дальше сений, студентка ожесточённо замахала руками: «Тс-с-с... Стелла спи-ит». Зато витамины в виде южных даров природы бдительная практикантка благосклонно приняла.

5

Частично загладив провинность за допущенную недостаточную заботу о любимой девушке, Юрий отбыл восвояси. Дома он отменно поужинал на пару с Венькой. А любопытство братишки о побоях удовлетворил бравой фразой Георгия Буркова из фильма «Старики-разбойники»: «Ерунда, бандитская пуля!»

Голь на выдумки хитра. Подлость «некоторых негумано-

идов» заставила Юрия быть хитромудрым на обе ягодицы, как выражаются замараевцы. Обеспечивая себе алиби, он «под завязку» напоил Веньку мятным отваром с мёдом. Пичкая зельем младшего, старший без зазрения совести твердил, что это экстракт волшебного китайского корня «сунь-вынь», от которого «сила и рост великие».

Худенького восьмилетнего Веньку сон сморил в одночасье, и тот, стремглав свалившись в кровать, вдруг захрапел, подобно половозрелому великану-людоеду из сказки, что караулил сказочного Мальчика-с-пальчик.

«Час пробил!» – прошептал заговорщик-одиночка, нервно натягивая верхнюю одежду. Волнение вновь накрыло его.

Простодушного Веньку едва настигло первое сновидение, а Юрий уже подобрался тёмным переулком к коттеджу Самохиных. Под отцовской меховой курткой ему холодили тело ствол и приклад двустволки, которую для пущей маскировки он нёс в разъёмном виде. Протиснувшись к кирпичной тумбе ворот, он выглянул из-за неё на ярко освещённое пространство перед крыльцом, где была установлена будка самохинского волкодава, и... И не увидел отвратительной псины в конуре.

Разведчик обескураженно осмотрел двор, провоцирующе пнул по забору, бросил пару снежков в будку... Увы, четвероногий цербер так и не выскочил с рычанием на нахального типа. «Видимо, Казимир куда-то его пригасил до луч-

ших времён, – догадался несостоявшийся «киллер от высоких убеждений». – Ладно, ещё не вечер».

Итак, чёрный кобель словно сквозь землю провалился. Зато на фоне импортного окна второго этажа коттеджа чётко вырисовывался «капиталоёмкий» силуэт «безразмерной» тётки Властилины. Она, сидя за обеденным столом, что-то смачно уминала, безостановочно двигая челюстями-жерновами. Кондрашов погрозил ей указательным пальцем и шёпотом предупредил: «Ещё не вечер...»

6

По прибытии со спецоперации домой, замараевский «коммандос» едва успел спрятать ружьё в тайник, раздеться и юркнуть в постель, как крылечко морозно заскрипело под усталыми размеренными шагами. «Мама приехала», – догадался юноша, продолжая играть избранную роль и потому глубже прячась под одеяло. По заведённой деревенской привычке, если ожидали кого-то из домашних, у Кондрашовых входная дверь на засов не запиралась.

Лидия Николаевна тихо вошла внутрь, бесшумно разделась, разложила покупки, умылась, и села на кухне пить чай. Юрию, как нарочно, не спалось, и он, не стерпев, вскоре показался на кухне в одних плавках. У Лидии Николаевны кружка с громким бряканьем вывалилась из рук, едва она увидела лицо сына...

В результате Кондрашову на протяжении получаса пришлось её успокаивать, пересказывать перипетии «Ватерлоо при сельпоо» и убеждать, чтобы она не звонила в милицию, так как Юрий сам кое в чём был не прав.

– Юрочка, – пеняла ему Лидия Николаевна, – ведь предупреждала же я тебя: не связывайся и сторонись Самохиных.

– Мама! – не перечил ей сын. – Больше не буду. Давай о другом.

– Да не могу я о другом, – не сразу согласилась та. – ... Ну, давай. Просто уже ночь на дворе.

– Ма-ам, – довольный тем, что Лидия Николаевна готова переключиться на иную тему, перевёл разговор в нужное русло Кондрашов, – надо бы как-то помочь Стелле. Надо...кгм..., – замялся он. – Надо бы освободить её от наговора. Ты не могла бы...посодействовать, а?

– От наговора? – не могла не улыбнуться та.

– Мама, ну не цепляйся к словам, – занервничал сын. – Ну, или от напасти. Хоть как назови.

– От напасти? – проникаясь состоянием Юрия и принимая серьёзный вид, в затруднении проговорила женщина. – Чем же я её выручу? Я же не магистр какой-нибудь белой магии...Да и с каких пор, ты вдруг поверил в подобные небылицы? Ты же сам всегда критиковал меня за предрассудки...

– Мама! – не выдержал юноша, вскакивая из-за стола. – Да ни в грош я не ставлю эти идиотские бредни! Но, на всякий случай... Чем чёрт не шутит... Не зря же говорят: бережёно-

го Бог бережёт... На грех и грабли стреляют..., – и он смущённо прикрыл рот кулаком, потому что с языка у него так и слетали сплошь религиозные изречения, вовсе не красивые мужчину с материалистическими убеждениями. – Пожалуйста, сделай что-нибудь.

– Только чернокнижницей я не была, – невозмутимо констатировала Лидия Николаевна. – Ты меня, сыночка, странными просьбами одолеваешь. И прежде разъясни, пожалуйста, что у тебя за отношения со Стеллой, раз ты так о ней печёшься?

– Мама! – перебивая её, Кондрашов от избытка эмоций даже упёрся лбом в перегородку, разделяющую кухню и прихожую. – Здесь дело принципа. А со Стеллой у нас дружба. И чтобы постоять за неё, я такое отчебучу, что Самохиным небо с овчинку покажется!

Вероятно, эскапада сына, в особенности последняя фраза, элементарно испугали Лидию Николаевну. Уж кому, как не ей было знать, до чего горячие мужчины составляли род Кондрашовых. И она по-новому оценила сложившееся положение.

– Хорошо, – сказала она. – Юра, я тебе обещаю, что выполню всё, что... полагается при столь странных обстоятельствах. Однако... при непременном условии...

– При каком же? – облегчённо переводя дух, спросил юноша, ибо обещание его мамы по надёжности превосходило устойчивость материка Евразия.

– Ты что-то недоговариваешь. Ты мне должен сказать, что за чёрная кошка пробежала между тобой, Ниной и Стеллой.

– Что за кошка..., – замялся Кондрашов. – Понимаешь, дура Нинка приревновала меня к Стелле.

– Что, у неё было такое право?

– В смысле?

– Право ревновать тебя?

– Да нет же, совершенно на ровном месте...

– погоди, Юра. Я спрашиваю не про основания для ревности, а имела ли Нина в принципе право ревновать именно тебя? У тебя с ней что-то было?

– Да как сказать..., – покраснел паренёк до корней волос. –

Целовались пару раз. Вроде, нравилась она мне.

– А потом она разонравилась и понравилась Стелла?

– В общем, да. Фу-у-у-у! – с шумом выдохнул Кондрашов воздух, словно в одиночку вытащил в гору воз.

– Извини меня, Юра, но ты та-ак за Стеллу переживаешь, что создаётся впечатление, что она тебе не только симпатична...

– Так оно и есть, – чуть раньше по существу уже признавшись в глубоком неравнодушии к Кораблёвой, теперь последовательно рубил правду-матку парень, прикусывая губу. – Стелла – восхитительная девушка! Ты же видела её в клубе? Ну?! – произнёс он так, словно сказал: что за излишние вопросы?!

– Извини, ты любишь её? – уточнила Лидия Николаевна.

– Да! – категорично рассёк воздух ребром ладони её сын.

– А она тебя?

– Это не имеет значения. Главное, я её люблю.

– И ты не заблуждаешься в своём чувстве?

– Не заблуждаюсь! – безапелляционно отвечал Юрий. – И тут же, противореча себе, он с любознательностью школяра осведомился, вторично выдыхая избыток эмоций от смущения: – Ф-фу-у-у-у!...Мам, а какая она, любовь?

– Любовь? – в отличие от него, наоборот, вздохнула и задумалась женщина. – Любовь...Сложный вопрос, Юрочка. Ведь на неё нет эталона, как на килограмм, который хранится в Париже в палате мер и весов. Чтобы каждый мог взять свою страсть и сверить с идеалом. Приложил, сопоставил, и готово: да, это любовь. У всякого любовь особенная. И не обязательно высокая и благородная, чистая и прекрасная. Возьми Аксинью и Григория из «Тихого Дона» – чего только меж ними ни было...Чувства способны и вознести высоко-высоко, и уронить низко-низко. И смешной любовь тоже бывает, и бестолковой, и преступной...

– А как у вас с папой?

– У меня от встреч с ним рождалось ощущение радости и доброты. Он ведь очень человечный, но до сих пор по-мальчишески отчаянный. Потому и угодил в переплёт, непутёвый наш...Слов нет, конечно же, надо было правду отстаивать...Но...не совсем так...Так ведь именно он за девочку

заступился! За справедливость я его и полюбила...

– И я – тоже! – горячо поддержал Лидию Николаевну сын.

– Ты знаешь что, Юрочка? – блеснули слезинки страданий в глазах его мамы. – Запомни, что изначально какие зёрнышки заронят влюблённые, как их лелеять станут, такие цветочки и вызреют. А цветочки наши с папой – наши дети. Вы с Веней. Потому ты, пожалуйста, будь умницей и не делай глупостей. Постарайся оправдать нашу любовь.

7

Вечером следующих суток, возвращаясь с очередной трудовой вахты, Кондрашов однозначно настроился на то, что уж сегодня-то, хотя бы на пару минут, но он непременно нанесёт визит Стелле. И плевал он с высокой колокольни на запреты Марины!

Однако, молодой человек предполагает, а Господь – располагает. И длань божьего промысла расставила фигуры в шахматной игре, именуемой жизнь, по собственному усмотрению. И разыграла не ту партию, что выбрал юный гроссмейстер.

Войдя во двор дома, молодой тракторист, подобно добротной обученной лайке, моментально распознал обожаемый им и отдающий дымком банный запах. «Чудно! – рассудил он. – Нынче среда, до субботы – три дня, а мама баню испила. Чудно!»

Он взбежал по ступенькам крыльца, миновал сени, отворил утеплённую входную дверь и из прихожей тотчас разглядел, что в уютной кухоньке, расположившись за столом, о чём-то увлечённо беседуют его мама и... Стелла. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», – вихрем пронеслось у него в мозгу. И паренёк изваянием застыл у порога.

– Здравствуйте, Юрий Дмитриевич! – с неуволимой смешинкой приветствовала его Лидия Николаевна. – Не стесняйтесь, проходите и не чувствуете себя гостем.

– Здравствуй, Юра! – тепло произнесла Стелла, и точно своей ласковой прохладной ладошкой прошлась по его вихрастой макушке.

И обе женщины дружно и сдержанно засмеялись, безобидно потешаясь над уморительным видом «пришельца».

– Добрый день... То есть, добрый вечер! – растерянно пролепетал тот. – Так ведь... Вроде бы должны... А, ну да, понятно, – меж тем ничего не понимая, невнятно забормотал он.

– Юрочка, ты не возражаешь, если мы посеCRETничаем? – спросила у него мама.

– Ноу проблем! – ответил ей сын.

И Кондрашов, сняв верхнюю одежду, удалился в ребячью комнату. Оттуда он, вопреки собственным убеждениям, поневоле прислушивался к обрывкам диалога, глухо доносившегося через стену. Но ему не удалось что-либо разобрать.

Вскоре Лидия Николаевна из кухни прошла в гостиную,

достала из шифоньера бельё, а затем из прихожей крикнула сыну: «Юра, мы скоро будем. Не теряй нас». Кондрашов услышал, как хлопнула входная дверь, и заскрипели ступеньки крылечка.

Юноша выключил электрический свет в комнате мальчиков и прильнул к окну. В темноте двора наблюдатель различил два женских силуэта, скрывшихся в предбаннике.

По ступенькам крыльца вновь забарабанили чьи-то ноги. По дробному и чёткому стуку Кондрашов опознал младшего брата. Так и есть, то оказался Венька. Братишка примчался с мороза запыхавшийся и румяный, держа при себе две литровые банки с вареньем.

– Откуда, дружище? – с мальчишеской подковыркой встретил его старший.

– Из лесу, вестимо, – степенно отвечал Вениамин, демонстрируя, что с русской литературной классикой он на короткой ноге. – Да в погреб лазил. Мама за вареньем из малины и черноплодной рябины посылала.

– Зачем?

– Стеллу угостить.

– Ты что, её знаешь?

– Ага. Мама познакомила. Клёвая барышня! Они давно сидят. Чё-то шушукались.

– О чём?

– Да разве ж у женщин выведаешь! – снисходительно и поучительно растолковал брату Венька. – Они ж хитрые. В

твоём возрасте пора бы уж знать. Ладно, пойду уроки учить.
– Иди, – проворчал старший брат.

Кондрашов умылся, наскоро перекусил и взял книжку. Не читалось. Подспудно он прислушивался к тому, когда же опять раздадутся шаги, возвещающие о возвращении женщин. Понемногу от домашнего уюта его разморило, и он не заметил, как задремал.

Вернул бодрость духа оплошавшему молодцу, возможно, уже не первый возглас Лидии Николаевны: «Юра, хватит уж спать. Ты, разве, не пойдёшь провожать нашу гостью?» И из гостиной раздался звонкий и дружный женский смех. Юноша вскочил с кровати и, протирая глаза, бросился туда. Его мама и Стелла сидели на диване за большим столом и, по-видимому, только что закончили чаепитие и просмотр семейного альбома Кондрашовых.

– Сами избегаете меня, точно Кулау Прокажённного, – укорил он женщин.

– Не смертельно, – успокоила его мама. – Сейчас проводишь нашу гостью, вот и наговоритесь вволю. Но наперёд, перед выходом на мороз, давай-ка, наденем на Стеллу старый дедушкин тулуп. А то, не ровён час, её после бани да крепкого чая на ветру прохватит.

Они втроём прошли в прихожую. Там хозяйева совместными усилиями одели девушку, натянув поверх её пальто просторную шубу покойного дедушки, отчего та стала слегка напоминать саму себя при поездке в Конино. Кондрашов тоже

оделся и взял пакет с гостинцами.

– До свиданья, Лидия Николаевна! – благодарно произнесла Стелла при расставании. – Громадное вам спасибо! Я словно заново родилась.

– Будь здорова, милая! – сердечно ответила ей хозяйка.

– Прощайте, Лидия Николаевна! При okazji тоже заезжайте к нам в Магадан, – «прикололся» её ироничный отпрыск, нахлобучивая шапку. – Пишите письма.

8

На улице Юрий, оставшись с девушкой тет-а-тет, не мешкая, осведомился:

– Как самочувствие?

– За-ме-ча-тель-но! – с расстановкой проговорила студентка и с

наслаждением вдохнула морозный воздух. – Сразу отпустило. Да я что... Ты-то как? Вон твой глазик как заплыл, бедненький! Мариша мне рассказала, как вся контора гудела, обсуждая твоё заступничество. Спасибо! И за фрукты – тоже. Ты, Юра, такой отчаянный... Я даже за тебя боюсь!

– Чепуха! – по-мужски бравируя, отвечал тот ей. – Кое с кем я ещё не поквитался...

– А вот этого, Юра, не надо, – забеспокоившись, перебила его Кораблёва. – Что было, то прошло. И об этом тебя прошу и я, и Лидия Николаевна.

– Да ладно, ладно, – ответил паренёк, меня тематику. – Что это вас с мамой в неурочный час в баню понесло?

– Ишь, какой хитренький! – нараспев произнесла Стелла. – Хм... Вообще-то, мужчинам нельзя доверять наши дамские секреты. Но тебе, моему отважному рыцарю, так и быть, открою тайну. Только дай слово, что будешь нем, как рыба, а то наши женские уловки не пойдут впрок. Даёшь?

– Ох уж эти женщины! – умудрённым старцем глубокомысленно изрёк Кондрашов. – Конечно, даю слово. Могила!

– Ну, слушай, – удовлетворённо проговорила практикантка. – Сегодня в обед к нам, в хижину дяди Толи, приходила твоя мама. Мы с ней познакомились... Раньше-то только мимоходом виделись. И договорились про баню: порчу снимать. Уж очень она настаивала. Сказала, что её подготовили... м-м-м... осведомлённые люди.

– Ни чё се! – позаимствовал Юрий восклицание из лексикона Кропотова.

– Пришли мы в баню, – изменилась в лице девушка, мысленно повторно окунаясь в парную среду. – Естественно, разделись. Лидия Николаевна выключила электричество и зажгла свечу. Стала близ меня её проносить: снизу вверх, снизу вверх... От ступней и до головы. И что характерно, свеча трижды гасла! Представляешь? В бане – ни дуновения, а пламя гаснет! Вначале я про себя дурачилась: глупости же. А тут перепугалась до мурашек по коже. Вокруг пекло, а меня морозит. Да, чуть непустила... Твоя мама свечку поднима-

ет, а сама по бумажке молитву читает: «Отче наш, сущий на небесах...» Ну и так далее. Так вот, первый раз она свечу до колен подняла, а та возьми и погасни! Представляешь? Вторично – до пояса. И снова то же самое! В третьей попытке – до плеч. И опять темнота. Лишь с четвёртого раза получилось от начала до конца. И не поверишь – лихорадка как сгинула!

Молитву Лидия Николаевна прочитала, – припоминающее взглянула Стелла на звёздное небо, – и говорит, что надо париться. Залезли мы с ней на этот...на верхний...

– ...полк, – подсказал ей спутник.

– Да, на верхний полк, – приняла рассказчица подсказку. – Меня твоя мама как начала веником охаживать...Ужас! Думала, что растаю, как Снегурочка из твоего стихотворения. Я и запишала: «Ой, не могу!» А Лидия Николаевна меня надоумила: «Так ты слезай на нижний полк». Я и пересела. И тут она, хитренькая, сверху неожиданно холодной водой из ведра как окатит! Оказывается, так надо было. А брызги на лампочку попали...Свет-то мы к тому времени включили...А лампочка возьми и перегори...Темнотища полнющая, вода холоднющая, я орущая! Представляешь? Словом, я как запишу, да с нижней лавочки на верхнюю к ней ка-а-а-ак запрыгну! Она тоже перепугалась, да тоже ка-а-а-ак закричит, да ка-а-а-ак подпрыгнет...И головой об потолок! Представляешь? Обе сидим и орём! Картина – умора. Кто со стороны увидел бы, то решил бы, что парятся две су-

масшедшие из психбольницы!

И Стелла заразительно засмеялась, рассыпая мелодичными росинками отголоски своего веселья в зимней тишине. Кондрашов захохотал вместе с ней, вообразив банную суматоху. А когда они угомонились, полюбопытствовал:

– Значит, подействовала процедура?

– Вообрази себе, – приостановила движение в сторону избушки Кораблёва, – я преобразилась. Не могу утверждать, что именно подействовало, но сейчас у меня голова светлая-светлая. А до того лежу себе одна-одинёшенька в хижине дяди Толи и тоскую: «...и никто не узнает, где могилка моя».

– Тьфу-тьфу, – подражая покойной бабушке, суеверно поплевал через левое плечо Юрий.

– Вот так с меня сняли дурные чары, – улыбнулась расколдованная красавица. – Хорошая у тебя мама, Юрочка!

– Она у меня славная! – с гордостью в голосе подтвердил провожатый.

– Я её впервые увидела в конторе в начале декабря. И подумала: «До чего интересная, но строгая женщина». Она тогда строителей отчитала за недоделки. Культурно, вежливо, но вместе с тем взыскательно. Спросила про неё у бухгалтеров, а они – мне: «Кондрашова, заведующая детским садом».

– Детский сад – пройденный этап, – пояснил Кораблёвой Юрий. – Недавно пустили новый детский комбинат. Он от первого кирпичика до последнего гвоздика строился под ма-

миным надзором. Ну и без директора совхоза, само собой, не обошлось. Не для себя старались: для детишек и односельчан. Прежде, когда ещё сельсоветы были, их с Бурдиным четыре раза подряд депутатами выбирали.

Или ещё факт про маму, – набирался объяснимого вдохновения юноша. – Однажды мы идём с ней по селу, а на пригорке стоят три девчонки – класс так пятый, приблизительно. Увидели нас и зашептались. Мы как поравнялись с ними, одна из них и говорит: «Три-четыре». И они хором: «Здравствуй-те, Ли-ди-я Ни-ко-ла-ев-на!» Пять лет уж тому, как девчонки в школу ушли, а поди ж ты...

– Молодец, любишь свою маму! – с едва заметной одобрительной завистью отозвалась задушевная собеседница. – Кстати, Юра, на досуге я прочла твои стихи, – достала она из кармана пальто записную книжку и протянула её попутчику. – Мне понравилось. Спасибо. С наиболее удачными из них познакомила одного компетентного человека. Ничего, что посамовольничала?

– Да ладно, чего там..., – застеснялся тот, принимая блокнотик.

Они остановились перед заборчиком, окружавшим домик молодых специалистов. И тут провожатый, заметно занервничав, с натугой выдавил из себя:

– Стелла, можно, я кое о чём тебя попрошу?

– Да. Всё, что могу, – беспечно пообещала ему девушка, после банной встряски и моциона по-прежнему пребывав-

шая в состоянии лёгкой эйфории.

– Для меня это очень-очень..., – продолжил Кондрашов, переходя на внезапно осипший баритон и даже теряя стройность речи. – Ибо... Потому что... Оберегает от бед... Короче говоря,

прими, пожалуйста...

Вслед за невразумительным вступлением он извлёк из кармана куртки свой сюрприз, что он вчера приобрёл в Ильске. То были простенькие, но выполненные со вкусом бусы из янтаря. Их ему посоветовала купить продавщица, уверив, что янтарь предохраняет от сглаза, а равно и от простуды, поскольку способен согревать.

И паренёк, волнуясь, вложил презент в руки Кораблёвой.

– Какие оригинальные! – восхитилась Стелла, разглядывая дар в полосе света, падающего через окошко. – Смотри, это звёнышко даже в виде сердечка. Прелесть!

Она провела тонким и длинным указательным пальчиком по наполненным солнечным сиянием жёлто-золотистым камешкам и, вздохнув, решительно отказалась от подарка, возвращая его законному владельцу:

– Нет, милый мой рыцарь! Я не могу принять... Это против правил. Подобные вещи женщина принимает от... мужчины, находясь во вполне определённом положении. Подобное налагает обязательства... Нет-нет, спасибо!

Юрий убито отшатнулся от длани повелительницы, столь безжалостно возвращавшей дар.

– Стелла, перестань! – взмолился он. – Если ты не при-
мешь такой...пустяк...Если откажешь в такой малости, то
я...околою здесь как пёс презренный! – глухо дал он торже-
ственный зарок.

И в доказательство твёрдости и несокрушимости намере-
ний Кондрашов уселся на заснеженную тропинку, упрямо
сжав губы.

– Встань! – потребовала студентка. – Встань, и забери, по-
жалуйста, бусы.

Вместо положительной реакции юный обожатель и вовсе
улёгся, уткнувшись лицом в сугроб с мужеством Муция Сце-
воллы.

– Поднимайся сейчас же, несносный! – рассердилась
Стелла, и даже топнула хорошенькой ножкой. – Поднимай-
ся, или я с тобой не буду разговаривать ни-ког-да!

Ответом явилось могильное молчание. А девушке поме-
рещилось журчание ручейков, образовавшихся от таяния
мерзлоты под горячим телом бунтаря, преступившего непи-
санный кодекс чести, негласно принятый в отношениях меж-
ду ними.

– Мальчишка! – разгневалась Кораблёва. – Мне и без того
несладко, а ты прикалываться вздумал...

Лишь протяжный, хватающий за душу, далёкий вой безы-
мянного пса на противоположном конце Замараевки нару-
шил тягостную тишину. Практикантка зябко передёрнула
плечами.

– Ну и загорай! Напугал! – положила она бусы на спину строптивцу и скрылась в сенях, притворив за собой наружные двери и притаившись за ними.

Незримый поединок характеров продолжался до очередного воя неведомой дворняги и завершился победой сильного пола. Стелла неслышно отворила двери, высунула голову из сеней и удостоверилась, что упрямец по-прежнему недвижим, подобно знаменитому изваянию Родена «Мыслитель», только сражённому навечно.

Она вернулась к строптивцу и притронулась к его горячей и запухшей щеке своей прохладной ладошкой. Поскольку тот на подобные проявления компромисса никоим образом не отзывался, девушка наклонилась, взяла бусы и пошла на попятную:

– До чего же ты, Юра, противный! Но я не могу на тебя злиться: ты же мой рыцарь. Хорошо, я принимаю твой... оберег, но с одним условием.

– Каким? – «воскрес» тот, поворачивая голову и открывая глаза.

– Прежде встань, пожалуйста. Я же с человеком разговариваю.

– Уже, – проговорил Кондрашов, вскакивая.

– Слушай меня, – наставительно сказала Кораблёва. – Я принимаю твою любезность. Спасибо. Мне очень-очень приятно. Однако ты тоже берёшь на себя обязательство принять от меня ответный подарок. И до тех пор я стану хранить бу-

сы, но носить не буду. Идёт?

– Идёт! – просиял провожатый.

– Я забыла, ты за какую команду болеешь?

– За ЦСКА... А что?

– Ничего. Это моя тайна, – со значением сказала студентка. – Помоги мне, пожалуйста, снять шубу.

Юноша принял дедушкин тулуп, и стоял перед девушкой, сияя глуповатой и счастливой улыбкой.

– Наклонись ко мне, – попросила его та. – Я воротник твоей курточки поправлю.

И стоило Кондрашову послушно склониться, Стелла бережно прикоснулась губами к его подбитому глазу.

9

Домой Юрий не возвращался, а летел, подобно херувиму паря над Замараевкой и напевая про сказочную девушку Олесю, что живёт в белорусском Полесье.

– Проводил? – встретила его вопросом Лидия Николаевна, сидя на диване и штопая дыру на Венькиных штанах.

– Ага! – вдохновенно ответил ей сын, и плюхнулся рядом с ней.

– Осторожно! – вскрикнула его мама. – ...О-о-х-х, как ты меня напугал... Чуть на иголки не сел!

– Чуть-чуть не считается, – беззаботно отмахнулся Кондрашов.

– Ты, милый мой сыночек, учти, – назидательно принялась вразумлять его Лидия Николаевна, – что надо быть осмотрительнее. В жизни ведь можно уколотся – и гораздо больнее – вовсе не о швейную иглолку.

– Мам, на что ты намекаешь? – вдохновлённый прогулкой, дурачась, отвечал ей тот. – Я ничего не соображаю. Ничего-го!

– То-то и оно, – нахмурилась его многоопытная собеседница. – Извини меня, Юрочка, что я вторгаюсь в деликатную сферу, но я, как-никак, твоя мама... Меня очень беспокоит твоя увлечённость Стеллой. Любовь, бесспорно, прекрасное чувство, но...

– Ты что-то имеешь против?

– В такой ситуации бесполезно иметь «за» или «против». Это не решается голосованием. Я боюсь отрицательных последствий.

– Мама, о чём ты толкуешь? Какие последствия? Я же не позволю чего-то дурного по отношению к Стелле.

– Речь не столько о ней, сколько о тебе. О неизбежно ждущих тебя разочарованиях.

– Ха! Ты допускаешь, что я разочаруюсь в... в этом потрясающем человеке?!

– Мне страшно за твои иллюзии. Я предвижу, что по окончании практики она уедет, а тебя... а тебя погребут осколки несбывшейся мечты.

– Ещё чего! Я буду приезжать в Среднегорск. Я поступлю

В

университет...

– Юра! – пресекла его рассуждения Лидия Николаевна. – Вы разного поля ягоды. И по возрасту. И по социальному положению...

– Ерунда! – парировал её доводы тот. – Любви все возрасты покорны. Что до моего ...кгм...статуса, то меня могут взять в команду мастеров. Я же был на просмотре. Конечно, у меня хромает видение поля, но я над этим работаю. Зато у меня скорость – ого-го-го! А там получу высшее образование и...

– Юра! – обессилено отложила иголку его мама. – Я не поверю...Откровенно скажу: я не допускаю, чтобы такая завидная молодая женщина не имела...как это нынче говорят...Спонсора?

– У тебя есть что-то конкретное? – насторожился юноша.

И черты его лица заострились как мордашка у лайки, когда та делает «стойку» перед загнанной на дерево белкой.

– Я...я ненавязчиво навела в бухгалтерии справки про неё. За Стеллой в Среднегорске ухаживает богатый мужчина. Он ей звонит. Как-то подъезжал к конторе на иномарке. Но она не приняла его...

– Мама! – нахмурился Кондрашов. – Ты наводишь справки, слушаешь старых сплетниц...

– Юра, – уже не могла остановиться Лидия Николаевна, – прости меня, но поговаривают...

– Мама! – вскочив с дивана, вспылил сын. – Ты чего, как Кропот!... Сплетни собираешь!

И он рассерженной походкой удалился в свою комнату. Вскоре оттуда донёсся напев: «Олеся! Олеся! Оле-е-е-ся!» Однако теперь голос вокалиста звучал надтреснуто и в озадаченной тональности.

Глава пятая

1

Нина Самохина сидела за письменным столом в своей комнате и, усердно обводя кончиком язычка губы, старательно изменяла свой почерк. Она корпела над посланием, адресованным Хорину Эдуарду.

Хорин был тем самым «спонсором», который однажды совершил блиц-визит в Замараевку на иномарке. Тот приезд завершился фиаско, ибо Стелла Кораблёва не удостоила его аудиенции. Равным образом студентка не отвечала на телефонные звонки и на заказные письма воздыхателя. Потому для Самохиной не составило труда разузнать адрес Хорина у подружки, работавшей на почте.

Первая деревенская красавица отнюдь не собиралась «ни за` што, ни про` што» уступать свою девичью привязанность «пришлой козе». И в том ей обязан был поспособствовать незнакомец Хорин. Причём, поспособствовать таким образом, чтобы не навредить «подлому козлище» Кондрашову,

страсть к которому Самохина, несмотря ни на что, не смогла выжечь из своего сердца.

Первоначально Нина вознамерилась набрать текст послания на компьютере, да вовремя спохватилась, что автор, от имени которого она сочиняла обращение, по определению не мог обладать дорогой оргтехникой и пользоваться ею. Ведь она придумала текстовку, которую якобы нацарапала, словно пьяная курица лапой, молодая и разбитная замараевская доярка Илона Блюватая. То есть, та самая Илонка, которая забеременела от Виктора Кропотова ещё до призыва того в армию, но позже под прессингом родичей пошла на аборт.

Один ушлый субъект надоумил Нину, что послание должно быть правдоподобным: правде, перемешанной с измышлениями, верят охотнее всего. Над ёрническим стилем обращения подлинному его творцу пришлось изрядно попотеть, ибо (по легенде) Илонка Блюватая «карябала» его в «бабском подпитии». Для придания корреспонденции пушего правдоподобия, Нина насажала на бумагу пятен от просроченной консервированной кильки и соплевидных клякс из носа. Помимо этого она, пардон, трижды ёрзала на листке своими упругими ягодицами в те моменты, когда «полужопицам» (по меткому выражению пресловутого Кропотова) приспичивало издавать неприличные звуки.

По истечении пары часов напряжённейшей беллетристики сочно «ароматизированное» сочинение было завершено.

Самохина его понюхала, отчего её гадливо передёрнуло, а затем приступила к контрольному прочтению.

«Здрассьте далёкий и увожаемый Эдуарт Петрович! Хотя ежлибы не нужда глазоньки мои б на вас не глядели и ващце на кой фиг вы мне бы тады сдались! Ан нужда подпирайт, а от таго и пишу вам я простая постсоветская даярка и по совмистительству брошенная маладуха Илонка Блюватая.

Лутшие свои годы я атдала ферме, коровам и Витьку Кропотову – есть у нас такой антиресный диривенский бык на двух ногах, каторый ни одной тёлке праходу ни даёт. Он ни даёт брать sibя за рага, но баб бирёт за вымя. И мне он то-жа как то рас праходу ни дал, а дал кои что другое. Он зажал мне в тамбуре каровника и начал счупать пачём здря. Я иму не сразу давалася. И тагды он гаварил мне што до таго любит што ажник выкалол маё имя на... одном сваём месте. Я спросила пачиму так далеко, а он сказал што для души и што только я и он увидим шидевр.

И Витёк сжал што-та твёрдае в сваём кулаке и спросил миня: паказать? Я апустила глаза книзу и увидила што из иго полурастёгнутай ширинки с любапытствам выглядывали не только глаза. И я сказала што да... И он показал. Мы раньше с им хадили в децкий садик, и я увидила што у ниго всё как в садике только раз в пицнацать больше. У других мужиков как с рыбай в воде: пака в штанах кажица бальшое, а как дастанишь – так сибе. А у Витька – цельный пипидастр! Ли-

хоманка тибя задири!

У миня ат иго вида ажник прихватило сердце, а он прихватил всё што пониже. И стал делать это...ну...Начал эрогенить и интимить. Фашист с эриктильным клитарам! Я заждмурилась и паняла што скоро моя уражайность резко павысица.

Так ано и палучилася. Пришлося делать обборт. Витёк миня тагды бросил. Гаварят што салдат рибёнка не абидит, а Витёк ушёл в армию и миня бросил. Как же так? Где правда жизни?

Ну да ничиго. Кагда Витёк возвирнулся мой папанька заместо миня зажал иго в тамбуре и сказал што эсли он ка мне не вирнётся то мой папанька праедет катком по иго женилке и из пипидастра сделает глазуню на две персоны. И тагда Витенька вирнулся. И была правда жизни! И нам было харашо!

Был полный кайф пака ни приехала в Замараефку Стела Караблёва. И мине правды жизни опять перипадать ни стала от таго што Витёк стал на ей оставлять не токо глаза. Мине Толька Шнобель про их такое абсказал што малым дитям тока пад микроаскопам можна глидеть. И хатя нет тако-го светлаго чувства каторое Шнобель не выразил бы в грязной матерной форме, а тута этой наздреватай садюге ни лзья ни верить.

Я тагды зажала Стелу, а ана гаварит што между имя ничё не было. Ага! Ничё промеж них не была! Ажно и павязки

стыдливости.

Дарагой Эдуарт Петрович! Глазаньки б май на тибя ни глидели! Ващце-то Стела девка ни ху... же иной даярки. Ан сдаётся мне што ана тиха-тиха патдаёца Витьку. Ана уже укаратила юбки выше дикальте, а у Витька римень уже сполс ниже паха. Нада кой каго убирать. Так что паспишай приехать дарагой.

Витька я сёравно никаму ни адам. В армии иго ругали сиксуальным маньяком и казлом нидовздрючиним, а па нашенски па замараевски гаваря он проста злыдень писюкастый. И тем мне и дораг.

За сим астаюсь чесная маладуха и пиредавая даярка Илонка Блюватая».

Завершив пасквильный месседж, выдержанный в духе замараевского постмодернизма, Самохина запечатала его в конверт, который бросила в ящик близлежащего почтового отделения Ильска. Затем она поспешила в магазин, чтобы подменить мать.

– Ну, чо, сделала контрольную, доча? – заботливо осведомилась Властилина.

– Сделала, – вяло ответила Нина.

– Молодца! – похвалила её мать. – А чего такая квёлая?

– Голова болит, – соврала ей дочь.

– Я счас шустренько поснедаю, скотину управлю, да тебя сменю, – забеспокоилась Самохина-старшая.

Властилина ушла, и девушка осталась одна в большом и пустом магазине. Если при составлении письма она, не переставая, мстительно хихикала, то сейчас возбуждение оставило её. Взамен навалились апатия и острая тоска. Ей стало невыносимо тяжело от осознания того, что она такая невезучая, что было счастье рядышком, да обошло её стороной. И Нина, уронив голову на прилавок, заплакала навзрыд, задыхаясь от всхлипов.

Она пришла в себя от ощущения того, что кто-то вкрадчиво гладит её по густым с тёмным отливом волосам. Забвение отступило, и сквозь туман забытья прорезался знакомый бархатистый тенорок:

– Кто посмел обидеть нашу кралечку? Кто посмел обидеть нашу лучшую певунью?

Самохина, не поднимая голову с прилавка, повернула её налево и увидела Лукина. Тот, не переставая, гладил её, словно малышку, и приговаривал:

– Вот мы им зададим! Чтоб знали, с кем связались... Не плачь, Ниночка! Не плачь, певунья наша! Я ещё сделаю из тебя диву российской эстрады...

Нине было до того приятно, что кто-то всерьёз беспокоится за неё; что такой авторитет, как Аркадий Николаевич, столь высоко ценит её, что она вновь прикрыла глаза. И принялась вслушиваться в хрипловатые обертоны его многообещающего голоса и благодарно воспринимать его полуотеческие ласки.

Хорин Эдуард получил странное письмо из Нижней Зама-раевки через три дня. Его здравый ум не поддался на провокацию и не поверил ни единой лживой строчке про Стеллу. Безвестной разбитной доярке Илонке Блюватой ум-то не поверил, да зато мужское естество адресата запаниковало: уж слишком непросто ловилась золотая рыбка в образе Стеллы Кораблёвой. Манила она бесценным мигом удачи, но в золотые сети ни за что не шла.

Эдуард впервые столкнулся со Стеллой почти пять лет тому назад. Произошло это в кулуарах Среднегорского университета при сдаче вступительных экзаменов на экономический факультет. Столкнулся он мимоходом, а влюбился навсегда. И ради минуты разделённых чувств Хорин готов был, не раздумывая, поступиться самым дорогим. Кораблёва же его присутствия даже не заметила. Впрочем, она вообще практически ни на кого не обращала внимания. Она тогда не экзамены сдавала, а перемещалась в пространстве, отстранённая от объективной реальности и углублённая в себя.

На факультете Кораблёва общалась преимущественно с Мариной Шутовой и ещё с парой-тройкой девчонок. Парни оказывались вне зоны её интересов. Хотя поначалу разнообразных претендентов на её благорасположение было, хоть отбавляй. И Стелла их не игнорировала, не отшивала, не

водила за нос. Она наряду с человеческой доброжелательностью элементарно излучала то неподдельное женское равнодушие, что обескураживает любого мужчину. И Эдуард в этом плане не был исключением. Да ещё его хромота... И лёгкое заикание, оставшееся с детства...

Известно, что уязвлённое псевдомужское самолюбие записных донжуанов немногим уступает злословию сплетниц в юбках. И поначалу это стало питательной почвой для шуточек и дурных выдумок по поводу сексуальной ориентации Кораблёвой. Да только грязные инсинуации протянули не дольше бабочки-однодневки, настолько они не вязались с обликом девушки. Приблизило их смертный час и то, что одному наиболее отъявленному любителю скабрёзности элементарно набили морду. А уж когда в студенческую среду просочилась информация о трагической гибели родителей Стеллы, над ней вспыхнул незримый ореол прелестной мученицы, о которой мужчины если и говорят, то с придыханием, а циники и скептики вдруг вспоминают о романтике и истинных непреходящих ценностях.

С первых дней учёбы безответно влюблённый Хорин принялся незаметно сопровождать своего идола: на занятия, с занятий, в перерывах между «парами». Просто так. Без надежды на что-либо. От томления сердца. Постепенно он выведal, что двухкомнатная квартира девушки находится в получасе езды общественным транспортом от «альма-матер»; что она поселила к себе Шутову, прибывшую на учёбу из

глухой провинции; что её ежедневно посещает тётка Полина, проживающая неподалёку от племянницы. И это всё.

Отсутствие соперника вдохновило Эдуарда. И навело на размышления, мало-помалу приобретающие конкретику. Впрочем, поспешных шагов к настоящему знакомству, которое выходило бы за рамки формального общения в режиме «привет-привет», принятого между сокурсниками, он не предпринимал.

Подобие сближения между ними состоялось случайно, во втором семестре, когда Эдуард как обычно «проводил» студентку, находясь на приличном удалении от неё. В тот раз Шутова уехала по каким-то причинам в Ильск, и потому Кораблёва возвращалась домой одна. По-видимому, «конвоир» на каком-то этапе утратил бдительность и попал в поле зрения своей пассии. Та внезапно остановилась за углом сплошного забора из бетонных плит, огораживавших университетский ботанический сад, и обожатель едва не сбил её с ног.

– Хорин, – весьма неприветливо проговорила Стелла, – вы почему постоянно преследуете нас с Шутовой?

«Оп-ля! – подумал тот. – Да она знает мою фамилию!» И данное обстоятельство до того ободрило его, что он преодолел замешательство и честно признался:

– Уже вечер. Боюсь, что кто-нибудь к...вам начнёт приставать или ещё что...

– Спасибо, – с ледяной вежливостью поблагодарила его сокурсница. – Я способна сама постоять за себя. И не надо

меня опекать.

Как ни странно, тот мини-инцидент избавил Эдуарда от трусливости. Должно быть потому, что его роль «воздыхателя-тихушника» оказалась раскрытой. И он, уже не таясь от неразлучных подружек, хромал за ними по пятам. Кораблёва делала вид, что не замечает его, а более свойская по студенческим меркам Шутова заговорщицки посмеивалась над «тенью Стеллы».

Чтобы Кораблёва по-настоящему заметила его и не оттолкнула, Эдуард совершал исключительно выверенные поступки. Однажды их сокурсниц обокрали в студенческом общежитии. Стелла организовала сбор средств пострадавшим. И тут Хорин не только внёс свою лепту, но и купил девочкам в комнату мини-холодильник, набив его продуктами. Несколько позднее он профинансировал лечение студента Былёва, не располагавшего нужными деньгами, равно как и прочий «студиоз».

И наконец, Эдуард, изучив пристрастия Стеллы, совершил тонко рассчитанный ход: он пригласил её и Шутову на вечер поэзии. В областной филармонии выступал сам Евгений Евтушенко, следовавший из Москвы в родную Сибирь, на станцию Зима, через Среднегорск. Билеты распространялись среди узкого круга приглашённых и VIP-персон. Однако, что-то, а каналы влияния у Хорина имелись. И «выбить» три билета для него не составляло проблемы.

– ...Пя-пятый ряд, де-десятое, а-адиннадцатое, двенадцатое места, – чуть заикаясь от волнения, предъявил Хорин билеты студенткам. – Са-самый центр зала.

– Стелл! – выразительно посмотрела Марина на подружку. – Ты же сама сетовала, что туда не пробиться...

И Кораблёва не устояла. Она сдержанно приняла приглашение.

Ледоход начинается с подъёма воды у берегов и с крушения малых льдин от общего массива. И тот судьбоносный день смягчил общее отношение Стеллы к малознакомому сокурснику. А уж дальнейший «бурный паводок» Эдуард обеспечил: он доставал девушкам билеты на премьеры в оперный и драматический театр, водил их на концерты подлинных мастеров культуры, приглашал на художественные выставки.

Добиваясь расположения дамы сердца и «оттаивания льдинки», Хорин ни на секунду не расслаблялся, не позволял себе фамильярности и амикошонства. И даже не помышлял о фривольности или флирте, подарках и подношениях, до которых падки отдельные женщины. Последовательно и прилежно он пытался стать для Кораблёвой сначала товарищем, а затем – другом. И под его осторожными и продуманными подступами недотрога потихоньку поддавалась, поддавалась, поддавалась...

Вся нечеловеческая натуга Эдуарда пошла прахом и лоп-

нула одним махом той злополучной осенью, когда третьекурсница Стелла Кораблёва прочитала заметку в одной из среднегорских газет. В сентябре началась предвыборная кампания по выборам в местные органы власти. Естественно, кандидаты «валили» конкурентов. Средства массовой информации захлестнула волна компромата на соискателей синекур. В числе прочих газета «Среднегорские новости» опубликовала сенсационную статью, автор которой делал прозрачный экивок в адрес закрытого акционерного общества «Недра Рифея», представив его хозяина Сытнова заказчиком убийства подполковника милиции Кораблёва и его жены. А вице-президентом той фирмы, между прочим, был отец Эдуарда – Пётр Леонидович Хорин.

В тот день Стелла единственный раз по собственной инициативе отыскала сынка олигарха областного масштаба. Увидев Кораблёву, Эдуард не сразу узнал в ней всегда выдержанную и тактичную особу. Она, молча и грубо, всучила ему газету «Среднегорские новости», ткнув пальцем в обведённую фломастером и затёртую почти до дыр колонку. Неосведомлённый и застигнутый врасплох Эдуард, трижды вчитавшись в прямой и подстрочный смысл, поднял на девушку ошеломлённые глаза.

– Вы, господин Хорин, благоденствуете на крови моей мамы и моего папы! – с лицом бледнее, чем полотенце, на котором несут гроб, бросила ему обвинение Кораблёва.

– Но... Стелла... Этого не может быть... Сейчас на Сытно-

ва лишь ленивый... не оправлялся, – пытался возражать отпрыск нувориша.

– Я была у папиных друзей в управлении внутренних дел, – отчеканила девушка. – Я была у редактора газеты Михайлова. Они располагают этими... оперативными данными на Сытнова.

– Ну, хорошо, Сытнов..., – лепетал Эдуард. – Но мой папа – зам по разработкам. Это как главный инженер, как главный технолог...

– Вы, господин Хорин, – один из последышей банды кровососов! – оборвала его студентка.

– Стелла, соображай, что говоришь! – запротестовал тот. – Да за такие слова...

– Угу! Фильтруй базар! – с ненавистью усмехнулась его обличительница. – Так, кажется, говорят в вашей шайке?

– Стеллочка! – спохватился Хорин, попытавшись сделать шаг навстречу. – Да при чём же тут я?!

– Не приближайтесь ко мне! – отшатнулась от него, точно от заразного, Кораблёва. – Или я плюну прямо в вашу гадкую физиономию! И больше не подходите никогда: меня от вас тошнит! Будьте вы прокляты вместе со своим упырём Сытновым!

Хорина всегда была безупречная трудовая биография. От «пэтэушника» из обычной рабочей семьи к тридцати пяти годам он дорос до главного инженера крупнейшего на Урале производственного объединения. Затем грянула приватизация и эпоха первоначального накопления капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Акционирование в эпоху президента Ельцина носило сугубо номенклатурный характер. По нему «красные директора», компрдорская часть бывшей партийно-советской верхушки и финансовые воротилы получали возможность прибрать к рукам «валяющуюся общенародную собственность». Взамен же Ельцин и компания приобретали социальную опору и союзников в сфере управления сверху донизу, от Москвы до Владивостока, в лице нарождавшихся нуворишей.

Молох конкуренции и борьбы за выживание требовал безжалостности, изворотливости и принесения жертв на алтарь наживы. И новых буржуа Сытнова и Хорина логика капиталистического развития заставила «крутиться». В том числе всеми доступными методами ликвидировать соперников, подкупать власть предержажшую, участвовать в залоговых аукционах, позволявших «за так» прибрать бывшее государственное имущество. А как вы хотели?! Ежели САМ Генри Форд признавался, что готов дотошно отчитаться перед обществом за каждый заработанный доллар, кроме первого миллиона.

Впрочем, в фирме «Недра Рифея» на всём этом пре-

имущественно сосредоточился Сытников. «Внешняя политика» составляла его епархию. В компетенцию Хорина входила «внутренняя политика»: собственно организация производства и техническое перевооружение.

Известно, что и на старуху бывает проруха. Для собственников компании «Недра Рифея» сия зловредная бабка непредсказуемо явилась в виде «мента» Кораблёва. Это он «раскопал» хитроумную и дурнопахнущую аферу, от которой запахло жареным не только для Сытнова.

Асы хозяйственного следствия и сыска – большая редкость во все времена. А в начале девяностых годов века двадцатого, когда приспособленцы из милиции бежали шустрее, чем тараканы от озверевшего и оголодавшего дезинфектора из санитарно-эпидемиологической станции, корифеи «ментовского» мастерства были явлением уникальным. С такими людьми считались. С такими людьми пытались поладить. Их склоняли к компромиссу.

Кораблёв на сделку с совестью не пошёл. Угроз не убоился. На жирный кус не польстился. Оказался слишком «принципиальным». Чрезмерно идейным. «Мент» заигрался, подняв профессиональную функцию выше планки бытия. Он сам склонил стрелку терпения к значению «экстремум». Он сам подвиг врагов к применению сталинской формулы: нет человека – нет проблемы.

Сытников решил проблему один, без Хорина: чем меньше поделщиков, тем надёжнее. Но Пётр про «гнилую махина-

цию», а равно про того, кто «надыбал это большое обувало-во», конечно, знал. И сожжение настырного подполковника с женой повергло вице-президента компании в шок: таким макаром любого сгноят! Однако ж, на совещаниях он исправно «ручкался» с Сытниковым, на корпоративах поднимал тосты за здоровье президента компании, а в баньке тёр ему спинку. А как вы хотели?! Жить-то надо. Вон, на Нюрнбергском процессе казнили десятерых главарей-фашистов, да двое вздёрнулись сами. А остальные-то отделались лёгким испугом.

Посему Хорин справедливо считал, что он «не при делах». Он по Фрейду задвинул назойливую совесть в глубинные пласты подсознания и забросал сверху деяниями филантропа, совершёнными во искупление грехов. И пусть раскаяние иногда смердело исподтишка, как прорываются миазмы у разлагающейся сифилитической проститутки, прикрывшей провалившийся нос душистым батистовым платочком, однако «понос издыхающего милосердия» случался всё реже. И Пётр Леонидович стал благополучно забывать о нравственном отступничестве.

Тем сентябрьским днём Хорин прогуливался по аллеям сада уважаемой загородной виллы и по памяти читал «Евгения Онегина», когда туда примчался на иномарке Эдуард. В норме младший сын был типичным флегматиком, но сегодня нечто экстраординарное выбило его из колеи: он задыхался от волнения, очки на его лице сбились набок, пуго-

вицы пиджака были неправильно застёгнуты. От машины к нему Эдуард почти бежал (чего с ним вообще не случилось), а потому прихрамывал заметнее обычного.

– Пап! Па-папа!... Вы что... Вы с С-сы-ы-тновым заказали ми-милиционера Кораблёва?! Это правда? – без всяких предисловий

выпалил он.

Три фактора подвели Хорина-старшего: общая размагниченность от атмосферы домашнего очага, внезапность вопроса, а в довершение и то, что своему любимцу было чрезвычайно сложно лгать.

– ...Заказали?... С Сытновым?... Откуда тебе?... Что за бредни? – огорошенно забормотал магнат местного разлива.

Физиономия его пошла красными пятнами. Глаза заслезвились, и он принялся выковыривать из них несуществующие соринки. И вообще он весь как-то мелко засуетился и даже зачем-то присел и начал перевязывать шнурки на фирменных кроссовках. Особенно напугало Хорина-старшего осознание того, что выдержка его – ни к чёрту, коли перед Эдькой он так «рассиропился». А уж коли его возьмут «в разработку в ментовке», и там как следует потрянут, то он, пожалуй, расколется в один приём.

Промедление оказалось смерти подобно. Сын обо всём догадался. У него даже ключи от иномарки выпали из рук, звякнув о мелкий гравий аллеи, засыпанной на английский манер.

– З-значит...Значит вы...ты и Сытнов...Кораблёва...того..., – давясь от горловых спазмов, с надрывом почти прорыдал Эдуард. – З-зна-ачит...Значит, я – сын кровососа!

– Заткнись! – пришибленно зашипел на него Пётр Леонидович, вертя головой по сторонам. – Не ори! Нас могут услышать, кретин!...Никого я не убивал.

И для вящей убедительности и для встряски он ударил сына по лицу. Правда, оплеуха вышла вялой и неуверенной. От неё очки Эдуарда упали на гравий, а его лицо приобрело выражение, как у обиженного Пьера Безухова в исполнении Бондарчука.

– Я в-всё понял..., – по щеке сына побежала слеза. – Я всё понял...Ты м-мне вта-арой раз сла-амал жизнь! Теперь а-акончательно. Ме-меня п-прокляла лю-любимая девушка!

Хорин-младший развернулся и, сильно хромая, ушёл в город. Ушёл пешком. Впавший в прострацию Пётр Леонидович оказался не в состоянии его догнать, остановить, переубедить. Хотя любил сына: ведь тот так был похож на него самого в молодости. И это чувство усиливало ощущение вины перед отпрыском.

В 1987 году Хорин, тогда ещё просто перспективный горный

инженер, силой усадил десятилетнего Эдика к себе на мотоцикл. Ему не нравилась в характере сынишки некоторая робость. Самому Петру в пору взросления тоже была присуща боязливость, из-за которой он впоследствии много че-

го недополучил. И молодой папаша решил выбить клин клином: выработать в наследнике дерзость через испытания.

Выехав на шоссе, мотоцикл Петра стал набирать скорость. Эдик, сидевший на заднем сиденье, обхватил отца руками, мелко дрожал и сквозь плач кричал: «Папочка, я не хочу! Я не хочу!»

На въезде в небольшой тоннель под железной дорогой Пётр не заметил небольшую лужицу, на которой мотоцикл занесло, и водителя с пассажиром с силой выбросило на асфальт. В результате ДТП Хорин-старший отделался ушибами, а вот мальчишка получил многооскольчатый перелом стопы, инвалидность и мучения на все оставшиеся годы. В том числе и заикание...

Когда отец нёс сынишку от железнодорожного моста в сторону жилья, чтобы найти телефон и вызвать скорую, то из многочисленных открытых ран Эдика обильно сочилась кровь. Он уже не кричал и не плакал. Он был страшно бледен и время от времени только спрашивал у Петра: «Па-па-па-по-чка, я н-не у-умру?...Н-не-ет? Не-е-е умру?»

Вот почему сейчас, вспоминая, как Эдуард ковылял отвиллы, солидный мужчина с завидным статусом плакал. Но постепенно Пётр Леонидович взял себя в руки. Жалость жалостью, а сдаваться в таком деле нельзя было даже любимому чаду. Тем паче, из-за какой-то там крали. Или из-за мента. А как вы думали?! Жить-то надо!

И слова покаяния довольно быстро уступили место сум-

бурно роящимся мыслишкам: «Плохо, плохо мы воспитываем сыновей... Сказываются родимые пятна совдеповского воспитания... Двойная мораль: говорим одно, делаем другое. А надобно слово и дело увязать воедино. А надобно называть вещи своими именами и поступать согласно их названиям. богач – от слова Бог, а смерд – от слова смерть... И молчать, когда разговаривает подпоручик!»

4

Нашла коса на камень. Сынок богатея хоть и был флегматиком, зато флегматиком дотошным – в родителя. Он оставил родной дом. Ну, как оставил: прекратил контакты с отцом, поскольку стал жить отдельно (в квартире, подаренной Петром Леонидовичем ещё до разрыва). Эдуард, неплохо разбиравшийся в компьютерах и софте, по вечерам подрабатывал сразу в нескольких фирмах. Что-что, а «соображалка» наследнику Хорина досталась практичная. И деловая хватка – тоже. Так что, на пропитание ему хватало. Да и прежние немалые накопления (папины поощрения за образцовую учёбу и примерное поведение) пришлись весьма кстати.

Со своей стороны Хорин-старший, несмотря на бесконечные попреки, мольбы и стенания жены, виниться перед младшим вовсе не намеревался. Но установил за ним систематический негласный контроль: ради собственной и сыновней безопасности. Из поставляемой информации пуще про-

чего его поразила та, что сын порвал с ним из-за дочери покойного Кораблёва. Причём без надежды от неё на взаимность. Вот таким образом призрак милиционера в новой ипостаси настырно замаячил перед магнатом.

Острое любопытство принудило Петра Леонидовича исподтишка понаблюдать за Стеллой, и он не мог не одобрить выбор Эдуарда: девушка стояла состояния; она тянула на миллион баксов. Если торг и был уместен, то исключительно в сторону повышения! И где-то отец начинал младшему сочувствовать. Хотя... Хотя отнюдь не жалость заставила Хорина-старшего сменить гнев на милость.

В канун новогодних празднеств в подвале одной из обшарпанных пятиэтажек Среднегорска участковый милиционер обнаружил труп Хорина Евгения – старшего сына олигарха. Тот умер, согласно народившемуся фразеологизму, «от передозировки наркотиков». Вслед за Евгением инсульт настиг жену Петра Леонидовича – Софью Борисовну. Паралич разбил ей руку и задел ногу. Через три недели интенсивного лечения в лучшей областной клинике супругу отпустило. И конечности также «отошли». Однако магнат «сходу въехал», что это контрольное предупреждение свыше. Надлежало менять стиль бытия.

К той поре в характере у Хорина-старшего выработался универсальный «рецепт подмазки». Он не пожалел щедрого жертвования церкви, а сверх того заказал еженедельные молитвы за здоровье (младшему Эдуарду и жене) и за упокой

(по безвременно усопшему Евгению).

Акуле среднегорского бизнеса тяжело дались расставание со старшим сыном и болезнь любимой жены. А уж утраты младшенького он не перенёс бы. Его он любил не только за внешнее сходство, но и за тождество ума и характера. За потенциальное продолжение хоринского дела.

Если старший отпрыск могущественного бизнесмена при жизни отличался не деловыми качествами, а кутежами и постоянными скандалами, то младший уродился таким же односторонним и «упёртым трудоголиком», что и его «тятенька родимый». Вот почему без него Пётр Леонидович терял перспективу и смысл существования.

5

Капля камень точит. Общественное мнение в небезызвестных кругах в пользу Эдуарда Хорина менялось медленно, долго и со скрипом. Он на протяжении двух лет восстанавливал своё реноме и на практике доказывал, что добился успеха не потому, что «папенькин сынок» или «мафиозное отродье», но потому, что башковитый и умеет вкалывать. А подозрительный отец – его далёкое прошлое.

Тем более, что время шло, а Сытнова не только не посадили, но и выбрали депутатом. А что, если его оклеветали? А что, если всё это – происки завистников и неудачников?

В конце концов ближнее студенческое окружение призна-

ло: «Эдька не без заскоков, но по большому счёту – нормальный пацан». Затем его реабилитировала Марина Шутова, заново выдвинув подзабытый сталинский лозунг: «Сын за отца не отвечает». Лишь Стелла Кораблёва держала студента Хорина «на дистанции». Правда, на пятом курсе она на его заискивающее «здрасьте» стала отвечать кивком головы. Но это был тот предел, который до поры оставался непреодолимым.

В конце декабря началась студенческая практика. И верные подружки уехали в заштатную Нижнюю Замараевку. От этого Хорин было грустит. Впрочем, скоро он прознал, что Новый год студенты академической группы, в которой учились Кораблёва и Шутова, заблаговременно условились встретить в Среднегорске. И хотя Эдуард числился в другой группе, подвернувшийся шанс он не собирался упускать.

6

Хорины «фартово» свиделись в элитной клинике, если данное место может сойти за удачное. Впрочем, некоторые понимают, что зачастую «удачное стечение обстоятельств» – не более чем хорошо организованное мероприятие. И пока Софье Борисовне делали капельную внутривенную инфузию, отец и сын потолковали «за жизнь».

– Поздороваемся? – жестом отгоняя шкафообразного секьюрити от себя подальше, предложил отпрыску глава семейства.

– ...П-поздороваемся, – помедлив, подал ему руку тот.

– Присядем? – показал Хорин-старший на кресла, уставленные в углу холла.

– П-присядем, – согласился Хорин-младший, размещаясь в мягкой мебели, крытой кожей.

– Мать выпишут, так ты домой заглядывай... Для неё заглядывай. Не чужие, чай, – продолжил беседу первый.

– Хорошо, – сознавая контекст семейной ситуации, кротко пообещал второй.

– Молва множится, что ты открыл фирму? – разыграл неосведомлённость Пётр Леонидович, великолепно сведущий о положении дел.

– Общество с ограниченной ответственностью, – скромно подтвердил Эдуард.

– Как обороты?

– Пока копеечные. К лету надеюсь помаленьку развернуться.

– А проекты посOLIDнее не вынашиваешь?

– Есть задумки, так ведь на то ну-нужен с-стартовый капитал.

– И какие же задумки? – оживился маститый промышленник.

– Да так, – отмахнулся бизнесмен поскромнее.

– И всё же.

– Да-а...вступаю в сношение у-уже с третьим банком...Есть у меня де-дельное ТЭО по хлебобулочным изде-

лиям. А-авангардные те-технологии. Новые виды товаров.

– Так-так, – заёрзал в кресле отец.

– В Среднегорске, ясен пень, не пра-атолкнуться. А на периферии мо-можно раскрутиться.

– Угу-угу. А банки?

– Им на-адо, чтобы отбить вложения за год-два, это раз. Моё фи-финансовое участие на треть доли – на «лимон» баксов, это ды-два. Да-а га-гарантия структуры, прошедшей а-аудирование и со-соответствующей ме-международ-ным финансовым с-стандартам, это три.

– Ну, а ты?

– Кы-кто ж под меня даст та-акой кредит? Это под одно и-имя Чубайса раскрутиться можно.

– Хм... Эдик, я бы мог пропедалировать эту штуку у одного доверенного банкира, – осторожно закинул удочку Пётр Леонидович.

– Пы-па-ап, – подумав, как прежде, до ссоры, обратился Хорин-младший к Хорину-старшему, – но так, чтоб..., – за-пнулся он, – выглядело без твоего протезирования.

– Обтяпаем. Конфиденциально, – заверил его отец.

– Серьёзно?! – воспрянул духом молодой буржуа. – Ух, я бы тогда... А то у меня, ка-ак назло, не-непредвиденные ра-расходы на а-аппаратуру...

Хорина-старшего, разумеется, покорила щепетильность Эдуарда по поводу «теневого» участия в проекте родного отца, но то были частности. Важнее была общая тен-

денция эволюции «семейного бунтаря». И магнат, внимая младшему сыну, вернее последнему сыну, рассуждал про себя: «Пообтесался. Эх, Эдька-Эдька. Это верно, что в бизнесе друзей не бывает. Среди чужих – да. А для роднули я с себя последнюю шкуру спущу, но его в люди выведу. И имя отмою. И дворянский титул куплю. И женю на этой...на Кораблёвой. Была Кораблёва – станет Хорина».

Глава шестая

1

Истинное богатство мыслящего существа заключается в насыщенности его бытия радостью человеческих отношений. В предновогоднюю неделю Юрий Кондрашов ощущал себя ужасным транжирой и мотом. Более расточительным, чем Крез или Лукулл. Цунами человеческого общения просто окатило его с ног до головы: за несколько дней их ансамбль “Деревенька” объехал периферийные совхозные отделения, где успешно дал концерты. Жители окрестных деревень, замёрзшие от аскетической атмосферы бездуховности последних лет, щедро искупали в шумных овациях самодеятельных артистов, которые бескорыстно обменяли их на искреннее служение искусству.

«Финик» под глазом Кондрашова, как забористо обзывал кровоподтёк Кропотов, не помешал полноценному участию Юрия в концертах. Уж с чем, с чем, а с гематомами юно-

ша, подобно всякому завязтому футболисту, расправлялся по-свойски: начальные три дня он умеренно охлаждал запущенную глазницу, а затем приступил к интенсивным согревающим процедурам. Результат не заставил себя ждать – к началу совхозных гастролей сохранилась слабая желтизна, которую мастерски заgrimировывал Лукин.

Теперь приплюсуйте к людской благодарности главное слагаемое счастья – Стелла рядом с начинающим артистом – и перед вами самый богатый человек на планете! Во всяком разе, именно так мыслил Кондрашов.

Гипернасыщение эндорфинами, серотонинами, дофаминами и прочими веществами-спутниками эйфории осуществлялось юношей загодя и с запасом, ибо в последних числах декабря Кораблёва и Шутова уехали в Среднегорск. И Юрий морально подготовился к тому, чтобы перенести недельную разлуку. К тому же её облегчил один новогодний сюрприз.

В обеденный перерыв 31 декабря домашний телефон Кондрашовых зазуммерил длинными отрывистыми звонками. «Междугородный», – определил Юрий, поднимая трубку.

– Алло, – раздался незнакомый металлический голос. – Это 24-2-44?

– Да, – подтвердил абонент.

– Вас вызывает Среднегорск.

– ...Алло! – после непродолжительной паузы прозвенела

в эфире мелодичная весточка от Кораблёвой. – Юра, это ты?

– Стелла?!... Да, Стелла, это я! – от радости вскрикнул юноша так, точно ему вкололи мощную предматчевую инъекцию сильнодействующего допинга.

– Юрочка, поздравляю тебя с наступающим Новым годом!

– С праздником, Стелла! Безумно рад слышать тебя!

– Юрочка, у тебя же и день рождения наступает в новогоднюю ночь?

– Да, как у Христа, – солидно подтвердил Кондрашов, втайне гордясь таким обстоятельством и считая его знаком судьбы.

– Поздравляю тебя с наступающим совершеннолетием, желаю счастья и исполнения всех твоих желаний!

– Спасибо! Одно из главных моих желаний только что сбылось!

– Юрочка, ты читал сегодняшние “Среднегорские новости”?

– Нет, нам же газеты под вечер приносят. А что?

– Обязательно прочти. Обещаешь?

– Обещаю.

– Ну, пока, Юрочка! До скорой встречи!

– До встречи в новом году, Стелла! Жду твоего приезда с нетерпением!

Загадка Кораблёвой оказалась расшифрованной досрочно, поскольку вскоре после обеда завгар Федя-третий отпра-

вил молодого тракториста к директору совхоза. Причём он строго-настрого велел перед визитом к руководителю переодеться в чистую одежду. Что недоумевающий парень и сделал.

Войдя в коридор конторы, Кондрашов обратил внимание на группу рабочих, столпившихся возле доски наглядной агитации. Кто-то из них проговорил, оглянувшись на вошедшего: «Гля, наша доморощенная знаменитость топает». Юноша отнёс фразу в актив собственной артистической деятельности и потому, на ходу приветственно «просемафорив» знакомым, протиснулся в приёмную.

– Анатолий Иванович ждёт тебя, Юра, – после обмена взаимными поздравлениями, с непривычной и непонятной почитательностью сказала секретарша. – Проходи.

И молодой замараевский механизатор шагнул за порог кабинета.

– А-а-а...Кондрашов! – воскликнул Бурдин, бросив взгляд поверх очков на очередного посетителя директорской резиденции. Он снял очки, отложил в сторону какую-то бумагу и, выйдя из-за стола, обменялся рукопожатием с молодым работником. – Здравствуй-здравствуй!...С наступающим!

– С Новым годом, Анатолий Иванович! – ответил тот, гадая про себя, за что столь высокая честь.

– Ты, конечно, с праздничным номером областной газеты ознакомился? – прищурился Бурдин.

– Не-е...

– Хо! Как так? – хохотнул директор. – Про него, понимаешь ли, пресса шумит, глава администрации района мне экземпляр «Среднегорских новостей» пожертвовал, а он ... Ну-ка, приземляйся сюда и вникай.

Начальник усадил паренька за приставной столик и вручил ему газету. На четвёртой полосе праздничного выпуска были опубликованы два кондрашовских стихотворения и дан краткий отзыв об авторе. В конце рубрики выражалась надежда на то, что это не последняя встреча читателей с начинающим юным поэтом.

– Каково? – отвлёк «стихотворца» от приятного занятия директор.

– Кгм... Да как-то так..., – смешался Кондрашов.

Он понимал, что публикация про него – заслуга милой Стеллы. Так не заявишь же о том во всеуслышание.

– Молодец, Юрий! – похвалил его Анатолий Иванович. – Вишь, как про тебя главный редактор «Среднегорских новостей» Михайлов пишет. Ты имей в виду, что я слежу и за вашим ансамблем в целом, и за тобой – в частности. Про тебя и Лукин поощрительно отзывается. Говорит, что ты – творческий молодой человек, с фантазией, импровизацией. Ты, Юрий, помозгуй, так сказать, на зорьке ясной, об учёбе в институте культуры или ещё где. Культуру на селе надо возрождать. Домашние кадры ковать. Мы тебя по контракту всегда направим. Каково?

– Спасибо, Анатолий Иванович, я помозгую. А можно мне газету на память взять?

– Бери, какой разговор. Как отец?

– ...Отец? Пишет.

– Сколько ему ещё?

– Полтора года. Но могут и досрочно освободить. Он там...на пихтоварке за главного. Нормы перевыполняет. Старается.

– Вы с Лидией Николаевной передавайте сердечные пожелания Дмитрию Ивановичу и напомните, что Бурдин и совхоз его ждут.

– Спасибо, Анатолий Иванович! Обязательно передадим.

2

Выйдя от директора, Кондрашов в бухгалтерии получил премию, которую Бурдин выписал работникам к празднику. Рабочий день был укорочен на час, и потому Юрий прямо из конторы отправился в дальний конец села за подарками, зная, что дома его с нетерпением ждут мама, Венька и двойной праздничный ужин.

Выстояв очередь и закупив сладостей, юноша двинулся обратно. К тому периоду стало уже смеркаться, и на небе высыпали первые мерцающие звёздочки. Кондрашов неспешно брёл к дому, задрав голову и мечтательно уставившись в иссиня-голубую вышину, напоминавшую глаза Стеллы. Он

грезил об этой замечательной девушке, о футболе, о поэзии, о светлом будущем...

Из состояния, пограничного с нирваной, его вывел резкий толчок в левое плечо. Мечтатель оглянулся – никого. Тут же последовал толчок в противоположное плечо, и он услышал знакомый ёрнический голос: «Вот только не надо воротить морду и делать вид, что не замечаешь старых друзей!»

Кондрашов повернулся направо и буквально натолкнулся на Виктора, по-лошадиному скалившего зубы.

– Кропот, привет! – смутился Юрий. – С наступающим! А я...кгм...задумался...

– Ладно, врать-то, – прервал его тот. – Стал знаменитым поэтом, и зазнался, ли чё ли?

– Вить, ну чего ты?

– Да ладно, ладно...Шутейно я. Медитируешь, что ли?

– Увлёкся малость...иными мирами, – признался паренёк, продолжая путь к дому.

– Бьюсь об заклад, про Кораблёву рассупонился, – иронично ослабилась приятель, подстраиваясь под его шаг.

– И про неё – тоже.

– Облом и зряшные хлопоты, – скептически посулил Кропотов.

– Жизнь покажет? – в противовес ему оптимистично улыбнулся собеседник.

– Я чего базар-то завёл: ты идёшь сегодня на пьянку в клуб? – вернулся Виктор к разговору двухдневной давности.

сти. – Там бы и днюху твою отметили.

– Не, Вить, Новый год – праздник семейный. Встречу его и день рождения в кругу семьи.

– Зря. Наши все идут. Нинка Самохина – тоже. Я её зондировал, она с тобой, как бы, и помириться не прочь.

– Не, Вить... Спасибо.

– Зря.-а-а... Гляди, а то я пересплю с ней.

– А как же Шутова? Ты ж, вроде, говорил, что у вас с ней чувства? И вдруг – Самохина. Это ж измена. Хочешь настаивать ей копыта?

– Изме-ена, – проворчал Кропотов. – Много ты понимаешь. Как говорил один мой хороший знакомый, заслуженный работник сексуального труда, измена мужской природе начинается с верности конкретной женщине. А вообще-то, Кон, ты – круглый дурак. Не нужна мне Самохина. Нинку ж Лукин обхаживает. Того и гляди, оттопчет...

– Её проблемы, – отмахнулся юноша.

– Так-таки не пойдёшь?

– Не-а.

– Будешь сидеть дома как запечный таракан, и мечтать о принцессе? – стараясь больнее поддеть дружка, выходил из себя Виктор.

– Угу, – сам не сознавая почему, впадал во всё более благодушное расположение Кондрашов.

– И будешь читать Гюгов и Золей?

– Ага.

– Чугунок ты с картошкой, Кон!

– Угу.

Прятели расстались на перекрёстке в разной степени взаимного недовольства. И не успел Юрий свернуть в переулок, как услышал, что задетый за живое Кропотов окликает его.

– Кон! Кон! – орал тот во всю мочь закалённой шофёрской глотки. – Желаю тебе в наступающем году наконец-то вылечиться от дебилизма и кретинизма! Привет психам и шизоидам, шуфлядкам и остальным яйцеголовым брахицефалам!

И невостребованный замараевский спичрайтер⁷ загоготал, вероятно, убеждённый в том, что его выпад – предел остроумия.

Юрий ничуть не озлился на выходку Виктора. Напротив, он посмеивался про себя и где-то, подспудно, соглашался с другом: да, не исключено, что он, Кондрашов Юрий Дмитриевич, 1980 года рождения, воистину слегка свихнулся. Это нельзя быть немножко беременным, а немножко «съехавшим» – вполне.

Недавно он прочитал статью о том, как учёные проводили сравнительные исследования специфики внимания у подростков, страдавших слабоумием, и у контрольной группы их сверстников из обычной школы. С первым заданием, в ходе которого надлежало выбрать из беспорядочного набора

⁷ Спичрайтер (англ. speechwriter) – составитель текстов речей для высокопоставленных лиц.

букв несколько заданных литер, обе группы справились почти одинаково. Отличия «полезли наружу» при втором тесте, когда те же заданные буквы следовало выбирать из текста захватывающего рассказа. Вот тут-то олигофрены и дали «нормальным» сто очков вперёд, так как пунктуально, бдительнее роботов, не взирая ни на что, выполняли поставленную задачу. Обычные же ребята поневоле зачитывались произведением и допускали ошибки.

Аналогичным образом и у Юрия произошёл «сдвиг по фазе», потому что о чём бы он ни говорил, чем бы ни занимался, чтобы ни читал, а в его «мозгах набекрень», подобно заигранной пластинке, звучал один и тот же набор букв: «С-т-е-л-л-а... С-т-е-л-л-а... С-т-е-л-л-а...»

«Да, я чокнулся! – с обречённым восторгом, покорно констатировал он. – Зато никто на свете ещё так приятно не сходил с ума!»

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

В О З М У Ж А Н И Е

Глава первая

1

Рано или поздно, всё тайное становится явным. Собственно говоря, то, о чём пойдёт речь, секретом за семью печатя-

ми и не было. Всего-навсего настал черёд проявиться тому, что прежде было завуалировано расстоянием.

На первую в наступившем году репетицию Кондрашов направлялся вместе с Виктором из дома Кропотовых. Виктор, уходя, уже выключил свет в прихожей и занёс над порогом ногу, да вдруг опомнился и, по-мужицки крякнув, выругался: «Зараза! Не повезёт...Хреновая примета, но придётся вернуться: носовой платок забыл». Он шагнул в темноту жилища, сдёрнул с натянутой над печкой верёвки, на которой сушилось выстиранное бельё, тряпицу и сунул её в карман брюк.

– Кого это вы, сэр, стремитесь поразить благородными манерами? – зацепил Кондрашов приятеля, выходя на крыльцо. – Уж, коль на то пошло, то джентльмен должен иметь три платочка: носовой, для лица и на непредвиденный случай для дамы.

– Ё-моё! – обрезал тот его. – Святая простота. Кавалер должен иметь при себе резиновый платок. Он входит в обязательный джентльменский набор с шампанским, коробкой конфет и цветами.

– Пф-ф...Сказанул тоже, резиновый, – фыркнул Юрий. – Таких не бывает.

– О-о! – утомлённо закряхтел Кропотов. – Наив так из тебя и прёт, Кон. Ты ещё юн и глуп и не видал больших...кхе-кхе... штуковин. Ладно, мракобес средневековья и необразованный пендельтюр, подрастёшь, просвещу тебя на неко-

которые нетленные темы. А покада грёбём к культурному очагу, как нас учит говорить великий трезвенник, пуританец и воздержанец Аркашка Лукиных.

Сегодня же наши девки из Среднегорска должны причапать.

В результате пятиминутка до клуба превратилась в острую и безостановочную пикировку между друзьями, но... Но стоило им вывернуть из-за угла к парадному входу в здание, как их красноречие моментально иссякло. Их натурально ошеломил и ослепил шикарным экстерьером и лоском автомобиль, припаркованный у крыльца. Лучи электрического света из окон падали на лимузин, отражались от него, и тот блеском шокировал всякого, кто удостоивался чести лицезреть его.

То был великолепный «джип» серебристого цвета с редким «перламутровым» отливом. Уж он-то устроил бы незабвенного Семёна Семёныча Горбункова из «Бриллиантовой руки», что никак не мог найти для жены халатик с перламутровыми пуговицами. По крайней мере, Кропотов, разбиравшийся в «авто», завистливо изрёк:

– Апофигей!

– Экстремум!... – в отличие от него, не проявил большой фантазии Кондрашов.

Подавленно-озадаченные приятели, совершив три магических круга по периметру «джипа», поторопились внутрь

учреждения, обоснованно рассчитывая на то, что там их любопытство будет удовлетворено.

В директорском кабинете, помимо Лукина и нескольких ребят из ансамбля, обособленной фракцией сидели Стелла, Марина, а также незнакомый полноватый молодой мужчина в очках.

Импульсивный Кропоптов, не успев ступить в помещение и оглядеться по сторонам, сразу же излил фонтан своих эмоций. По заведённой типично замараевской привычке, согласно которой выкладывают то, что волнует человека в текущий момент (что вижу – то пою), он загудел паровозной трубой: «Арриведерчи, славяне! Вы засекли, какая клёвая тачка сто...». Фразу он не закончил, застыв с распахнутым «забралом», поскольку заметил незнакомца, и запоздало оценил ситуацию. Присутствующие засмеялись с такой единообразной готовностью, что стало очевидным: до Виктора кто-то уже успел столь же непосредственно выплеснуть рвущиеся наружу впечатления.

– Познакомьтесь, мальчики, – с улыбкой сказала вошедшим

Шутова, кивая на новенького, – это наш сокурсник Хорин Эдуард, владелец того самого автомобиля. И ещё он – спонсор нашего ансамбля. Видите, что вместе с нами он привёз в клуб?

И Марина указала на новенькие микрофоны, динамики и ударную установку, размещённые в углу кабинета.

– Ни хиля себе! – восхитился Виктор, обходя и трогая музыкальные инструменты. – И это даром?

– Это подарок вашему коллективу, – чуть подправил его внезапно объявившийся меценат.

– Ну, ты му-у-ужик! – не успокаивался Кропот, высказывая высшую похвалу из своего лексикона. – Как тебя, Эдик?

– Эдуард, – едва заметно скривился тот, ибо его вряд ли вдохновил «сельповский» комплимент.

– Я тебя зауважал, – признался Виктор, пожимая Хорину руку.

Юрий, в отличие от остальных, не разделял восторгов. Его крайне насторожило прозвучавшее из уст Шутовой слово «спонсор». И от предвосхищения чего-то неприятного, у юноши тревожно и нехорошо заняло в подложечной области.

Изрядно подпортило настроение ему и то обстоятельство, что всякий последующий участник хора, врываясь в кабинет, обязательно предварял приветствие тирадой о чудо-локомотиве, неизменно вызывая раскатистый хохот. Хозяин же авто реагировал на примитивный деревенский переполох с усталоснисходительным апломбом. И фетишистское почтение у провинциалов к Хорину возросло вдвое, когда из кармана дублёнки приезжего раздались музыкальные позывные американского гимна.

Эдуард извлёк из кармана миниатюрный мобильник и

отдал начальственное распоряжение невидимому абоненту, чтобы тот его не беспокоил до утра. В принципе в Замараевке имелся обладатель переносного телефона – директор совхоза. Но у Бурдина это была такая громоздкая «гроботёсна с аккумулятором», как выражался Кропотов, что с равным успехом можно было возить в УАЗике армейскую радиостанцию.

Мобильник тоже вызвал охи и ахи. Ребята просили его посмотреть. Они взирали на заморскую штуковину подобно дикарям, которые меняли золотые самородки на осколки зеркала. Их почитание перед Хориным росло по экспоненте. А вот Кондрашову было неприятно, что отношение к человеку столь явно определяется материальными придатками, а не духовными качествами.

Потому излишним будет распространяться на тот счёт, что спевка хора и последующие репетиционные процедуры доставили Юрию мало удовольствия.

2

Стихли переливчатые рулады аккордеона Лукина и баяна Володи Попова, самодеятельные артисты засобирались во-свояси. Кондрашов умышленно задержался возле Аркадия Николаевича, обсуждая нюансы эстрадной миниатюры. Но то была формальность. На деле же он чутко прислушивался к разговору Кропотова с Хориным.

Горожанин шепотком, и чуть заикаясь, доносил Виктору, что его «джип» под завязку забит всякой снедью. Что не мешало бы отметить знакомство. Да вот только его высокий порыв не разделяет Стелла.

– Эд, да с чего ты это взял? – заголосил было Кропотов, но тут же осёкся, вспомнив предупреждение гостя о конфиденциальности.

– Да с того, – келейно толковал ему Хорин, – что она сагласилась ехать со мной по-после уговоров Марины, да из-за спо-спонсорского презента ансамблю.

– Щас, – многообещающе выставив ладони вперёд, заверил в предстоящем успехе Виктор Эдуарда.

И охочий до выпивки бравый совхозный водитель, отправляясь на переговоры с девушками, положительное отношение к наклёвывающемуся мероприятию вырзил не только словесно, но и потиранием рук.

Только вот у Юрия точка зрения по данному поводу не совпадала с настроем приятеля. «Марина – с Витькой, Стелла... эх-ма... – со спонсором, – тоскливо размышлял он, глядя на испитое лицо Лукина, – а я... А я, получается, пятое колесо в телеге. Как в фильме «Три плюс два». Кстати, как там звали лишнего? Сундуком? Поздравляю тебя, Кондрашов: отныне ты – Сундук!»

– Юрок! – отвлёк его от унылого мирозерцания Кропотов, натягивая на голову шапочку. – Мы едем в хижину дяди Толи. Сорок пять секунд – подъё-ом!

– Да-да, – неоглядываясь, нервно дёрнул рукой тот.

– Ну, ты чё застрял, Кон? – не унимался Виктор, под ручки подталкивая студенток к выходу.

– Юра, мы ждём тебя, – присоединилась к нему Кораблёва.

– Да-да, – подобно примитивному бабуину отозвался юноша.

Образовавшийся новый квартет под шутки и прибаутки Виктора вывалился в коридор. Через пару-тройку секунд пискнула охранная сигнализация «джипа», через полминуты хлопнули дверцы машины и легко запустился двигатель... А немного погодя чудо-локомобиль мощно «стартанул» к избушке молодых специалистов.

3

В клубе остались Кондрашов и Лукин. Аркадий Николаевич обрисовывал ассистенту проблемы репертуара, а тому лишь оставалось механически кивать головой и поддакивать. Бренное тело молодого человека покоилось здесь, а мятущаяся душа, помимо воли хозяина, стремилась к домику на окраине села.

– Э-эй... Ты где? – подобно окулисту тестирующе помахав рукой перед глазами помощника, наконец обратил внимание на его отсутствующий вид заведующий клубом.

– А? Да здесь я, здесь, – словно оправдываясь, отговорился тот.

– Я уж предположил, что вы со Стеллой поругались, – изобразил недоумение Лукин. – Так, вроде бы, отпадает: она же звала тебя.

– Всё нормально, всё нормально! – излишне энергично принялся изъясняться Кондрашов, подобно всякому человеку, скрывающему действительные чувства. – Сейчас их догоню.

– Они ж – на машине, а ты – пешедралом? – усомнился в реальности его намерений собеседник.

– Так я же футболист! – с неподдельной серьёзностью возразил юноша.

И мгновение спустя, оценив ситуацию, парочка дружно расхохоталась.

– Кстати, Аркадий Николаевич – несколько разрядившись,

спросил Юрий, – если что..., у вас не найдётся заимообразно...кГМ-кГМ...выпивка.

– Чего-о?! – подобно бегемоту «отвесил» тот от неожиданности нижнюю челюсть. – Ты – и вдруг...

– В компанию на холяву – дурной тон, – доходчиво аргументировал уступку незыблемым спортивным принципам заядлый футболист. – А пить-то я не буду.

– Хым, сыщем кой-чего, – полез Лукин в глубь директорского стола.

И он достал из личного запасника большую бутылку марочного виноградного молдавского вина.

– Благодарю, – испытывая неловкость, подвинул стеклянную ёмкость паренёк к себе. – Завтра рассчитаюсь.

– Чего там, свои люди, сочтёмся, – союзнически подмигнул ему завклубом. – А вот заложить за воротник – не помешает. Ибо на светский раут, Юра, негоже заявляться при плохом настроении. Посему, давай-ка, поднимем тонус старым испытанным средством: вверимся, так сказать, Бахусу.

И он повторно полез в стол, поочерёдно извлекая оттуда с ловкостью индийского факира два гранёных стакана, уже початую бутылку красного вина, шмат копчёного сала, огурец, соль, луковицу и полбуханки хлеба.

– Что вы, что вы! – запаниковал Кондрашов. – У меня же, в самом деле, спортивный режим.

– Какова жизнь-гадюка, а? – деланно посочувствовал Лукин «компаньону по несчастью». – Тебе пить можно, а ты не пьёшь, мне нельзя – а я пью. Трагедия. И всё же я граммучку дерябну. И тебе, для мизансцены, я также налью, а дальше ты уж сам выбирай: пить или не пить, быть или не быть, хе-хе.

Аркадий Николаевич отмерил сполна в каждый из стаканов вина, и руки его при этом вожаделенно подрагивали. Он, захлёбываясь от жадности и нетерпения, влил в себя рубиновую жидкость, прикрыл глаза, и, запрокинув голову, ненадолго застыл. Когда его с ног до головы передёрнуло, Лукин поднял веки, потёр ладони, как недавно Кропотов, изрыгнул из себя: «Лепота!» – и приступил к закуске.

– Ты, друг мой, – вкусно похрустывая огурцом, зачал директор

учреждения культуры следующий виток беседы, – не желаешь причаститься, так отведай для приличия салца. Красное салцо! Мне его Ниночка Самохина у кого-то там за полцены выцыганила. А на меня не гляди...Щас у меня морда до того красная станет, что сам Михаил Евдокимов позавидует. А глазёнки – заблестят...Ну и так далее.

– Аркадий Николаевич, – с тусклым видом заговорил Кондрашов, перекладывая от нечего делать ломтик сала на листок бумаги, лежавший подле него на столе и заменявший тарелку, – вы женаты?

– Хым...Вопрос, конечно, антиресный, – ослабился тот. – Официально...Три раза, – «подведя баланс» на пальцах, известил он. – Фактически же...Хе-хе...Как там в загадке сказано: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат». Хе-хе...А что?

– Наверняка, вы в прошлом были при больших деньгах, раз трижды женились? – предположил паренёк.

– Чего-о?! – выронил кусок хлеба из рук и огрызок огурца изо рта Лукин. – ...При больших деньгах? Га-га-га! – сардонически загоготал он. – Уясни, Юра, что работник культуры и толстосум – понятия несовместные. Надо же: при больших деньгах!...Га-га-га! – и он от смеха аж переломился в поясе.

– Так ведь некоторые женщины обожают деньги, машины..., – смутился юноша.

– Исходный мотив ты подметил верно, – снова выпив и закусив, вскочил из-за стола и в хмельном возбуждении забегал завклубом по помещению. – Материальная подмазка, естественно, не пустой номер. Но не всецело, не всецело... История человечества зафиксировала общую закономерность: когда «денежный мешок» берёт смазливенькую бесприданницу, то это в порядке вещей. Зато если какая-нибудь весёлая вдова, страдающая весёлой молочницей, хе-хе, женит на себе лощёного хлыща, то это исключение из правил.

– А если яснее?

– Для самца красивая баба, – воздел палец к люстре Аркадий Николаевич, – высшая ценность. Хотя и после свадьбы кобель регулярно прелюбодействует со всем, что движется – это для поднятия тонуса, для взбрыка адреналина, для самоутверждения. Отстрелявшись спермой на стороне, он смиренно плетётся к семейному очагу.

– Вы как наш совхозный ветеринар рассуждаете, – исказила гримаса отвращения лицо Кондрашова.

– Хе-хе....Сложнее с мадамочками...Блюм-блюм-блюм..., – опрокинув в глотку очередную порцию вина и занюхивая её рукавом, продолжил раскручивать путаный клубок собственной парадигмы директор клуба. – У них господствует практика периодического замещения. Что сие означает? Да то, что им охотца богатого, умного, высокого и красивого мэна. Стало быть, четыре в одном флаконе. Поскольку

такого в природе не бывает, то это оказываются четыре разных мужика. Га-га-га! То бишь, её финансовый туз и рылом не вышел, и интересно поговорить не горазд, а уж рост – одно сплошное недоразумение. Как поётся в частушке: «Мой милёнок маленький, чуть повыше валенка, в лапотки обуется, как пузырь надуется!» Хе-хе-хе...

– Вы всё про каких-то...падших вещаете, – прервал монолог Лукина неофит в сфере гендерных проблем. – Но есть же общепризнанные образцы...

– А то!...Помнишь, Юра, Наталью Гончарову? – прекратив беготню, остановился «знаток женщин» напротив юноши с таким видом, будто они оба накоротке знакомы с легендарной женщиной.

– Гончарову? Жену Пушкина, что ли?

– Ну да. Так и она однажды тоже завыла, как наша эпатажная певичка Маша Распутина: «Отпустите меня в Гималаи!». Спелась с высоким французиком. Изменила мужу..., который, кстати, был банальным таскуном и малогабаритным мужчинкой. И верно было начертано на смерть гениального поэта:

В январе тридцать седьмого года
Прямо с окровавленной земли
Подняли тебя мы всем народом,
Бережно, как сына, понесли.
Мы несли тебя – любовь и горе –

Долго и бесшумно, как во сне,
Не к жене и не к дворцовой своре –
К новой жизни, к будущей стране...

– Что за пьяный бред?! – возмущённо перебил скандального декламатора Кондрашов, обожавший Пушкина. – Лермонтов не так писал на смерть поэта...

– Блюм-блюм-блюм..., – осушил Лукин бутылку уже из горлышка. – Это не бред. Это строки Ярослава Смелякова.

– Ну, и к чему вы об этом? – листком бумаги брезгливо стёр частички сала со своей руки Юрий.

– Да к тому, наивный выюнош, – снисходительно похлопал его по плечу заведующий клубом, – что ко всякой милашке надобен свой подход. Вот я, думаешь, чем беру? Да повседневным вкрадчивым сюсюканьем: мур-мур-мур да мур-мур-мур... Муси-пуси, муси-пуси... Ведь иную бабу уже достали и дылда-баскетболист, и мастер бельканто, я – тут как тут...

– В очередь за объедками с барского стола?! – возмутился Кондрашов.

– А ты что, Крез? У тебя что, куры брюликов не клюют? – ехидно хихикнул Лукин. – Или габариты как у Кропота? Зато ты на мордочку хорош и в общении удачно интригуешь. Вот сиди и жди, когда куранты пробьют твой черёд замещения...

Разгоревшиеся разногласия были нарушены шумом отворяемых дверей, и в кабинете появилась... Стелла Кораблёва.

– Извините, – сказала она, учащённо дыша. – Я вам не помешала?

Участники дебатов ненадолго лишились голоса.

– Стелла?! – выдавая свои подлинные чувства и опрометчиво засияв начищенным самоваром, воскликнул Кондрашов.

– Что вы, дорогуша, – следом среагировал и Лукин. – Вы никоим образом...ик..., извините..., ик...не можете...ик...

– Простите, Аркадий Николаевич, мне с Юрой нужно поговорить, – пояснила девушка.

– О, старею, старею! – многозначительно проронил директор клуба, шагая к выходу. – Ищу очки...ик..., а они же там...

Лукин дипломатично удалился. Кондрашов же, раскаиваясь в том, что он столь бесхитростно раскрылся нараспашку свою душу, отвернулся к окну.

– Юра, ты чего? – приблизившись к парнишке, тихо произнесла Стелла. – Меня, можно сказать, обманом увезли... Я из-за него удрала от них, как...кавказская пленница. А он и разговаривать не хочет...Юроч-ка-а!

Она ласково потрепала она его за вихры. И он тотчас ощутил себя нахохлившимся воробышком с испуганно бьющим-

ся сердечком, пленённым ладонями птицелова. Но досада, рождённая магией «перламутрового» лимузина, ни за что не проходила.

– Вы зря пришли, госпожа Кораблёва, – хрипло ответил юноша. – Третий лишний вам ни к чему.

– Феду-ул, ты чего губы надул? – запросто ломая позу протеста, мановением указательного пальчика в два счёта развернула девушка насупившегося субъекта к себе. – Прошу тебя, не болтай глупостей. Пожалуйста, одевайся и пошли.

Ох, женщины, женщины! Как же вы нами, мужчинами, манипулируете: пара слов, магический жест – и растаял холодок отчуждения в груди сельского романтика.

– А я не окажусь...пятым колесом в телеге? – подозрительно осведомился он.

– Что за комплексы? – подивилась Стелла. – Ты будешь самым главным «колесом».

– Ура-а! Госпожа меня назначила главным колесом! – задурачился-заскоморошничал Кондрашов, уподобляясь небезызвестной одалиске Гюльчатой из фильма «Белое солнце пустыни».

Хмурь улетучилась было с его лица, однако тут же облачко последней озабоченности складкой набежало на его лоб, и он спросил:

– Стелла, ты не позволишь мне задать один...нет...два вопроса?

– Отчего же, если они не выходят за рамки приличия, –

потянула та его к двери.

– Аркадий Николаевич, мы ушли! – крикнул Юрий Лукину, на ходу одеваясь и прихватывая спиртное.

На дворе бушевала неприятная пронизывающая вьюга. Юноша шагал справа и несколько впереди спутницы, прикрывая её тем самым от снежных зарядов. Потому разговор с ней он вёл, беспрестанно оглядываясь.

– Юра! – ахнула Кораблёва, в свете уличного фонаря заметив в его руке бутылку. – Что это? Зачем?

– Вино, – проследив за её взглядом, пояснил тот. – Не хочу, чтобы меня Хорин на прокорм брал.

– Не комплексуй, пожалуйста, – усмехнулась студентка. – Угощение Эдуарда – это даже не налог с богатых в пользу бедных. Это заниженная плата с него за роскошь общения с нами.

– Стелла, – скорректировал нить беседы в нужное русло Кондрашов, – скажи, пожалуйста, без обиняков, что за фрукт этот Хорин и...и насколько близко его яблоко упало от твоей яблони?

– Юрочка, перестань, – уже смеялась девушка. – Ноги б его здесь не было, если бы не...спонсорская помощь ансамблю. Да и то в тот миг я вспомнила...о тебе...

– Да! – обрадовался Кондрашов. – Здорово! Но, Стелла, я вот ещё о чём подумал: если Хорин заночевать тут останется, то я его могу у нас пристроить...У вас же в избушке...тес-

но...

– Ах ты, ... дипломат мой без портфеля! – притворно сердясь, легонько ударила его Кораблёва по спине. – Эд забронировал номер в гостинице Ильска. И на будущее, Юра, чтобы внести полную ясность, – уже суховаато чеканила предложения Стелла. – Я никому не позволяю вести себя так. Тебе я делаю снисхождение исключительно потому, что ты... мужчина неискушённый. Однако больше никаких уступок не жди. Ясно?

– Уф-ф-ф!... Ясно, – почти счастливо вздохнул незадачливый кавалер, заполучив трёпку, разбавленную приятной оговоркой. – Прости меня, Стелла!

5

В домик молодых специалистов Кораблёва и Кондрашов ворвались покрасневшими от ветра, снега и быстрой ходьбы.

– А вот и мы! – объявила Стелла, выглядывая из прихожей в комнату, где всё было готово к торжеству.

– Мы прибыли! – принимая от неё шубку, подчеркнул местоимение «мы» Юрий. – Извините! Всё из-за меня.

В комнате Марина, Виктор и Эдуард изнывали от нетерпения. Накрытый ими стол вызывал противоречивые чувства: бедную, если не сказать убогую, сервировку из казённых стаканов, кружек, тарелок, алюминиевых ложек и вилок контрастно подчёркивала богатая выпивка и закуска. «Про-

мочить горло» предлагалось и «Советским шампанским», и французскими винами, и армянским коньяком «Арарат», и выдержанным кубинским ромом «Сантьяго де Куба экстра Аньехо». Желание «заморить червячка» ненавязчиво стимулировали чёрная икра и балык из осетровых рыб, пастрома из свинины и индейки, испанский хамон и прочая мясная нарезка. В центр стола была водружена большая деревенская сковородка с разогретым лобстером. Чуть поодаль стояли тарелки со свежими овощами и фруктами. Венчала застольное убранство свежая княженика. Некоторые деликатесы и лакомства Кондрашов видел впервые в жизни и даже не представлял, что это такое. На этом фоне выставленное им вино, мягко говоря, не выглядело чересчур претенциозно.

Несмотря на извинения опоздавшего, притомившаяся компания встретила его возмущённой хулой:

– Юрка, позорник, состаришься тут из-за тебя, а потом никто замуж не возьмёт! – морально пригвоздила его к позорному столбу Марина.

– Я чуть слюной не захлебнулся! – это уже вносил усиленную лепту в поток общего остракизма Кропотов.

– То, что про-простительно дамам – не-непростительно дже-джентльменам, – ловко пристроился к ним Хорин.

– Приношу свои искренние извинения! – не менее трёх раз произнёс книжную фразу виновник «непроизводительного простоя». – Между прочим, я читал рекомендации знатного дегустатора Жака Дюфруа. Так вот, он настоятельно ре-

комендует, чтобы коньяк настоялся и распространил свой аромат над столом, прежде чем будет готов к употреблению. Пока я этого не ощущаю, – выразительно потянул он носом.

По поводу «знатного дегустатора» юноша «напустил тумана»: никакого Жака Дюфруа он не знал и помянул о нём для красного словца. Зато прочее было правдой. И как бы там ни было, но после его замечания даже языкастый Виктор в тяжком оцепении «полез за словом» в «дырявый карман». Среднегорский же предприниматель, что-то взвесив в уме, крикнул «О`кей!» и экстренно откупорил бутылку с коньяком, на четверть наполнив им стаканы для мужчин. Однако Кондрашов взял другой стакан и налил в него вина из принесённой им бутылки.

Современный обиход устроен так, что кто спонсирует, тот и «заказывает музыку». Хорин налил девушкам шампанского, поднялся, подтянул узел галстука, поправил очки, и солидно провозгласил:

– Пы-прошу вас, дамы и господа, выпить за зна-акомство и за расширение контактов между Средне-егорском, с одной стороны, и Ильском сы...с...Нижней Замараевкой – с другой!

Тост был принят с благодарностью, как за щедрость, так и за отсутствие чванливости, что словесно уравнивало город и село. Особенное удовлетворение выказывал Кропотов. Если девушки понемногу «тянули» игристое вино, Эдуард выпил «два шот-дринка» коньяка, то Виктор «замахнул» тройную

дозу крепкого напитка густо-чайного цвета. «Арарат» он задал икрой (которой с византийской щедростью была наполнена громадная миска) посредством большой кухонной ложки. И утварь эта так и мелькала между ёмкостью и его ртом, наподобие маятника у спешащих часов-ходиков.

– А что не коньячку? – улучив момент, вполголоса осведомился Хорин, перегнувшись через угол стола к Кондрашову.

– Спортивный режим, – был краток тот.

– А-а-а..., – протянул визитёр из областного центра. – А-а-а... Виктор всегда так за-закладывает?

– Да нет, только под настроение, когда кому-нибудь фейс подправить хочет, – шёпотом отпустил футболист-трезвенник порцию сугубо замараевского юмора. – Видите, как у него ручонки-то зачесались?

Кропотов и в самом деле нацелившись на то, чтобы приложиться к лакомой бутылке во внеочередной раз, порывисто сжимал и разжимал пальцы в пудовые кулачищи. Данный эпизод скоротечно насытил любознательность гостя. И среднегорец отвалился от стола к стене избушки – подальше от совхозного шофёра.

Меж тем, «под шумок», Кропотов приложился-таки внеочередной раз к стакану. Хватанув «храбрости», он заявил ходатайство на спич. Застолье просьбу уважило и, пополнив гранёные ёмкости, предоставило ему слово.

– Я парень простой..., – начал тот. – Хотел уж уходить, но тут опять налили.

– Кто бы говорил!

– И кто бы сомневался!

– Даже слишком простой!... – загомонили в компании.

– Простота хуже воровства, – на правах друга съязвил

Юрий, намекая на то, что аппетит отдельных штатских способен устроителю вечера причинить ущерб, превосходящий потери сельского хозяйства Китая от воробьёв и саранчи.

– Не перебивайте! – с хмельной ультимативностью потребовал Виктор. – А не то я сяду и молчком весь коньяк выдулю...

– О, тогда молчок, молчок!

– Лучше из двух зол выбрать меньшее!

– Говори, Витюша, говори, – засмеялись и загомонили слушатели.

– Так вот, я парень простой, – отёр Кропотов рукавом рубашки со лба пот, насыщенный коньячными парами. – У меня, что на уме, то и на языке. А на уме – тот ведмедь из зоопарка, напротив которого сидит...этот... гебемот. И мишка с него цельный день глаз не сводит. Гебемоту это надоело, и он спрашивает: «Миша, чё ты на меня пялишься?». А ведмедь – ему: «Я вот смекаю: как было бы славненько твоим хлебальником да медок хряпать!»

Как, вероятно, изрёк бы Лев Толстой по поводу бесхитрости совхозного шофёра: все трезвые люди трезвы по-своему, все пьяные люди пьяны одинаково. И застолье засмеялось не столько над аллегорией, сколько над её автором.

Лишь Шутова, переживая за тостующего, дёрнула его за рукав и проворчала:

– Ну и к чему ты это сказал?

– Чок! – важно прищёлкнул языком Виктор, почему-то переходя

на псевдоукраинскую мову⁸, – Да к тому, моя гарна дивчина, шоб я своим хлебаль...хлебаль-ни-ком завсегда хряпал, как сейчас. Шоб мы уси жили, як Эдуард!

После несколько подобострастной здравицы в честь Хорина, возникла заминка, вызванная приёмом внутрь горячительных напитков и изысканной закуски.

Воспользовавшись паузой, Кропотов вальяжно и не без светского лоска, как интеллигентный человек, кое-что познавший в вопросах этикета, извлёк из кармана брюк уже знакомую Юрию свежестыранную тряпицу, снятую им с бельевой верёвки перед выходом из дома, и элегантно принялся вытирать ею свой лоб. При ближайшем рассмотрении этого предмета, им оказался мужской носок сорок четвёртого размера.

От несуразного зрелища свидетели так и покатались со смеху, в изнеможении некультурно показывая на Виктора пальцами. Тот, не вникнув в подоплёку происходящего, отнёс комичность мизансцены на счёт своего остроумия. Он согласно закивал компаньонам: дескать, знай наших, мы тоже не лаптем щи хлебаем. И усерднее прежнего принялся

⁸ Мова (укр.) – украинский язык, говор.

промокать «платком» шею и подбородок. Смех перерос в гогот.

Юрию понадобилось вырвать носок и продемонстрировать его во всех ракурсах владельцу, чтобы до того дошёл истинный смысл происходящего. «Батин носок! Гадом буду, батин носок, – недоумённо бормотал Кропотов, вертя в руках объект потехи. – Чё он мне его засунул?»

Веселье долго не утихало. А у Харина настроение стало просто великолепным. Кому как, а уж ему-то льстивый спич замараевца явственно пришёлся по нутру: он с удовлетворением принял изрядную меру коньяка – мало уступавшую кропотовской. Откушивая подсахаренные дольки лимона, расслабившийся Эдуард не переборол терзавшего его искушения. Передавая Шутовой тарелку с балыком, он повторно склонился к Кондрашову и прошептал, багровея от внутренне переживаемого срама:

– А-а-а... как у Виктора с этой... с Илоной Блю-блюватой?

– С Илонкой? – был немало поражён его информированностью о структуре замараевского населения визави. – Да никак. По-моему, они уж давным-давно не контактят.

– А-а-а... говорят, что Виктор по мужской части злой, как... как недо-недовздрюченный ка-козёл? – не отставал бизнесмен, которому добротное спиртное крепко ударило в голову.

– В смысле? – перестал жевать первый в жизни ломтик авокадо паренёк.

– Ну, он как бы...того..., – замялся бизнесмен, лихорадочно перебирая в памяти выражения из «письма доярки», – злы-злыдень писюкастый.

– Чего-о?! – подобно Лукину разинул рот юноша, едва не выронив оттуда содержимое. – Злыдень...чего?

– Ну, это...вы па-потеше говорите, Юрий, – встревожено огляделся самозванный дознаватель. – Говорят, что он силен...эх-ма...по мужской части?

– Да я об этом как-то не справлялся. Меня, в принципе, только девушки волнуют, – поскоморошничал деревенский насмешник, выдерживая тон общения, взятый с Хориным.

– Мальчики! – постучала Стелла по краю тарелки. – Нас один Виктор развлекает, а вы без конца шепчетесь. Думается, настала пора и Юре, так сказать, здравицу молвить.

Как и проба аллигаторовой груши, это было первое публичное застольное выступление Кондрашова. Прежде, в семейной обстановке, он произносил только «прикольные» реплики и пил лимонад и детское безалкогольное шампанское. По этой причине сейчас, поднимаясь на ноги, он торопливо перебирал в памяти те заздравные речи, что произносил его отец в присутствии гостей.

– Этот тост третий по счёту, – заговорил юноша. – И меня всегда поражало то, что он традиционно посвящается женщинам. Ведь, уж если пить за Родину-мать, за маму и за любимую девушку, то в первую очередь. Потому для меня он первоочередной. Принимая во внимание вышеизложенное,

я предлагаю выпить за украшение нашего вечера, за наших милых дам, одно присутствие которых пьянит во сто крат сильнее, чем этот чудесный напиток!

И Юрий, подняв стакан повыше и продемонстрировав рубиновый напиток «на просвет», добавил: «По старой доброй традиции мужчины пьют до дна и стоя».

Мужчины традицию поддержали. Девушкам, по-видимому, тост понравился, так как они тоже осушили стаканы с шампанским. Стелла даже чмокнула Кондрашова в щёку. Тому весомая порция вина, а пуще того поцелуй любимой женщины, ударили в голову. И он, чтобы не захмелеть, принялся ожесточённо поглощать первый в своей биографии плод манго. Нынче у него многое происходило впервые.

– Про женщин мало га-говорить красиво, – прервал кратковременное затишье за столом Хорин, которого насторожил поцелуй Кораблёвой, и теперь он с подозрением начал «отслеживать» вслед за Виктором также и Юрия. – Самое главное, женщинам надо а-абеспечить красивую жизнь.

– Во-во! – поддержал предпринимателя Кропотов, взирая на того влюблёнными глазами. – Ващце, ты скажи, Эд, как ты добился этой фигни? – И он воспроизвёл обнимающий жест над шикарным угощением. – Вот сегодня ты клёвую сделку провернул в Ильске, да?

– О`кей, – ответил ему бизнесмен. – Я скажу. Я добился «этой фигни», или, как принято говорить в Штатах, prospere- рити, изменив себя и свой стиль на а-американский. Надо

не баклуши бить, чем отличаемся мы, русские, а работать сто часов в сутки. И сле-следовать новым достижениям. Ноу-хау, хай-тэк⁹... Я к тому же ди-и-диверсифицируюсь...

– Эт-то чё ещё за зверь такой? – окончательно обалдев от учёных словечек, вылутился на него Виктор.

– Ди-и-версификация означает экспансию, вторжение капитала в нехарактерные прежде для его профиля, но перспективные виды деятельности, в новые отрасли, – снисходительно пояснил ему предприниматель. – Строго говоря, именно за тем я и пы-приехал в Ильск. У вас есть хлебозавод, которым руководит а-адин чудила

...Не-некто Безматерных.

– Между прочим, классный хлебушек печёт чувак! – вклинился

в монолог Хорина Виктор, пытаясь показать осведомлённость.

– Вау! – пренебрежительным возгласом ответил бизнесмен. – Какое там! Да-дапотопное производство. Вчерашний день. Себестоимость высокая. Затраты на е-единицу продукции высоки ... Ну я ему и сделал хау ду ю ду...¹⁰

– Это как?! – от непосильного стремления вникнуть в суть аргументации «нового буржуа», глаза Кропотова начали косить, словно у популярного киноактёра Савелия Крамарова.

⁹ Ноу-хау, хай-тэк (know-how, hi-tech – англ.) – соглашение о передаче технических знаний; высокие технологии.

¹⁰ * Хау ду ю ду (англ.) – как дела, как поживаете.

– Пе-переносное значение этих слов – поставить в ще-щекотливое положение, – растолковал Эдуард. – Мы с деловым партнёром устроили этому Безматерных де-демпинг: буханками да прочей выпечкой по бросовым ценам Ильск и округу завалили. Ваш земляк и спёкся – практически ба-а-анкрот.

– И что дальше? – помрачнел Кондрашов, слушая откровения захмелевшего Хорина.

– Что дальше..., – самодовольно положил в рот и «схрумкал» лимонную дольку тот. – Сегодня договор подписали о купле-продаже его бизнеса за бе-е-есценок. В течение двух месяцев лик-ликвидируем его лавочку. Ну, как максимум, цех оставим. А затем поднимем цены до пре-е-ежного уровня и к весне отобьём то, что потеряли на демпинге.

– Ну, хорошо, – не мог успокоиться Юрий, – вы скупили производство, а зачем же его закрывать?

– Так у нас своей продукции – выше крыши, – резанул себя ребром ладони по горлу приезжий. – Мы новые виды выпечки уже и на ре-региональном рынке па-азиционируем – в Удмуртии.

– Несправедливо, – сжал челюсти Кондрашов. – Ильский хлеб вкусный...

– Неумолимые законы конкуренции, – отхлебнув коньячку и «заполировав» его лимонной долькой, спокойно парировал довод оппонент. – Или ты, или тебя. Третьего не дано.

– Таким образом, вы и есть те самые акулы капитализма? – совсем по-мальчишески спросил юный тракторист, взгляды-

это сделала демонстративно. Если до сих пор она напряжённый диалог между Кондрашовым и Хориным воспринимала молча, то последняя тирада про Бурдина не могла её оставить равнодушной.

– В целом ты прав, Эдик, – вступила Марина в полемику. – Но нельзя игнорировать достоинства Анатолия Ивановича. Он молодых специалистов готовит, моего отца и меня по контракту за совхозом закрепил...

– Да я же не га-а-аворю, что он – плохой мужик, – резким движением руки остановил её Хорин. – Напротив, он дельный и как хозяйственник, и как человек. Я же говорю о логике развития. Ведь, по большому счёту, ваш совхоз – тоже акула капитализма. Ведь из-за него разорились соседние, менее крепкие товарищества. Чего ж вы не орёте, что вы сами – мироеды, а? Кы-круче скажу: вот вступит Россия во Все-е-емирную торговую организацию, хлынет к нам поток дешёвых товаров из-за бугра, и лопнет наше до-олбаное сельское хозяйство, и наши отсталые автопром и агропром. Да и Россия – тоже а-анахронизм. Лет через тридцать она распадётся на экономически обусловленные регионы: Московия, Уральская ре-республика, Ки-и-итайская Дальневосточная республика...

– И к этому нас ведут? – зло сузил глаза Юрий.

– Законы рынка, – пожал плечами Эдуард.

– Зачем же народ обманывать? – пристал к нему Кондрашов.

– В каком смысле?

– Мы же голосуем и выбираем тех, кто обещает нам великую и неделимую Россию. А выясняется, что нас по законам рынка тянут к развалу страны.

– Пойми, – начал выходить из себя бизнесмен, – не важно, в каком государстве жить, важно жить сыто и в да-авольстве. Если мы отдадимся янкам, то поймеем на пару с ними остальной мир. Быть че-че-естным хочется, но меньше, чем богатым. Давай жить по-американски: если каждый гребёт к себе, то каждый и богат, – развивал нехитрую доктрину бизнесмен. – Если каждый богат, то богаты все.

– А как же тогда быть с Джоном Кеннеди, Эдик? – внезапно подала голос Кораблёва. – Он, между прочим, говорил: «Не спрашивай страну, что она может сделать для тебя, а спроси самого себя, что ты можешь сделать для своей страны».

Стелла никогда не проявляла себя напоказ, но уж если «выходила из тени», то это, по Гегелю, получалась настоящая феноменология духа.

– Ке... Такое говорил Кеннеди? – смешался Хорин. И спесь всепророчества сползла с него.

– Да и я в той же манере выскажусь, – вдохновлённый поддержкой Стеллы, уравнивал себя с американским президентом Юрий. – Когда всякий лишь тянет одеяло на себя, общего дела не получится. Нынче в стране что рушится в первую очередь? Дороги, мосты, школы, больницы... А какая же без

них Россия? И ещё: в Йемене или Гватемале все тоже очумело гребут под себя, но живут беднее всех. И таких из двухсот пятидесяти стран мира – больше двух сотен...

– Вау... Это... Юра-а! – простонал Хорин, в растерянности подбирая доводы. – ...Ну чего ты ту-тупишь? Думай о себе. Представь, ты работаешь под меня... Да за пару лет вырастешь так же, как я. А будешь бо-болеть за всех – так и сгниёшь в этом занюханом Нижнем Грязюкино!

– Но-но! – выходя из хмельной дрёмы, патриотично рявкнул Кропотов. – В Нижней Замараевке!

– Да всё одно..., – отмахнулся представитель среднегорского истеблишмента. – И кы-кому ты будешь нужен босой да безлошадный?

– Мне, – неожиданно вступила в дискуссию, уже больше походившую на перепалку, Стелла.

– Х-хе... Да-а? – словно кувыркком полетев в канаву, поперхнулся Эдуард.

– Да, мне Юрочка нравится как раз такой, какой он есть – с невыразимым спокойствием повторила девушка, блистая иссиня-голубыми глазами. – Он – справедливый мальчик. Конечно, пока он очень юн, однако мне думается, что мужские перспективы у него самые благоприятные... Это наш ответ Чемберлену! – «ввернула» завершающий штрих она, и засмеялась, искоса посмотрев на Хорина. – Потому давайте прекратим склоку и продолжим приятный вечер.

Кораблёва встала из-за стола, прошла к своей кровати, до-

стала из дорожной сумки, стоявшей на полу, какой-то свёрток и вернулась обратно. Приблизившись к Кондрашову, она извлекла из пакета спортивные курточку, шапочку и шарф – всё в красно-синюю расцветку с надписями «ЦСКА».

«Будущему знаменитому футболисту от фанатки», – шутливо сказала она. И тотчас же нахлобучила на Юрия шапочку, обвязала его шею шарфом, а затем благодарно поцеловала в щёку.

После этой назидательной фронды, предметно проучившей высокомерность Хорина, студентка достала из прикроватной тумбочки янтарные бусы и надела их на свою нежную шею. Её манипуляции сопровождались столбняком остального сообщества.

– Демонстрируются впервые! – торжественно провозгласила Стелла. – Подарок Юры, – взяв с тумбочки зеркальце и оглаживая в него себя, добавила она. – Мы с ним обменялись сувенирами в качестве...как их..., – в нетерпении сделала она тонкими и длинными пальцами жест «перебора на струнах гитары». – А! В качестве футбольных одноклубников.

От событий последней четверти часа обстановка в хижине дяди Толи потеряла непринуждённость. Тем паче, что Виктор, которого окончательно развезло, всё порывался «разобраться за Нижнее Грязюкино» с горожанином. «У-у-у-у, ты какой! – паровозной трубой гудел он в адрес Хорина. – Я думал ты – классный пац-цан, а ты – тот ещё фраер!»

Кондрашов и девушки утихомирили Кропотова и убрали

угощение со стола. Посовещавшись, Стелла и Марина засобирались в Ильск, решив переночевать у родителей Шутовой.

– Я вас увезу, – мрачно заикнулся, было, Хорин.

– Нет, ты пьян, Эдуард, – безапелляционно решила Кораблёва. – В таком виде нельзя садиться за руль.

– Я у-увезу, – упорствовал тот. – Га-гаишники знают фамилию Хо-хорин.

– Зато они не гарантируют нам безопасность, – возразила Стелла. – И потом, мы, замараевцы – законопослушные граждане, – не без юмора дополнила она. – Ложись и спи. Виктора мы отведём домой, а в город нас проводит Юра.

Глава вторая

1

Все мы так устроены, что стресс снимаем неким апробированным приёмом. Хотя лучшее средство от душевных потрясений – устранение факторов, их порождающих. При условии, что добиться этого нельзя, каждый разряжается по-своему: одни глушат грусть-печаль водкой, другие предпочитают развлекательное чтение, третьи бьют обидчику физиономию, а кое у кого просто-напросто случается нервный срыв.

Кондрашову острой занозой в сердце засела мысль о нектати объявившемся мажоре. Раздумья на актуальную те-

му преследовали его неотступно. Даже тренировки, обычно приносившие расслабление, не вызывали нужного эффекта. Тень «золотого мальчика» непрерывно витала над ним и отравляла всякую текущую минуту бытия.

Большие надежды Юрий возлагал на первое новогоднее воскресенье, в которое неразлучная четвёрка выступила в давно задуманный лыжный поход на Каму. Юноша надеялся в ходе вылазки на природу улучшить момент и в беседе с Кораблёвой поставить точки над «і». Даже не столько в прояснении роли Хорина, сколько в отношениях между ним и Стеллой.

А все обстоятельства к тому располагали. И неожиданно тёплый и солнечный январский день. И весёлое общение в ходе неторопливой прогулки. И задушевные песни у костра с аппетитным и незатейливым обедом. И расстановка лыжников на обратном пути, при которой Марина и Виктор отмеривали снежные вёрсты впереди, оторвавшись от замыкающей парочки на добрую сотню метров. Да и сама Кораблёва охотно вступала в диалог с Кондрашовым на самые трепетные темы.

Именно явное расположение Стеллы наполнило юношу той решимостью, что подтолкнула к форсированию событий. И он прямо поставил перед Стеллой вопрос о статусе Хорина.

– Юрка! Что за нахальство? – возмутилась девушка. – Ты несноснее Буратино, – отчитывала она его. – Он также длин-

еньким деревянненьким носиком тыкался в холст на стене, желая выведать: что там за очагом? Ведь я предупреждала тебя... По какому, интересно знать, праву ты так распоясался со мной?

– По какому праву? – решаясь на что-то, переспросил её Кондрашов.

– Да, – останавливаясь и вонзая лыжные палки в снег, воскликнула девушка, – хотела бы я знать!

– Что ж, – сжимая челюсти и перекатывая желваки на скулах, вслед за ней прекратил скольжение на лыжах паренёк, – я скажу по какому праву... Да по такому праву, что ты меня целовала четыре раза!

– Я? Четыре раза? – растерялась Кораблёва. – Ты шутишь?

– Первый раз – в тракторе, – чеканил молодой тракторист, – второй, когда я валялся на снегу у хижины дяди Толи, третий – за тост о милых дамах, четвёртый – когда спортивную шапочку на меня одевала. Вот!

– ...Ах ты... Ах ты, мой миленький мальчишечка! – расстроганно проговорила Стелла, на минуту позабыв о всякой строгости. – Подойди ко мне, пожалуйста, Юрочка! – неожиданно ласково попросила она.

И когда тот, насторожённый и непонимающий приблизился к ней, девушка приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щёку. «Пятый, – сказала девушка. – Как любимого мальчишечку, но не более того...».

Затем студентка первой двинулась по колеям, проложен-

ным Кропотовым. Кондрашов заскользил сбоку от неё по лыжне, протоптанной Шутовой.

– Юрочка, мне известно твоё отношение ко мне, – раздумчиво заговорила Кораблёва. – И пусть ты вторгаешься... в закрытую девичью сферу... Так и быть, тебе я расскажу... в пределах допустимого. Об этом не знает и Маринка. Не сомневаюсь, что об этом будем знать только я и ты.

От волнения Кондрашов что-то прохрипел, с трудом проглотив слюну и сделав кивок головой.

– Однажды мы с Маринкой зашли в бутик..., – припоминаяще прищурилась Стелла.

– Извини... кгм-кгм, – прокашливаясь, всё ещё хрипел Юрий, – куда зашли?

– В бутик. Это модный магазин. Зашли просто поглазеть на шикарные вещицы – там цены заоблачные. Да дело не в этом. Там возле женского манекена стоят двое мужчин. Один из них смеётся и говорит: «Подумать только, когда я взглянул на эту фигуру от дверей, то принял за убийственно красивую девушку. А это ни на что не годная кукла». Так вот, я – тоже ни на что не годная кукла. Манекен. Бесчувственный пупс. Какая-никакая наружность есть, а внутри – пустота. Я понятно излагаю?

– Н-не... Не вполне.

– Путано, да? Ну, слушай... Я хочу любить и быть любимой. Как цыганка Аза, как всякая женщина. Для меня счастье – целовать и тискать малышей. Но едва какой-нибудь

мужчина пытается сблизиться со мной, он тотчас становится неприятен. Извини, меня воротит с него... Не скрою, с некоторых пор меня это стало беспокоить. Я даже обследовалась в клинике. Доктора сказали, что с телом у меня всё в порядке, а вот с душой... Они полагают, что это из-за несчастья с мамой и папой. Это не лечится лекарствами. Здесь требуется время. А также мужчина, что подберёт ключик ко мне... Да я ещё сама по себе... непростая... Да приплюсуем мамино-папино советское воспитание... А где их сейчас взять: Мерестьева или Гагарина? Так что, Юрочка, перед тобой, – невесело усмехнулась собеседница, – ни на что не годная кукла. Манекен. Пупс. И ты ни-че-го не потеряешь, когда по окончании практики я уеду...

– Не смей! – задохнулся в протестующем шёпote юноша.

Кондрашов прервал Стеллу почти неслышно. Но столько в его выдохе было обиженной энергии, что далеко оторвавшиеся от них Кропотов и Шутова разом остановились и оглянулись.

– У вас всё нормально? – крикнул Виктор.

– Как вы там? – присоединилась к нему Марина.

Кораблёва в ответ им помахала рукой, показывая тем самым, чтобы они продолжали путь.

– Не говори так, ладно? – попросил Стеллу Юрий, когда лидирующий тандем двинулся к Замараевке. – Наоборот, чем больше я тебя узнаю изнутри, тем... ты для меня ближе и дороже.

– Я тебе сказала правду, – с проявившейся внутренней твёрдостью ответила ему студентка. – По женской части... я вот такая... Временно непригодная...

– А для меня ты – непревзойдённая! – неуступчиво твердил Юрий.

Вместо комментария Кораблёва медленно пошла вперёд, а когда Кондрашов поравнялся с нею, заговорила как бы сама с собой, вспоминая былое.

– Мой папа говорил: «Настоящий мужик – защита и опора». И это правда. Такого я полюбила бы, будь лысым и косолапым, неуклюжим и небогатым... Но чтоб в его ладонях я с детишками могла укрыться от этого жестокого мира. Понимаешь?... Вот ты, Юра, для меня особенный. Ты мне в радость. Но одного этого недостаточно...

– Боишься, что я ненадёжный? – пытался понять Кораблёву юноша. – Не сумею тебя с детьми прокормить?

– Как тебе сказать... Наполовину – так, а наполовину – не так. Когда я была маленькая, то говорила, что выйду замуж только за папу. И мама с папой всегда смеялись, когда вспоминали мои детские мечты, – светло улыбнулась девушка. – Добрая-добрая им память! Папочку я очень люблю, но... Вероятно, я принимаю грех на себя, – и при этих словах тень набежала на опечаленное лицо Стеллы, – однако... Однако, эта мучительная дума всё равно гложет меня независимо от того, выскажу я её или нет... Ведь папочка не уберёт мамочку... А мой муж меня с ребяташками обязательно должен со-

хранить.

От прозвучавшей откровенности молодой замараевский тракторист забыл про солнечный январский день. Внезапно в его уме всплыла выстраданная сентенция отца о том, что любви без нагрузки не бывает, которую Кондрашов-младший до конца не понимал. Но отныне до него постепенно стало доходить, что его принцесса – это не только высокие чистые чувства, но и высочайшая ответственность. И с полкилометра отставшая пара скользила в тишине, прерываемой лишь скрипом лыж.

– Извини, не могу подобрать слова, – прервал молчание Юрий. – Лезут какие-то книжные...Получается, ты...недоτροга? И тебе вообще никто не люб?

– Ну, почему же? – засмеялась практикантка. – Я уже давно люблю детишек, которых у меня ещё нет, но которые обязательно будут! Вот вообрази, – всё больше оживлялась она, – мне несколько раз снился младенец, такой розовенький бутуз, похожий на вашего Венечку. Мне хотелось бы такого же хорошенького мальчишечку. Когда я была у вас, и мы с Веней играли...

И Кораблёва принялась беззаботно щебетать, развивая эту тему. И чем больше Юрий её слушал, тем неотвязнее его преследовала шальная мысль о том, что они с братом очень похожи. Все так говорят. А это значит...А это значит, что столь желанный сын может быть у Стеллы от него! От Юрия!

Такой вывод поразил юношу так же, как паралич разбива-

ет дряхлого старика. С той существенной разницей, что Кондрашова ввело в ступор могучее желание при полной невозможности его реализации. И вопреки тому, что он прекратил движение и замер, сердце его забилося как при забеге на стометровку. Он стал хватать ртом воздух, жадно глядя на самое прекрасное из существ, и испарина выступила у него на лбу.

Стелла тоже остановилась, оглянулась и всё прочла по лицу паренька, поскольку находилась на одной с ним духовной волне. Она покраснела, отрицательно покачала головой и призналась:

– Юрочка, я тоже думала об этом. Так странно... Но мы же не будем опускаться до любовников час? Мне легче представить тебя мужем. Разумеется, когда ты будешь готов... м-м-м... воплотить наши мечты. Но ты же сознаёшь, что это дело не сегодняшнего и не завтрашнего дня. И даже не...

2

Дальше, практически до самой Замараевки, они плелись молча и кое-как. Такое состояние длилось до момента, пока путники не взошли на вершину горы, откуда открывался замечательный вид на село, раскинувшееся в распадке. В этот миг парочка, скользившая впереди них, принялась подзадоривать отстающих.

– Эй, черепахи, догоняйте! – крикнул им Кропотов.

– Кто первый поспеет к хижине – тому приз! – поддержала

его Шутова.

Они задиристо захохотали и, интенсивно толкаясь палками, заскользили по пологому склону. Разрыв между ними и преследователями составлял приличную дистанцию. Даже учитывая то, что впереди было более километра пути, догнать беглецов представлялось делом нереальным. И потому, а может и совсем не потому, «горем убитый» Кондрашов отреагировал на вызов безнадёжной отмашкой. Кораблёва же, очевидно, стремясь отвлечь его «от минора», повела себя иначе.

– Юр, а если напрямки? – показала она направо, где гора обрывалась захватывающей дух крутизной, у подножия которой, всего в сотне метров от вершины, находился домик молодых специалистов.

– Пацанами мы здесь гоняли, – вяло промямлил тот.

– А непацанами – слабо? – подначивала его Стелла.

– Мне слабо? Пф-ф-ф... Да я-то – запросто, – пренебрежительно фыркнул Кондрашов. – Я боюсь, что ты расшибёшься.

– Где наша не пропадала! – молодецкато топнула лыжей заводила рискованного предприятия. Глаза её азартно горели. – Бог не выдаст, свинья не съест!

– Сама захотела, – напоследок предупредил её партнёр по горнолыжной авантюре, подходя к самому гребню и выбирая наименее опасный маршрут спуска. – Поедешь за мной. Тут в одном месте, посерединке, склон снегом почти не заносит,

так ты чуть подпрыгни, а то тормознёт на грунте. Словом, делай как я. И держись зубами за воздух... Первый пош-шёл! – внезапно заорал он, и переступил роковую черту.

Ветер Соловьём-разбойником засвистал в его ушах, обжигая лицо. Встречный поток воздуха тугой резиной сдавил его тело. Лыжи под ним дважды дёрнуло на открытой глинистой осыпи, но он не обозначал прыжков, прокладывая трассу для Стеллы, которой такого рода манёвр будет не по плечу. После осыпи оставался ещё один ответственный участок – у подножия горы при выезде на равнину, так как там ветрами надуло массу рыхлого снега, который тоже затормаживает движение. Однако мальчишеские навыки в Кондрашове не угасли, и он успешно преодолел и заключительное препятствие.

Расплужив лыжи, Юрий выполнил плавный поворот, гася скорость, а остановившись, закричал, задрав голову кверху: «Виват, Россия! Мы – лучшие! Давай!» Фигурка лыжницы затопталась на гребне, а затем замерла. Юноша уж было подумал, что она не отважится на спуск. Ан нет! Через секунду Кораблёва голубой капелькой сорвалась книзу.

И до половины склона дела у неё шли нормально: она двигалась в равноускоренном темпе. Так продолжалось до съезда её на осыпь. Там лыжницу дёрнуло, потом подбросило, и корпус безрассудной красавицы повело вбок. Правую ногу у неё поднимало всё выше и выше, а движение становилось всё менее управляемым. За завершающей фазой Кондрашов

наблюдал искоса, полуприкрыв глаза ладонью. К подножию горы студентка уже не спускалась стойким оловянным солдатиком, а летела пущенной стрелой, сбившейся с заданной траектории. В месте её падения снег взорвался белым облаком... И наступила гнетущая тишина...

К воронке «от взрыва» паренёк не бежал, а летел торпедой. В

метре от «кратера» он бросил палки, дрожащими руками отцепил лыжи и пополз на четвереньках.

Запорошённая снегом с ног до головы, Стелла лежала ничком, повернув голову направо, и не подавала признаков жизни. Юрий, затаив дыхание и внутренне кляня себя последними словами, в жутком ожидании непоправимого прикоснулся к плечу отчаянной горнолыжницы. «Сте-елла!», – с отчаянием и запоздалым раскаянием позвал Кондрашов. Угрожающее безмолвие было ему ответом. Холодея от ужасного предположения происшедшего, юноша вторично просипел: «Сте-е-елла!...»

Томительные секунды тянулись часами... Прелестные спелые губы пострадавшей, к коим не смел прикоснуться ни один смертный, неожиданно-негаданно дрогнули в озорной милой улыбке, обнажая два изумительно ровных жемчужных ряда зубов, и девушка пушкинской царевной, очнувшейся от летаргического сна, блаженно и томно произнесла:

– Боже! Как хорошо!

– О-о-о! – в изнеможении выдохнул спасённый Юрий,

обессиленно падая близ своей повелительницы.

Так они пребывали в недвижимости и забвения, вне времени и пространства, переживая негу молодости, окутавшую их, и доступную исключительно им двоим. И взирая на них с вышины, ангелы полагали, что на пушистой перине Матушки-зимы возлежат наисчастливейшие во вселенной возлюбленные, приходящие в себя после неизъяснимых мгновений высшего наслаждения.

Первой очнулась Стелла. Она встрепенулась пташкой, запутавшейся в силках, и расслабленно попросила: «Юрочка, помоги мне...» Кондрашов без промедления захлопотал, засуетился вокруг девушки, озабоченно справляясь о её самочувствии. Но стоило ему, утопавшему по пояс в снежной целине, поднять Кораблёву, прикинувшуюся беспомощной Лисой Патрикеевной, на ноги, как она с лукавым смехом бросилась к избушке.

Пока облапошенный простофиля вставал на лыжи, разыскивал палки, студентка оказалась уже на полдороге к цели. Юрий настиг плутовку лишь у самого крыльца, и в домик они вбежали нога в ногу. Тогда как Виктор и Марина ковыляли где-то по равнине.

3

– Наша взяла! – ликовала Стелла в тесной прихожей, расстёгивая замок-молнию на одежде.

– Лихо мы их кинули, – по-мужски степенно солидаризировался с ней Кондрашов, принимая от неё курточку, шапочку и размещая их на вешалке.

Стелла сняла верхнюю одежду и стояла перед Юрием в спортивных брючках и легкой кофточке. Светлые пряди её волос рассыпались в живописном беспорядке. Она принялась укладывать их посредством заколок на затылке, открывая тем самым нежно рдевшие ушки и изящную шею, отчего выражение лица и фигурка красавицы приобрели особенно хрупкий и доверчивый вид. Экспромтом созидавая причёску, Кораблёва закинула руки назад и кверху, и невольно элегантно выгнула свой стан.

Юноша, находясь в шаге от неё, в сиянии солнечных лучей различил сквозь ажурную ткань кофточки силуэт упругой девичьей груди, всё ещё учащённо вздымавшейся после быстрого бега, темнеющие очертания сосков и отдельные детали лифчика. Фибры его мужского существа по-зверинному обострились, и он ощутил, что тело Стеллы источает едва уловимый аромат пикантного, дразнящего и свежего, будто сок берёзы в апреле, женского пота. Кондрашов почувствовал, что в подложечной области у него что-то тревожно и сладостно заныло, опускаясь всё ниже и ниже; во рту пересохло, неуёмный жар ударил в голову и вскружил её, а конечности охватила мелкая дрожь, какая случается в приступе тропической лихорадки.

В данном месте повествования сама собой напрашивается назревшая ремарка, требующая пояснения о том, что Стелла была, что называется, во вкусе юноши во всех отношениях. В том числе, извиняемся за выражение, и в плотском.

Тело Стеллы... Вот тут Кондрашов незамедлительно гнал прочь вульгарные помыслы, возможно, уместные в иных случаях. По отношению к любимой, он не воспринимал её плоть как самоцель. Природная составляющая девушки являлась для него одним из желанных средств выражения её прекрасного светлого и чистого образа.

И, тем не менее... Обличье Стеллы тоже неудержимо влекло и покоряло юношу. В том числе и с точки зрения глубоко анатомической и телесной, понимаемой как наполненность женщины естеством. Кондрашов отнюдь не являлся поклонником западных топ-моделей типа Линды Евангелисты, Клаудии Шиффер или Синди Кроуфорд, астеническим телосложением напоминавших ему истощавших прожорливых акул. Вместе с тем, он далёк был от восторга при виде раздобревшей женской плоти. Та же Даная Рембрандта или кустодиевские толстушки рождали у него ощущение несварения в желудке. Стелла же воплощала собой, как выражаются тихопомешанные рыбаки, поймавшие жор на утренней зорьке, «самое то!»

Она была не полной, но и не худышкой, не дылдой, но и не миниатюрной. Всё в её фигуре, сложении, телесной «конси-

стенции» оказалось гармоничным и соразмерным. Она являла собой идеальное воплощение «золотой меры». И вот в сей наполненный до краешков женской субстанцией божественный сосуд Господь, сверх того, добавил ещё капельку олимпийского нектара. И от этой благодати тело его посланницы приобрело совершенно потрясающую манкость и бесподобную упругость, кои возбуждали и будоражили чувства мужчин, трансформируя их в беспредельные желания полусумасшедших.

И двуногим самцам *vulgāris*¹¹ не терпелось задеть, прикоснуться, потрогать, облапать, прижаться к реальному воплощению мужской мечты; привлечь её с неприкрытой животной страстью. И даже самодовольные и пресыщенные до приторности и циничные до крайности Дон Жуан и Казанова, лицезрея Стеллу, пали бы ниц и восхищённо простонали бы: «Богиня! Солнцепоподобная! Несравненная!»

Вот и Юрий, при том, что он боготворил Стеллу и в самых смелых грёзах не заходил слишком далеко, оказался всего-навсего неопытным, бестолковым, молодым... шалопаем мужского пола. И стоило ему по воле обстоятельств погрузиться в стихийно возникшую провоцирующую обстановку, как вековые дремучие инстинкты начисто отключили его сознание, этическую выучку, социальную дрессировку. На него нашло кратковременное затмение. Он сошёл с ума, рехнулся, тронулся умом, сбрендил, свинтился, слетел с катушек,

¹¹ *Vulgāris* (лат.) – обычный, обыкновенный.

впал в состояние патологического охмурения, – назовите это как хотите сами...

И тогда загипнотизированный молодой мужчина рефлексивно

провёл неверной рукой по кофточке, по тому самому месту, где запретно стояли торчком, где табуировано бугрились сладкие холмики его заветной женщины...

От души смеявшаяся Кораблёва не сразу и осознала, что же всё-таки произошло между ними, настолько импульсивен был поступок Кондрашова. Медленно-медленно выражение веселья на её лице исказила гримаса гнева, щёки вспыхнули негодующим румянцем, и она уже занесла руку для того, чтобы нанести хлёсткую пощёчину сальному пакостнику... Но в решающий миг что-то остановило её. Стелла с маской отвращения на лице отшатнулась от Кондрашова, как от похотливого блудника, и брезгливо бросила ему: «И...этому...я... доверилась!»

Вот в данной фазе развития событий Юрий и сорвался. То ли оттого, что в нём прорвало гнойный пузырь сомнений и мучений последних недель... То ли от ужасающего проявления его изменной и гадкой похоти... То ли столь уродливо прорезалась его обывательская ревность... Да что там рассуждать? Важен итог. В этой точке падения Кондрашов превратил ситуацию в неисправимую.

Окончательно втапывая себя в грязь, молодой тракто-

рист заорал базарной бабой на торговой площади, взревел пьяным балаклавским биндюжником, брызгающим противной слюной, заверещал выжившей из ума сутяжной старухой из коммунальной квартиры, истерично запричитал замурышкой-женой, застукавшей изменника-мужа с роскошной павой-любовницей:

– Ну да!...Конечно!...Ещё бы!...Кто мы такие?...Нищета! Дерёвня! Подошва человечества!...Скотина необразованная!...Тракторист!...Жук навозный!...

И не находя иных слов и вариантов поведения, Кондрашов опрометью кинулся наружу, едва не сбив на пороге Шутову, и столкнув с крыльца «рассупонившегося» от ласкового январского денька Кропотова.

4

Между Кондрашовым и Кораблёвой всё было кончено: счастливое прошлое безвозвратно миновало, в тоскливом настоящем не хотелось существовать, беспредметное пустое будущее не хотелось впускать. С той достопамятной прогулки Юрий перестал посещать репетиции, за три версты обходил избушку молодых специалистов, дальними улицами объезжал на тракторе совхозную контору. При встречах на недомённые вопросы Кропотова и Лукина он давал маловразумительные ответы в виде невнятного мычания апоплексически приударенного, и поскорее удалялся.

Зато юноша преуспел в спортивной ипостаси, до изнемо-

жения тренируясь вечерами и с юношеской, и с мужской футбольной командой райцентра. Наверстал упущенное он и по домашнему хозяйству, перелопатив всевозможные дела, скопившиеся за предшествующий месяц. Если же изредка выкраивался свободный часок, Кондрашов направлялся в Ильск, где бесцельно бродил по ярким, освещённым электрическими фонарями и рекламными огнями улицам, растворяясь в шумной толпе. И воображал, что он уже в Москве и возвращается с тренировки армейской команды.

К ночи Юрий настолько умышленно выматывал себя, что, едва припав к подушке, до утра проваливался в тягучую непроглядную тьму без видений и образов. Лишь в его пред-рассветные сны удавалось прорваться не до конца опознанной особе девичьего обличья, которую проснувшийся паренёк усилием воли изгонял вон.

Про Кораблёву Кондрашов вспоминал всё реже и реже. Не существовало такой надличностной воли, что заставила бы его вернуться к Стелле хотя бы и в забыты. И в собственную решимость юноша уверовал безоговорочно и окончательно.

5

Говорят, что для женщины страшнее мышки зверя нет. Для неустрашимого, в общем и целом, мужчины, по макушку влюблённого в женщину, нет ничего страшнее...самой этой женщины. Точнее, угрозы получить от неё отказ. Он

цепенеет от предположения об ошибочности шага, за которым последует: или дипломатичное «давайте останемся друзьями», или брезгливое «прошу вас, не надо об этом», или жалостливо-уклончивое «ну что

вы», – и расставание с мечтою навечно.

Разумеется, всё это верно, коли речь идёт о здоровом и полном сил субъекте, а не о мыслящей развалине, которую сама принципиальная возможность получить дамское согласие, в качестве реакции на неосмотрительно прозвучавшее предложение об интимае, способно довести до инсульта сочетанного с инфарктом и обильно разжиженным стулом.

Потому спешу успокоить тех молодых представителей сильного, но безобразного пола, коим образ Стеллы Кораблёвой наряду с симпатией внушил и опасение: она вовсе не представляла собой ни злобную фурию-душемотательницу, ни мужененавистницу, ни коварную бездушную ледышку, ни красивую засушенную воблу. Её надо попытаться понять. Вот что о ней рассказал автору этих строк осведомлённый врач.

«Девушка не была фригидной изначально. У неё отсутствовала врождённая фобия мужчин. Она не страдала соматической патологией. Её психике глубокую травму нанесла трагическая гибель родителей. Факт изуверского убийства мотивированно вызвал в пострадавшей синдром боязни чужого несанкционированного вторжения в её интимную сферу. Потому в плане личного общения она не подпускала чу-

жих ближе «нейтральной полосы», которая у неё стала простираться за пределы обычной нормы.

На этой же почве у Кораблёвой развилась заикленность на прекрасном прошлом. Если физиологически и интеллектуально она менялась, то в эмоционально-чувственном плане вновь и вновь возвращалась к той счастливой поре, когда она была окружена заботой родителей. Подобная двойственность случается как следствие фрустрации. Эта противоречивость благополучно преодолевается, если человек находит доброго и сильного лидера».

В свете сказанного отчасти становится объяснимым, что внутренний мир Кораблёвой оказался созвучным духовности семнадцатилетнего юноши Кондрашова. Помимо прочего, тот напоминал ей отца и характером, и мимикой, и жестами. Он был таким же смышлёным и обаятельным, и, вместе с тем, иногда отчаянным до безрассудности. Он держался тех же моральных устоев, что ценились в семье Кораблёвых. У него была мощная установка на обретение подлинной культуры, что идёт от здоровой мужицкой породы, нацеленной на самосовершенствование.

Перечисленное удачно дополнялось внешним сходством Кондрашова с Кораблёвым. Особенно на юношеских фотографиях последнего. Это так поразило Стеллу, что при случае она детально выяснила у тёти Полины родословную отца. Общей генеалогии не обнаружилось. Похожесть оказалась игрой случая.

Бог вещь какими ещё качествами природа наделила Кондрашова, но общение с ним рождало в Стелле резонанс радости. Выражаясь высоким слогом, он был ей конгениален. Общение с ним рождало атмосферу оазиса. Так совпало. Такой от Фортуны им двоим выпал расклад. И подчас девушку пронзала постыдная догадка, что она не противилась бы сближению с Юрием не только мыслями, чувствами, переживаниями... И её бы, пожалуй, не мучило, как при качке на море... И она, вернее всего, пошла бы на полное взаимопроникновение, если бы...

...Если бы достоинства Кондрашова не имели своего продолжения уже в качестве недостатков. И однажды Стеллу глубоко испугала мысль о том, что она встретилась с тем же балансом «достоинств-недостатков», что не позволили даже её исполинскому по силе духа отцу уберечь семью Кораблёвых от злых чар. А ведь Юрий если и не был уже мальчишкой, то зрелым мужем ещё точно не стал.

Существовало и второе обстоятельство, также сдерживавшее её. Кондрашов относился к ней как к сверхзадаче, как к цели и смыслу жизни. Слиться с ним, означало создать уравнение с известной величиной: всецело принадлежать ему. Ведь им нельзя было помыкать словно мартовским котом, шляющимся, как попало, по чердакам и крышам: сегодня впустил, завтра выпустил. Кондрашов был равнозначен малой ядерной бомбе с самопроизвольно взрывающимся запалом. И это при той жизненной незрелости, при том юноше-

ском инфантилизме, что ярко проявился не только в их раз-
молвке, но и в последующем поведении Юрия.

«Значит, такова комбинация звёздного неба, – прошепта-
ла Стелла. – Значит, не судьба...»

И было так, и было бы так, если бы не...котят...

Глава третья

1

Под самый Новый год чёрная, как антрацит, кошка Ноч-
ка родила четверых котят. «К мытарствам, – предположила
Кондрашова Лидия Николаевна. – Уж и не припомню тако-
го, чтоб в разгар зимы кошка окотилась. В нашей местности
это редко бывает».

Мало того, так ещё и сами новорождённые представляли
нетривиальное зрелище: если три котёнка оказались прият-
ной дымчато-серой масти, то четвёртый удался рыжим-пре-
рыжим. Тем самым он опроверг бытующую примету, что ко-
тики наследуют исключительно окрас матери. Взглянув на
него, Лидия Николаевна сходу напела строки из некогда по-
пулярной песни:

– Был он рыжим, как из рыжиков рагу, рыжим, словно
апельсины на снегу...

– Ага! – согласился с ней Венька, гладивший котят. И за-
смеялся: – Рагу из рыжиков!

Три недели спустя одномастная тройца милыми пушисты-

ми комочками уже пыталась робко прогуляться близ печки на неуверенных лапках. Венька присвоил каждому из сереньких «колобков» ласковые клички соответственно полу и экстерьеру: Кеша, Барсик и Муся. Четвёртого же котёнка он окрестил, как тот того и заслуживал, наитипичнейшим для котов названием – Васькой.

Васька был некрасивым и нелюбимым уродцем: худющий, точно мини-велосипед, к которому вместо фар прикрутили агрессивные глазёнки, безостановочно рыскающими в поисках того, что плохо лежит. Шерсть у него торчала клочками, отчего создавалось впечатление, что он сначала подрался в ином из миров на помойке с собаками, а уж потом появился на свет божий. Васька даже у альтруиста Веньки не вызывал выраженного желания приласкать его, погладить, побаюкать на руках.

Несмотря на худобу, среди сородичей Васька оказался наиболее живучим и приспособленным к борьбе за существование. С наступлением часа кормления рыжий нагло расталкивал остальных братьев с сестрёнкой и первым припадал к животу Ночки. Он словно служил живым руководством сентенции Володи Попова про то, что опоздавшему поросёнку – титьку возле попки! Можно было подумать, что маленький нахалёнок навёрстывал то, что недобрал в утробе матери.

Кошка Кондрашовых, до того выпестовавшая не одно поколение котят, также не без удивлённой заторможенности

следила за чрезвычайно шустрым и строптивым детёнышем. Своих собратьев рыжий бестия опережал по всем параметрам, кроме скромности. Когда те робко учились мяукать, Васька уже верещал благим матом; серые котятки удалялись от родительского логова на метр-полтора, а проныра с конопушками уже всю шнырял по дому; скромная троица начинала играть с хвостом матери, а лихой кошачий отпрыск из засады покушался на ноги Лидии Николаевны.

Исходя из научных данных о том, что на девяносто процентов базисный уровень развития индивида закладывается и формируется в младенческом и ясельном возрасте, разумно было презюмировать следующее: Муся повторит путь миллионов добросовестных кошечек; Кеша и Барсик, аналогично типичным российским мужикам, подавляющую часть жизни просибаритствуют на диване, оправдывая притчу о том, что «коты ни... черта мышей не ловят»; Васька, как махровый дуэлянт, задира и повеса, сыщет кончину в яростной схватке у безымянной речки.

И глубоко жаль, что роковой ход событий распорядился иначе: Ночка, как-то раз выскочившая из тепла на мороз по неведомым кошачьим нуждам, бесследно пропала. И не объявилась ни через час, ни поутру, ни через день.

Лидия Николаевна и Венька погоревали о пропаже, но забота о сырых детёнышах отодвинула безвестное исчезновение Ночки на второй план. Хозяйка дома и её младший сынишка споро приноровили малость подросших котят лакать

из блюдечка коровье молоко, а на десерт – чуть подслащённую кипячёную водичку. Двое суток их четвероногие воспитанники бодро поглощали новый рацион, однако затем – как отрезало. Котята «забастовали», и ни к какой пище не прирагивались. Они только жалобно мяукали и вели печальными потухшими глазками вокруг себя.

Что явилось тому причиной, Кондрашovy достоверно объяснить не могли. Лидия Николаевна отказ котят списывала на младенческий стресс из-за пропажи кормилицы. Она допускала также, что коровье молоко оказалось не чета кошачьему. Впрочем, домыслы были вторичны, первичным явилось то, что детёныши стали таять с каждым часом, как свежий снежок на весеннем солнцепёке. Последним от пищи отказался «непробиваемый» Васька.

– Ну, покушайте, маленькие мои! – со слезами на глазах, понапрасну уговаривал котят Венька.

– Непутёвая! – в сердцах бранилась Лидия Николаевна, поминая безвестно почившую где-то Ночку. – Нашла же время, когда рожать! Ума не приложу, как быть: не сезон, на Крещение окотившейся кошки днём с огнём не сыскать. Понапрасну всё село оббегала.

И началась агония жизнелюбивых пушистых комочков. Два дня спустя они ползали по полу исключительно при помощи передних лапок, а задние у них волочились, как плети. Ещё через сутки малыши были не в состоянии подать голос, и только беззвучно и беспомощно раскрывали рот. Некогда

ясные глазки котят вновь подёрнулись мутной плёнкой, будто у новорождённых. Тельца их вытянулись, стали худыми и прохладными. Они начали мёрзнуть и постоянно содрогались от охватывавшей их мертвящей дрожи, вскоре переросшей в тягучие, болезненные судороги. Напрасно Венька пытался их согреть, заботливо укладывая на ночь с собой в постель и мурлыча взамен Ночки нежности кошачьи, а днём кутая их в одеяльце или прижимая к своему тёплому животу, – костлявая и беспощадная смерть уже протянула щупальца к обречённым крошечным жертвам.

Воскресным днём жизнь покинула тельце отмучавшегося Кешки. Венька, сидя подле него на полу, выл брошенным волчонком. Лидия Николаевна, присевшая к сынишке, чтобы его утешить, вместо этого поддалась общей скорби: вдруг некстати подумала про мужа, по глупости отбывающего срок в колонии, да и тоже пустила слезу. И только Юрий, ставший от захлестнувших его любовных мук черствей и эгоистичней по отношению к ближним, слонялся по дому и для виду покрикивал: «Ну, развели мокроту. Прекратите! Развесили нюни... Нашли из-за чего реветь...». Зато он сам, вопреки волевым потугам, нежданно-негаданно впустил в себя оттенки дум про Стеллу, забеспокоившись: а не случилось ли что и с ней за время разлуки.

Вечером того же выходного дня навсегда отдрожал и удалился в мир иной – для него быть может более счастливый и удачный – Барсик. А ранним утром в понедельник плачу-

ций Венька и Лидия Николаевна понесли на улицу хоронить Муську, упокоившуюся в детском венькином одеяльце.

Юрий, обычно не сетовавший на отсутствие аппетита, нехотя поглощал завтрак. Тут ещё, как нарочно, из гостиной в кухню приплёлся ослабевший Васька. Кондрашов внимательно проследил за его передвижением. «Бронебойного» Ваську тоже начинало пошатывать. Появившись в кухне, котёнок хотел было, по прежней привычке, требовательно замыкать, но сегодня из его глотки невнятно вырвался слабенький и жалкий писк.

– Что, брат Васька, – спросил его Юрий, откладывая в тарелку вторую, некусаную им шанежку, на которую он уж, было, раскрыл рот, – сипишь? Что молоко не пьёшь?

В ответ тот снова жалостливо запищал. Диалог двух домашних обитателей прервал говор, проникший со двора, после чего по ступенькам крыльца дробно застучали две пары ног. Одну из поступей Кондрашов без труда «вычислил»: то поднимался Венька. Младший брат вечно топал по ступенькам косолапым медвежонком. Вторая пара ног ступала невесомо, эфемерно и почти игриво: цок-цок, цок-цок, – точно козочка перепрыгивала с камешка на камешек. На сей счёт незадачливый шерлок холмс не успел сделать индуктивное умозаключение, потому что входная дверь распахнулась, опережая процесс его мышления, и вместе с Венькой в дом вошла ...Стелла.

– Не плачь, Веня, – участливо успокаивала она всхли-

пывающего мальчугана. – Так, где же наш горемыка Васька? – она осмотрелась из прихожей и заметила Кондрашова: – Здравствуй, Юрий, – добавила девушка.

– Здравствуйте, – вежливо проговорил тот.

– Вот же он, Васька! – выкрикнул младший брат.

Он схватил котёнка и принёс его с кухни гостю.

– Маленький мой! – певуче проговорила Кораблёва, глядя рыженького кроху. – Один остался, да? Бедненький ты наш! Я тоже испытала, до чего плохо оставаться одной-одиношенькой... Веня, ты не опоздаешь в школу? – спохватилась она.

– Не-е, – пояснил тот. – У меня в запасе целых десять минут.

Стелла и Венька разделись, прошли в гостиную, унося с собой котёнка, и там стали о чём-то разговаривать. Юрия, прервавшего нехлебосольную трапезу, охватило просто нестерпимое желание присоединиться к ним. Но нельзя было поддаваться слабости, недостойной мужчины. И потому он, стиснув зубы, оделся и пошёл в гараж.

2

В обеденный полдень у входа в ограду дома Кондрашовых скопилась целая делегация: Лидия Николаевна подошла со стороны дetsада, Венька – от школы, Юрий – от гаража, а из директорской легковушки, которой, естественно, «заруливал» Кропот – выпорхнула Стелла. И далее они вчетве-

ром, делясь последней информацией, зашли в дом.

– Как только утром Веня мне показал Ваську, – раздеваясь, рассказывала девушка, – я тотчас вспомнила, что в конторе ещё в декабре приходила молодая женщина – Ксения Рузавина. Она в ноябре родила девочку, а нам всё жаловалась, что грудного молока у неё в избытке и его приходится сцеживать. Так я и подумала: а если попробовать женское молоко Ваське дать? Оно же универсальное и самое богатое на микроэлементы. Сходила к ней, рассказала всё. Ксюша сказала: «Конечно, конечно! Лишь бы помогло». И нацедила мне молочка.

– Попытка не пытка, – с сомнением вздохнула Лидия Николаевна.

– Стелла! Надо, надо дать это молоко Ваське! – с загоревшимися от вспыхнувшей надежды глазами выкрикнул Венька. – А где оно?

– Вот, – достала та из сумочки небольшой пузырёк.

В стеклянной ёмкости слегка колыхалась жидкость мелового цвета. Женское молоко, по сравнению с коровьим, по крайней мере визуальное, Кондрашова не впечатлило. Оно было жидковатым, с лёгкой просинью, и юноша про себя укрепился в типично мужском скепсисе относительно успешности эксперимента. В отличие от Веньки. Братишка был просто наполнен оптимизмом и отчаянной верой в светлый исход. Он мигом сбегал за Васькиным блюдцем и сейчас тянул руку к пузырьку:

– Стеллочка! Давай, давай я налью!

– Погоди, Венечка, – остановила его та. – Нам с Маришей Бурдин дал машину, и мы съездили в Ильск, в ветклинику. Поведали Васечкину историю. А там нам и говорят, что у кошек молоко обладает уникальными свойствами. А так как у Ночки котята были совсем маленькими, то от коровьего молока у них возникла закупорка и непроходимость кишечника. Потому Васе, прежде всего, надо поставить клизму. И нам одолжили специальную резиновую «грушку» и физиологический раствор.

С этими словами Стелла продемонстрировала микроскопическое «орудие производства». Она профессионально подогнула рукава кофточки и распорядилась в адрес Юрия и Веньки, по-братски одинаково тарасивших глаза:

– Мы с Лидией Николаевной идём мыть руки, а вы найдите Васю, приготовьте нам полотенце, тёплую кипячёную воду и мыльце.

– Йес, – с готовностью откликнулся младший Кондрашов.

Ослабшего котёнка Венька обнаружил под русской печью, где тот спал. Девушка привела Ваську в чувство, ласково и бережно его потормошив. А затем Стелла, эта дивная и неподражаемая посланница небес Стелла, сама сделала отнюдь не аристократическую процедуру беспородному котёнку Василию!

В этот момент в памяти Кондрашова, исподволь смотревшего на медицинские манипуляции, всплыла картина, когда

в сельской школе ученикам поголовно ставили профилактические инъекции в ягодицы. И Кропотов, тогда ещё девятиклассник, возмущённо орал на весь коридор: «Уколы?! Да ну их в задницу!»

Юрий же... Юрий бешено завидовал Ваське. Ах, если бы он хоть наполовину был столь же дорог для этого неземного создания! Ах, если бы она с ним была также нежна... Ну, разумеется, без этих глупых действий с «грушкой», унижающих мужчину.

Спустя четверть часа мурлыка маленький сходил по-большому. И Юрий впервые в жизни лицезрел, как две взрослые женщины умилялись над отнюдь не высокохудожественным процессом. А Венька? Так тот, чтобы не испугнуть рыженького лохмача, вообще тихонько шептал: «Ура! Ура! Ура-а-а!» Впрочем, Кондрашов-старший тоже порадовался. Но по-мужски сдержанно. Не дав чувствам проявиться в эмоциях.

Потом Стелла с Венькой сделали Ваське санобработку и подтащили к блюдцу с животворящей влагой. Тот упирался и вовсе не проявлял энтузиазма. Он нехотя глянул на предлагаемое ему меню, и вяло и равнодушно пискнул.

– Пей, глупыш, пей, – настойчиво подталкивала молодая опекушка подопечного к блюдцу.

– Пей, Вася, пей, – уговаривал котёнка и Венька, помогая Стелле.

Настырный Васька, как и всё Кондрашовское племя, ни

в какую не слушался, упирался лапками и, сверх того, недовольно шипел.

– Шипит ведь! – удивился Юрий. – Верный знак, что жить хочет. От горшка два вершка, тощее Кощея Бессмертного, а шипит.

– Попробуй, Васенька, – не отвлекаясь на комментарии, упорствовала девушка, и с третьей попытки окунула-таки мордочку котёнка в блюдце.

Васька опять зашипел по-гусиному, раздражённо отряхнулся и облизал язычком узенькую полоску губ. Самозванная мамаша, демонстрируя невесть откуда взявшиеся диктаторские замашки, продублировала силовые методы управления. Котёнок вторично облизнулся. Дальше дубли, как в кино, последовали один за другим. И где-то на «один/дубль-девять» Васька, совершенно непредсказуемо, сам проявил интерес к угощению. Он придвинулся к заманчивому блюду, принялся, отведал его на язычок, и..., в конце концов, принялся лакать из блюдца.

– Вот так да! – вырвался возглас у Юрия.

– Победа! Победа! – потрясая кулачками, шептал Венька.

– Вашего брата мы завсегда обкрутим, – засмеялась Лидия Николаевна.

– Тс-с! – строго приложила Кораблёва указательный палец к губам, пресекая тем самым гам, который мог напугать котёнка.

Васька же всё хлебал и хлебал молоко, пока не вылакал его

до доньшка. Вылизав блюдо досуха, он...запищал, прося добавки!

– Ну, нет! – теперь облегчённо улыбнулась и спасительница

рода кошачьего. – Много тебе, малышок, нельзя – плохо станет.

– Да-да, – подтвердила и Лидия Николаевна. – После такой голодной диеты необходимо выдержку сделать.

Рыжий озорник, догадавшись, что от суровой благодетельницы пощады ждать не приходится, прилежно облизнул остренькую мордочку, потёрся о ноги девушки, протяжно зевнул, и прямо у блюда завалился спать, выкатив набок своё чуточку округлившееся брюшко.

Венька преданно и влюблённо взирал на добрую волшебницу и готов был ползать перед ней и вообще выполнить любое указание королевы его сердца. Да и Кондрашов (стоявший чуть в стороне от всех) поражённый чудесным преобразованием, с немым восхищением взирал то на спасённого малыша, то на Стеллу, и восклицал про себя: «Живи, Васька! Живи, Детёныш Человеческий! Живи, да помни, кому ты обязан своим вторым рождением».

Вот на такой оптимистичной ноте завершалась спецоперация по спасению Васьки.

В последующие дни Стелла навещала Ваську и с «ассистентом» Венькой лечила котёнка. И так длилось до тех пор, пока у рыжего плутишки всё не наладилось, а процесс пищеварения не пошёл «самотёком».

Однако то было потом, прежде же, в день Васькиного «чудодейственного воскресения», Кондрашов проводил Кораблёву до хижины дяди Толи. В пути Юрий попросил у Стеллы прощения, они объяснились и помирились.

В небе вполне накала светил уже ночной полумесяц. Юрий в упоительном отдохновении вдыхал то ли морозный воздух, то ли аромат любимой женщины, а та, всерьёз войдя в образ лечащего врача, так же, как недавно Ваське, делала ему «воспитательную инъекцию».

– Юрочка, как бы ни сложились наши судьбы, – выговаривала ему Стелла, – мы должны бережно относиться друг к другу. Это сейчас такая редкость. Почти у всех на первом плане деньги, достижения, карьера и собственное «я». Люди не понимают, что сбережение души – главное. Недавно мне в журнале попала статья про Ханнелоре Шмац...

– Кто это? – спросил юноша.

– Немецкая альпинистка. В 1979 году она вместе с мужем Герхардом, который был руководителем экспедиции, совершила восхождение на Эверест. На обратном пути ей стало плохо, и она не смогла идти дальше. Её оставили в пятистах метрах ниже вершины. У каменной стены Каншунг. Другие группы, совершавшие восхождения в два последую-

щих дня, видели Ханнелору ещё живой. Потом она замёрзла. Никто ей не помог. Все альпинисты утверждают в один голос, что это невозможно в крайне суровых условиях высокогорья. Постепенно, за несколько лет, Ханнелору снесло ветром книзу и засыпало снегом. Теперь достоверно её местонахождение неизвестно.

– А этот...Герхард?

– Он благополучно спустился. В настоящее время живёт в Германии.

– Ни фига себе, муж!

– Кгм-кгм, – откашлялась Стелла. – ...Я не собираюсь кого-либо винить: у каждого свой выбор. Но часто думаю о том, что Ханнелора, быть может, до сих пор находится в состоянии анабиоза. Значит, её возможно спасти. И где-то в самой глубине её мозга бьётся ма-а-аленькая, крохотная клеточка, которая посылает импульсы: «Герхард...Герхард, где же ты?»

– Если бы в горах были мы, – ни секунды не раздумывал Юрий, – а у тебя вдруг иссякли силы, то я бы прижал тебя, и мы вместе уснули вечным сном...

Глава четвёртая

1

Февральским воскресным утром Юрий и Стелла вышли на зимнюю рыбалку. Виктор и Марина отказались от давно

задуманной затее по более чем уважительным обстоятельствам. Во-первых, в этот день семейство Кропотовых ехало свататься к семейству Шутовых. Во-вторых, студенток вызывали в университет по поводу дипломных работ. Потому вечерним автобусом они уезжали из Ильска в Среднегорск, а Марине надо было ещё успеть устранить недоработки в проекте.

Около десяти часов Юрий и Стелла выбрались за околицу села. Девушка изредка позёвывала и зябко передёргивала плечами.

– Н-да, ты не в восторге от...мероприятия, – посмеиваясь, оценил её состояние юноша.

– Вот любому отказала бы, – призналась Кораблёва, – а тебе не могу.

В обычный февральский день уже рассвело бы. Однако сегодня природа вытворяла чёрт-те что: снег валил с небес густыми хлопьями и завис плотной непроглядной стеной, которая неуловимо колыхалась в атмосфере и не отпускала сумерки. При полном безветрии и температуре, близкой к нулевой, осадки были подобны тяжёлому бархатному занавесу, который путникам приходилось раздвигать плечом. Воистину, получалось по рефрену популярной песни: такого снегопада давно не знали здешние места.

Юрий и Стелла брели по нетронутому массиву, распахивая его лыжами. Дороги не было перед ними, её не оставалось за ними, и оттого создавалось впечатление, что всё,

и даже время, подчинились незыблемости и неизменности пространства.

Сначала путники шли вровень. Но спустя километр паренёк вышел вперёд, а студентка пристроилась за ним. Лыжники держали курс на Каму более часа, но великая уральская река упрямо пряталась от них в замысловатых складках уральского пейзажа. Постепенно Кондрашову стало ясно, что он сбился с пути. Уставшая Стелла не вела уже с ним разговоров, и юноша улавливал за спиной только её сбитое дыхание. Периодически практикантка спрашивала:

– Юра, мы заплутали?

– Нет-нет, что ты, – поспешно успокаивал её зачинщик неудачной акции. – Потерпи немножко, пожалуйста. Скоро придём... Кстати, знаешь какими были последние слова Ивана Сусанина? – осведомился он, надеясь развеселить напарницу.

– Нет. Какими же?

– Где же эта проклятая дорога?!

– Спасибо, ободрил... – укорила его Кораблёва, которой было не до юмора. – Ты тоже, между прочим, учти, что в четвёртом или пятом колене нашего рода по линии мамы были поляки.

Впрочем, самому Кондрашову также было не до смеха. И он внутренне проклинал свою задумку. Однообразные окрестности и нечистая сила ещё с полчаса водили заблудшие души по кругу, прежде чем вывели их на старую ли-

нию электропередач. По ней замараевец сориентировался на местности, и они уже без проблем выбрались к Тёплому ключу.

Далее их связка, элементарно следуя вдоль ручья, вышла к Каме и ветхой рыбацкой избушке из давнего-давнего прошлого. На берегу, как спрогнозировал бы более или менее проницательный синоптик, было пустынно: ловить рыбку, пользуясь жаргоном рыбаков, «не климатило». Мало того, не наблюдалось и собак, которых плохой хозяин выгнал из дома.

Сбросив лыжи и войдя в лачужку, Стелла без сил плюхнулась на деревянный топчан и пожаловалась замараевскому аборигену: «Милый Ванечка Сусанин, я голодна-а-я-а, как волк! Да ещё насквозь промокла». В ответ туземец, сбросив с плеч рюкзак с рыболовным снаряжением и снедью, засуетился проворнее Фигаро. Вскоре железная печка-буржуйка потрескивала дровами, заготовленными впрок безымянными рыбаками, жадно поглощая хворост в своём чреве.

Пока юноша ходил в близлежащий лесок за сушняком, восполняя позаимствованные запасы топлива, Стелла навела порядок внутри облюбованного бунгало, а также на печи разогрела пирожки и шанежки, накануне выпеченные Лидией Николаевной. Кроме того в рюкзаке она обнаружила яблоки, конфеты и бутылку «Советского шампанского». Это уже была «домашняя заготовка» Кондрашова.

К возвращению дровосека на топчане была накрыта са-

модельная скатерть-самобранка, а печка отдавала сухим калёным зноем. В избушке стало тепло. Отсыревшая верхняя одежда обильно парила, и любители приключений развесили её на гвоздиках, в большом количестве вбитых в бревенчатые стены, пристроив туда же и лыжные ботинки.

Юрий откупорил бутылку с игристым вином, наполнил им складные охотничьи стаканчики, и провозгласил шуточный тост:

– За наше счастливое спасение и избавление от напасти!

– Так, мы, правда, заблудились?! – округлила глаза Стелла.

– Угу, – смущённо признался паренёк. – Но теперь всё позади.

– Идёт. За наше счастливое спасение! – упирая на слово «наше», приняла здравицу вторая сторона.

Они выпили. Вино, вероятно, крепко ударило девушке в голову, потому что, как заметил сотрапезник, глаза её по-особенному заблестели, а банальные остроты Кондрашова она сопровождала громким смехом. Наверное, сказала и усталость трудного перехода. Впрочем, наблюдателю о состоянии Стеллы не стоило и догадки строить, так как она сама приложила тыльную сторону ладони ко лбу и констатировала, полуприкрыв глаза: «Ой, Юрочка, я, кажется, опьянела».

Закусив яблоком, студентка предложила второй тост, пристально взглянув на юношу:

– За нас и за тех, кого мы помним и кто всегда в нашем сердце!

Инициатива была безоговорочно и с пониманием поддержана.

В рыбацкой хижине, между тем, воцарилась африканское пекло: печка исправно поднимала температуру воздуха, да и шампанское изнутри подогревало. Лицо Стеллы порозовело, на лбу проступили мелкие бисеринки пота.

– Господин Сквородин! – озорно произнесла она, обмахиваясь ладошками, точно веером. – У меня брюки и свитер насквозь промокли. Не осудите ли вы меня за то, если я их сниму и на гвоздиках развешу?

– ...П-пожалуйста! – едва не поперхнувшись конфетой, ответил Кондрашов, и в горле у него мгновенно пересохло.

– Тогда отвернись на секундочку, – скомандовала девушка.

Юрий послушно выполнил распоряжение.

– Всё, можно, – разрешила Стелла, выполнив задуманное.

Юноша принял прежнее положение и исподлобья провёл «рекогносцировку»: на Кораблёвой осталась безрукавная бежевая кофточка, из-под нижнего края которой, где-то там, в запретной зоне (на чём он не рисковал сосредотачиваться, улавливая нюансы периферийным зрением) чуть-чуть выставлялись белоснежные трусики. Кондрашов импульсивно отвернулся, словно током ударенный, и принялся кочегарить в печи.

– Вы, сударь, тоже промокли. Великодушно позволяю вам раздеться, – шаловливо, но без тени какой-либо двусмысленности, как умела только она, распорядилась практикантка. – Объявляется конкурс «Мини-бикини – 98».

«Сударь» беспрекословно и послушно, подобно детсадовской «малышке», вздрагивающими руками снял тренировочный костюм. Отныне его тело прикрывали футболка да плавки.

– Шампанского! – по-королевски повелела Стелла, капризно направив указательный пальчик на бутылку с напитком.

Кондрашов разлил остатки игристой жидкости по пластмассовым стаканчикам.

– За то, чтобы по три наших заветных желания исполнились, хотя мы ещё и не поймали золотую рыбку! – кокетливо провозгласила девушка.

– Лучше за одно, но совпадающее, – пробурчал Юрий, подправляя тостующую.

Стелла сделала вид, что не поняла поправки или пропустила её мимо ушей. Она поглощала вино не спеша, мелкими глотками, посмеиваясь над компаньоном по сегодняшнему предприятию, и вела себя всё более раскованно. Её же визави, напротив, закрепощался. Он не знал, как себя держать: поди, угадай, женские капризы, если ты не Казанова и не Дон Жуан, не Вольф Мессинг и не Дэвид Копперфильд.

– Юрочка! – внезапно прошептала Кораблёва, обведя из-

бушку шалым таинственным взором. – Тебя не охватывают предчувствия, что вместе с нами здесь незримо присутствуют души тех цыган?... Азы и Ноно? Ведь мы же в долине любви. Да и эта лачуга такая древняя.

– Охватывают! – принимая эстафету, подхватил её фантазию тот. – Я уже чу-у-ую, – завыл он не то на манер шаманского заклинания, не то злобного зимнего ветра в печной трубе. – Я чую-у-у, что дух Ноно вселился в меня!

– А в меня – мятежный призрак Азы! Я – Аза, ха-ха-ха! – захохотала с жуткими обертонами Стелла, сверкая в полутьме очами, подобно одичавшей кошке.

Она вскочила с лежанки и под собственный ритмичный напев принялась «откалывать» коленца из забытых танцев наших предков. В полумраке хижины отсветы пламени, пробивавшиеся сквозь щели затворки печи, причудливо отбрасывали на стены и потолок собственные блики, а также мятущиеся тени «реинкарнированной Азы». И в этой мизансцене Стелла и в самом деле была похожа на прехорошенькую молоденькую ведьму, внушавшую разом и мистический ужас, и чувственную страсть.

– Аза! Ноно с тобой! Йо-хо-хо! – со зловещим стенанием вступил в действие и Юрий, которого даже просквозило дьявольским морозцем сверху донизу.

Он выстукивал ритм поленьями, отчаянно шлёпал босыми ногами по земляному полу, отбивая чечётку и по-цыгански встряхивая плечами. Так они лихо наяривали на протя-

жении нескольких минут непонятную варварскую смесь из языческой пляски, кельтской джиги и падучей Святого Вита, пока Стелла не свалилась в приступе смеха на топчан.

– Ой, держите меня!... Сейчас, наверное, рожу кого-нибудь!... Ой, умора! – заливалась она. – Ну и рыбалка у нас... Увидел бы кто со стороны таких рыбаков!

– И не двое, а четверо, – в унисон ей скоморошничал Кондрашов, вытирая пот на лбу и присаживаясь рядышком с фантазёркой. – В нас же вселились Аза и Ноно!

Хмельной запал оставил шалунию столь же скоро, что и языки пламени, угасшие в печурке. Она смежила веки и сказала:

– Как голова кружится! Можно, я немножко посплю?

– Конечно-конечно, – освобождая место на лежанке, подвинулся юноша к самой стене.

– Юрочка, я тебе доверяю, – почти по-младенчески проронила Стелла, пристраиваясь поудобнее и укладывая голову ему на колени.

– Спи, Ёлочка моя, – вдруг вырвалось полушёпотом у Кондрашова.

Девушка в ответ из последних сил признательно провела пальцами по его кисти. И сей лаконичный диалог значил нечто большее, чем поцелуй для иных возлюбленных.

Сон моментально овладел проказницей. Кондрашов же затвердел сильнее кончиков ногтей. Снаружи он зачугунел сфинксом, охраняющим покой Нефертити, в то время

как внутри в нём всё бурлило. Трёхголовым змеем на него нагрянули Искушение, Желание и Соблазн, раздиравшие его сознание и вожделенно сулившие немислимые, нечеловеческие наслаждения. И юноша трижды склонялся над зачарованной красавицей, покушаясь на то, чтобы воровски похитить сказочное лобзание с её губ... Но всякий раз в его мозг властно вторгались недремлющие воспоминания о проступке в другой избушке.

Одолеваемый сомнениями и противоречивыми побуждениями, изнурённый получасовой борьбой, Юрий прислонил голову к стене. Постепенно звериный тонус мышц ослаб, и чугунный ступор покинул его. Кондрашов лишь на миг смежил веки и незаметно для себя...задремал...

Ох! В этом месте повествования в уши автора невольно вламывается возмущённый и донельзя оскорблённый бас Кропота, а равно дружный хор иных мужских голосов, уязвлённых в своей подлинно мужской святости: «Тюха-митюха! Слюнтяй! Размазня! Сопляк! Лапоть! Разиня!...Ему бы сиську мамкину сосать!...Кашу манную мямлить, а не штаны носить!...Пустьшку суньте ему!...Позор джунглям! Позор стае!» И даже более тонко разбирающиеся в нюансах человеческой психики женщины, наверняка, насмешливо поджали бы губы: «Ну, уж...Не находимся, что и сказать. Просто нет слов...». А Нонна Мордюкова, продолжая играть роль председателя колхоза из фильма «Простая история»,

обязательно изрекла бы: «Хороший ты парнишка, Кондрашов... Но не орёл!»

Впрочем, как знать, не исключено, отдельные критики и приняли бы во внимание тот довод, что для нашего героя оказалось неприемлемым уворовывание счастья по кусочкам, обглаживание его аки кости, брошенной оголодавшему верному псу. «Всё, или ничего!» – таков девиз, начертанный максималистски настроенной юностью, не приемлющей компромиссов. По крайней мере, кондрашовской юностью.

А что чувствовала героиня? Она сладко спала. Так сладко, как спала до того только с папой и мамой...

Первой от сладкой дрёмы очнулась муза Кондрашова. Она зябко повела плечами и прошептала: «Холодно!» Избушка и в самом деле выстыла. Оно и не мудрено, ведь «буржуйка» отдаёт калории строго в пределах того, «за что заплачено». Следом за Кораблёвой проснулся и её верный страж.

– Юрочка, который час? – поинтересовалась девушка.

– Половина четвёртого, – проинформировал тот, направив циферблат наручных часов к окошечку.

– Ой, скоро снова темнеть начнёт! – испугалась студентка. – Ты не забыл: нам с Маришей надо поспеть к вечернему автобусу.

– А как же рыбалка? – прозондировал настрой Стеллы юноша, подавая ей просохшую одежду.

– Вот уж, нетушки, как-нибудь в другой раз, – однозначно возразила Кораблёва. – Одеваемся – и на лыжи.

Когда они близ избушки надевали лыжи, девушка неожиданно задала вопрос:

– Юрочка, почему ты меня назвал Ёлочкой?

– Ёлочкой? – застигнутый врасплох, переспросил он. – ...

Ты как ёлочка на детсадовском утреннике: красивая, но колкая; случаемся раз в жизни, так и то притронуться нельзя.

2

Мудрецы, увы, излагают истину, когда утверждают, что в одну

и ту же реку нельзя войти дважды. Подлунное бытие текуще и изменчиво. Воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», – конечно, можно. А удержать его в памяти, в произведениях искусства, в фотографии – задача вполне реальная. Но зафиксировать действительное событие, вернуться к его истокам и пережить заново – затея непостижимая и для Всевышнего: он сам так устроил мироздание. Именно поэтому в обыденности деловые люди руководствуются приземлённым афоризмом «Ловите момент!» Прозевал миг удачи – и он пролетел мимо вас, рассекая пространство подобно метеору. И, не исключено, что подобие уникального шанса в вашей судьбе уже никогда не приключится.

Юного замараевца который час подряд неотвязно доставала мысль о том, что нынешним воскресеньем птица счастья коснулась его своим крылом, но он, растопырив «пятер-

ни-грабли», застыл на просёлке ершовским нерасторопным Иванушкой-дурачком. А ведь в жизни, как в принципиальном футбольном матче: не забиваешь ты – забивают тебе. И тогда незабитый стопроцентный мяч становится точкой отсчёта, влекущей поражение.

Именно так рассуждал Кондрашов, следуя в директорском УАЗике от Ильского автовокзала в село Нижняя Замаераевка. Только что он и Виктор Кропотов отправили в Среднегорск последним автобусом Стеллу Кораблёву и Марину Шутову. Там подружки решат в университете учебные проблемы, а во вторник вернутся обратно. И у одного молодого механизатора на определение судьбы останется шанс до ближайших выходных – ибо тогда закончится преддипломная практика его любимой женщины.

По приезде в село, УАЗик остановился на одном из перекрёстков. Из машины выпрыгнул Кондрашов и зашагал в сторону родного дома. Автомобиль поехал дальше, в гараж, где Кропотов ставил своего «горячего аргамака» на «ночной прикол».

На полпути намерения Юрия изменились. Его внимание привлекли окна клуба, мерцавшие далёкими электрическими огнями. «Вот так штука, – подумал он, – сегодня же репетиции нет. С кем это Лукин там? Наверное, ребята тусуются». И он импульсивно отправился туда. Юноша был слишком взвинчен, чтобы почивать у родительского очага.

В директорском кабинете народу было явно не густо. Там поздний гость обнаружил только двух полуночников: Аркадия Николаевича и... Нину Самохину! Они сидели по одну сторону стола и о чём-то секретничали, приклонив головы. Завидев неожиданного посетителя, дочка Властилины смешалась и отпрянула. Лукин же на его появление отреагировал хладнокровно:

– О, мой юный коллега! – хмельным тенорком театрально провозгласил он, простирая навстречу Кондрашову руки. – Какие люди в Голливуде! Проходи, проходи. Таким гостям всегда мы рады!

– Доброй... уже ночи! – поприветствовал их Юрий.

– А мы тут с Ниночкой наметили новую песню разучить, – пояснил ему заведующий клубом. – Муки творчества, так сказать.

– Ну, я побегу, Аркадий Николаевич, – поднялась из-за стола первая сельская красавица. – До свидания!

Самохина ушла. Паренёк тотчас пожалел, что «нелёгкая» занесла его «на огонёк»: во-первых, о чём разговаривать с подвыпившим Лукиным, во-вторых, он явно помешал уединившейся парочке. И ещё. Странно, но ему показалось, что Самохина также была подшофе.

– Да я, Аркадий Николаевич, пожалуй, откланяюсь, – сказал Кондрашов. – Я... Я ведь Кропотова искал, – соврал он.

– Нет-нет, пройди и сядь, мой друг, мой дом к твоим услугам! – высокопарным речитативом заговорил директор клу-

ба, ухватив визитёра за рукав и потянув его к столу. – Присядь и выпей за моё здоровье.

– Да что вы, что вы?! Я ж не потребляю! – поневоле впадая в актёрскую интонацию, с излишней аффектацией возразил юноша. – Важней всего – режим спортивный.

Дальнейший их диалог отчасти напоминал выдержку из шекспировской трагедии. Драматургия диалога была обусловлена тем, что стороны не нуждались одна в другой, но не знали как лучше и с наименьшими издержками отделаться от взаимного присутствия. При этом у Кондрашова создалось впечатление, что Лукин всячески старался заретушировать факт позднего посещения и поспешного ухода Самохиной.

– Присядь, присядь, а выпью я.

– Присяду я, но что вам в этом?

В процессе переклички Аркадий Николаевич успел достать из письменного стола бутылку красного вина, стаканы и прочую атрибутику холостяцкого застолья, знакомую Юрию с прошлого раза. Однако, имелось и отличие: вино было французское и очень дорогое. Да и сам Лукин был в новом с иголочки импортном костюме. Потому поздний визитёр не мог не отметить, что финансовое благосостояние кутилы необъяснимым образом улучшилось.

– Скажи мне, Юрий, милый друг, – постепенно переключался с речитатива на прозу заведующий клубом, – прости-тельна ли в любви измена?

– Даже и говорить об этом странно! – категоричен был тот.

– Эх, ты, молодо-зелено, – ухмыльнулся Лукин. – Как же тогда нам быть в случае с Тургеневым?

– При чём здесь Тургенев? – осведомился Кондрашов.

– А вот, Юра, разительный исторический казус. Ты не забыл, я на спевке как-то поминал про маститую оперную диву прошлого века Полину Виардо?

– Угу, – междометием подтвердил слушатель тот факт.

– Так вот, – даже бутылку с вином отодвинул на край стола Аркадий Николаевич, – возлюбленным у неё выпало быть не кому-нибудь, а самому Ивану Сергеевичу. И надо же было такому приключиться, что их жгучая страсть поэтапно переродилась в приязнь, а затем – в дружбу. Дружба меж мужчиной и женщиной – нонсенс. Неслыханность же заключалась в сногшибательном повороте их отношений: Иван Сергеевич по уши втюрился в ...дочь Полины Виардо!... Щас уж не скажу, то ли в Марианну, то ли в Клаудиу... А! Каково?!

В данной фазе изложения Лукин, не сдержав эмоций, выскочил из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, разминая руки с таким видом, словно это он только что бросил Виардо и готовился овладеть её чадом.

– А... А вы, часом, не привираете? – усомнился паренёк.

– И Полина, – не обратив внимания на реплику Юрия, воздел обе руки к люстре худрук, – поняла и простила-таки и Тургенева, и дочь. А Иван Сергеевич... Ох, до чего же обожал старый хрен женщин!... На смертном одре молил он лю-

бимую о том, чтобы его, почившего в бозе, молодая грешница покрыла напоследок собственным телом. С тем завещанием и канул в мир иной! Но прежде чем тело греховодника предали земле, его фатальное желание было свято исполнено!

Кондрашов, возвращаясь из клуба домой, переосмысливал разговор с Лукиным. И заново оценивал эпизод с тургеневской мужской нацеленностью на женщину. И его начал колотить крупный озноб. «Покрыла собственным телом! Покрыла собственным телом! – твердил он, как в бреду. – Покрыла собственным телом!» И у него аж мурашки зелёными крокодилами бежали по телу от слов, звучавших подобно заклинанию.

Отныне в юноше вызрела установка на то, чтобы решительно переломить ход событий в пользу любви; на то, чтобы завладеть стратегической инициативой раз и навсегда. И он, от нетерпения даже во сне отсчитывая каждый миг, стал ожидать приезда Стеллы.

3

Момент истины наступал неумолимо. Стелла Кораблёва и Марина Шутова, покончив с неотложными студенческими делами, возвращались в Ильск на рейсовом автобусе. Рейс выпал на середину буднего дня, и пассажиров в салоне по-

что не было. Потому ничто не мешало подружкам поделиться наболевшим. Марина рассказывала подружке подробности сватовства:

– ...договорились, что свадьбу сыграем после посевной. Сама понимаешь, что Витька такой мужик, которому нужно вешать хомут на шею, пока он не очухался. Мы и по производственной линии подкрепились: отец договорился с Бурдиным, что Витю от совхоза направят в сельхоз на заочку. В технике он разбирается. Федя-третий уже не тянет. И через годик моего муженька завгаром поставят.

– Как у тебя Мариша всё расписано, – порадовалась Стелла. – Ты молодец!

– Кораблик, ты-то уж десять раз могла быть «молодец», – в ответ попеняла ей подруга. – Чего к тебе в универе Эд опять подкатывал?

– Предлагал подбросить нас. Я наотрез отказалась.

– Стелл, зря ты мудришь. Эд – беспроигрышная лотерея.

– Мариш, ты, наверное, забыла, что сказал Лис Маленькому принцу?¹²

– Какой ещё лис? А-а-а... Ну и что же он сказал?

– Он сказал: «Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Эд, быть может, – недурной вариант, но моё сердце его не видит.

– И кого ж оно видит? Неужто этого салажню Юрку?

¹² * «Маленький принц» – аллегорическая повесть-сказка Антуана де Сент-Экзюпери.

– Пожалуйста, не говори про него так. Это славный и смышлёный глупыш. Он как Буратино своим наивным носиком тычется в меня, и я чувствую, как лёд вокруг меня тает, тает, тает...

– Стеллка, – приснула Шутова, – гляди, дотычется! У вас с ним хоть что-то было?

– Ну что ты! Он на меня смотрит как на деву Марию.

– Вообще, мы с тобой такие закомплексованные дуры ... Другие вон что вытворяют. Я тоже до поры терпела... И чё? Хуже я стала для моего Витеньки? Да ничуть не бывало! Вот и ты, возьми да и отломи себе и Юрке такого кайфа..., а наутро фью-и-ить, – присвистнула Шутова, – только тебя Замараевка и видела.

– Нет уж. Я так не могу, – закрыв глаза, категорично замотала головой Стелла. – Если я ему позволю, то заберу с собой в Среднегорск. Одного боюсь: чтобы вместо одного несчастья – в моём лице, в итоге не получилось два. Вот закончу универ – папину пенсию сразу отменят. Как сама-то ещё устроюсь – неизвестно... А Юрочка, мой хороший неиспорченный мальчишечка, не готов пока к семейной жизни...

Глава пятая

1

Если о депутате говорят, что тот пластичнее амёбы – это свидетельство крайней беспринципности политикана; его

готовности адаптироваться под какую угодно ситуацию, а если «правила игры» требуют того, то и «лечь под распоследнюю шлюху в кальсонах».

Если, оценивая акробатический трюк, зрители восклицают по поводу его исполнителя: «Невероятная пластичность!», то разумеют под этим способность гимнаста принять немислимую позу, «сложиться втрое», продемонстрировать невиданную гибкость.

Отклики завзятых театралов о невероятной пластике актёра имеют в виду дар лицедея, позволяющий тому через свою индивидуальность выразить практически любую человеческую натуру; способность перевоплощения в иной образ. В этом смысле великий актёр подобен аморфной массе, принимающей форму окружающей обстановки.

Теперь плюньте на перечисленные примеры, как на ничтожную величину в сравнении с пластикой женщины. В этом качестве она непревзойдённа. По текучести ей уступает даже вода. Ради достижения поставленных целей она, в зависимости от обстановки, просочится подобно едкому дыму либо божественному благоуханию через микроскопическую щелочку, пролезет сквозь игольное ушко, минует хитроумнейшую преграду, мимикрирует в любое существо.

Там же, где не обойтись без твёрдости алмаза, дамы, для реализации своих далеко идущих замыслов, ненавязчиво и обходительно прибегают к эксплуатации мужчин, используя их наподобие лома, тарана, стенобитного орудия. Это поз-

воляет феминам совершать свои проделки изящно и приятно, выходя из передраг причёсанными, прибранными, при макияже и с аккуратно почищенными пёрышками. А кавалеры-чернорабочие, на протяжении всей человеческой истории, в конечном итоге, лишь выполняют их заявочки и поручения.

Судите сами. Нет спора, что основоположником классического театра является великий Шекспир. Однако выполнил он данную миссию по женскому социальному заказу. Все знаменитые кутюрье (Коко Шанель – исключение, подтверждающее правило) – мужчины, да ведь щеголяют-то в их нарядах преимущественно женщины. Ну и что из того, что автор лучших вальсов – мужчина по фамилии Штраус? Ведь подвиг его на то слабый, но прекрасный пол. Вероятно, сию истину и постиг однажды очень и очень неглупый бородатый мыслитель, изрёкший приблизительно следующее: женские идеи, овладевшие мужчинами, становятся исторической материальной силой.

Немудрено, что и инициатором сотворения танцев (в целом) и балетного искусства (в частности) тоже явился главный эротический стимул вселенной. Сударыни придумали его явно для сугубо женских дел. Если человекообразные производители церемонию ухаживания ещё с пещерной эры стихийно тщатся свести к минимуму (буркнул очаровательной незнакомке пару нечленораздельных мычаний, как Герасим Муму, – и затащил в кусты), то дамы и танцевальные

па тоже заставили служить тому, чтобы гедонистический церемониал ухаживания растянуть до целой возвышенной романтической увертюры.

Скажите, ну где ещё возможно так скрытно и интимно, и в тот же самый момент – открыто и публично, «препарировать» вдоль и поперёк подопытного джентльмена, вызвавшего у фемины интерес? Да исключительно в танце! Воздушное кружение и порхание – предпосылки к тому, чтобы, как бы мимоходом и невзначай, без всяких осложнений и последствий, изучить интеллект и находчивость кавалера, ощутить свежесть его дыхания, проверить наедине (и это при всех!) магнетическую силу его притягательности либо отсутствие таковой, а также прощупать и прозондировать, и очень тщательно прозондировать (увы и ах!) длину, толщину и прочие параметры его... кошелька. Понравилось – к вашим услугам второй тур вальса, танго, фокстрота... И знакомство углубляется и углубляется. Не понравилось – спасибо и до свидания. Ну, а коли дуэт дамы и кавалера на протяжении трёх туров кряду сливается в едином порыве, значит, танец выполнил главную свою функцию.

Кассету на портативном магнитофоне давно перевернули на обратную сторону, а Юрий беспрерывно кружил и кружил Стеллу в незамысловатом фокстроте. Сегодняшним февральским вечером в домике молодых специалистов устроили мини дискотеку. Но танцпол был без спиртного, ибо ран-

ним утром следующего дня Кропотов с Бурдиным уезжали в Среднегорск.

После нескольких танцев в общем кругу, Марина утащила Виктора в кухоньку, благодаря чему Юрий и Стелла, уединившись в комнатке, в танцевальных ритмах проплыли расстояние, равное морскому переходу Магеллана. И ни у юноши, ни у девушки не возникло желания «сойти на берег». Они шутили, строили планы на будущее, болтали о котёнке Ваське и о других недавних событиях, что принадлежали им двоим.

– Юрочка! – как-то особенно любезно произнесла Стелла, когда они в ритме танго миновали, вероятно, уже мыс Горн или Огненную Землю.

И Кондрашов незамедлительно ощутил, что его сердце среагировало на зов бурными сокращениями, разогнавшими молодую и горячую кровь мощнее, чем торнадо вздымает волны Карибского моря.

– Да?! – вздрогнув, откликнулся он.

– А когда мы с тобой поссорились, ты обо мне думал?

– Угу. Я гнал мысли о тебе прочь, а они всё равно лезли и лезли в голову. И проникали, когда я спал.

– И тогда, что?

– Сказать?

– Обязательно!

– Но это было тогда... Когда был разлад...

– Я поняла...

И юноша, чуточку откашлявшись, смущённо признался ей доверительным полушёпотом:

Меня ты любишь лишь во сне,
Едва смежает ночь ресницы,
Тогда являешься ко мне,
И сладко снишься, снишься, снишься...

Приходишь, свежестью дыша,
Улыбкой девичьей чаруя,
Взлетает ввысь моя душа,
И ждёт с надеждой поцелуя.

Я свято верю в тот обман,
Любуясь призрачною тенью,
К утру рассеется туман,
И ты исчезнешь, как виденье.

Но ночь ты проведёшь со мной,
Я утолюсь частицей малою,
Ты станешь феею лесной,
А я – Иванушкой Купалою.

Жаль, наяву при встрече ты,
Не примешь трепетных признаний,
И, как всегда, сожжёшь мосты

Для исполнения желаний.

Коль милой всех надежд лишён,
Раз в мире этом я – приبلуда,
Легко уйду в последний сон,
И не вернусь уже оттуда.

Так не зови же слабаком:
Мол, от невзгод сбежал нарочно...
Тебя я в мире жду ином!
Где ты моею будешь точно!

Партнёрша по танцу, воспринимая строки своего поклонника, обожгла его энергией громадных очей, синева которых потемнела, как Чёрное море перед штормом. Кондрашов близко-близко увидел её, беспредельно распахнувшиеся зрачки,дохнувшие бездонностью пучины Марианской впадины. И ему почудилось, что он – новичок-скалолаз, уцепившийся кончиками пальцев за неверный выступ утёса, и потому соскальзывающий в пропасть.

И прежде такая недосыгаемая небожительница вдруг сама порывисто прильнула к нему и легко коснулась своими губами его губ. И юноша, ощутив медовую упругость холмиков Стеллы, пьянящий аромат её дыхания, ответно склонился к лицу любимой...И впервые в жизни поцеловал любимую женщину...И ещё...И ещё...И с каждым поцелуем самая же-

ланная на свете девушка прижималась к нему всё сильнее, а дыхание её учащалось и учащалось...

Внезапно Кораблёва пришла в себя и отстранилась.

– ...Извини меня, Юрочка, – проговорила она. – Я не могу так... Мы же не одни...

– А...А пойдем к нам, – набравшись духа, предложил юноша.

– К вам? Как...к вам! – испугалась студентка. – Там же Лидия Николаевна...Веня...

– Мама уехала на свиданку к папе, – успокоил её Кондрашов. – На целых три дня. Венька спит...

– Правда?

– Правда!

– Подожди, – отступила от него на шаг Стелла, обхватывая пылающие щёки ладонями. – Дай прийти в себя. Я точно во хмелю! Ничего не соображаю...Хорошо, мой милый мальчик, пусть будет по твое-му-у-у...

Оказалось, что Кораблёва не случайно по-песенному растянула своё женское согласие, потому что в этот самый момент входная дверь распахнулась, и в избушку вошёл...Эдуард Хорин...

– Здра-а-а-авствуйте! – громко произнёс он, стараясь перекрычать магнитофон. – Извиняюсь, я стучал-стучал, но никто...ничего...

– ...Оба-на! – с некоторой задержкой и с произвольным

восклицанием ответил ему лишь Кропотов, ибо остальные промолчали.

Кондрашов убавил громкость звучания музыки. За перегородкой на кухоньке с шумом сдвинулась табуретка – это Марина развернулась в сторону вошедшего. Стелла инстинктивно отодвинулась в сторону. И никто из хозяев хижины дяди Толи не произнёс ни слова.

– Вот, – неловко изобразил улыбку горожанин, – не-е-е... незваный гость...

– Да... уж! – зычно крикнул Кропотов.

В руках Хорин держал тяжёлую стильную сумку, и когда переступил с ноги на ногу, большая стопа у него подломилась, и он едва не упал, ухватившись свободной рукой за перегородку. Поза у него была крайне неудобная, и он стал медленно оседать, опрокидываясь назад.

И этот момент решил всё...

Кораблёва оказалась не в состоянии невозмутимо созерцать, как падает человек. Она первая подбежала к Эдуарду и поддержала его. Следом подскочили прочие наблюдатели. Виктор, ухватив приезжего за плечи, мощным рывком поставил его на ноги. Юрий подхватил сумку, а Марина подвинула табуретку.

– Вот, – стыдливо скривился визитёр. – Я же хромой...

– Да ладно, чего там! – воскликнул отходчивый Кропотов. – Садись, гостем будешь.

– Я же это... Зае-заехал извиниться за п-прошлый раз, –

пояснил Хорин, опускаясь на табуретку.

– Вот это по-нашему, – одобрил совхозный водитель. – Был неправ, скажи: больше не буду.

– Больше не буду! – словно маленький ребёнок повторил его собеседник.

И все засмеялись, несмотря на напряжённость ситуации. Даже Кондрашов вынужденно хмыкнул, возвращая сумку владельцу. И когда он ставил поклажу на пол возле Эдуарда, в ней звякнула какая-то стеклянная тара.

– Ого! – реактивно насторожился Виктор. – Бренчит?

– Йес¹³, – подтвердил Хорин. – Для окончательного замирения.

С этими словами он расстегнул замок-молнию на сумке и стал выставлять на кухонный стол содержимое. Через пару минут там красовались: большой флакон «Хеннесси», бутылка шампанского от винного дома «Луи Родерер», настоящий твёрдый голландский сыр и дорогой бельгийский шоколад.

Кропотов ожесточённо потёр руки и оперативно выставил три стопки – для мужчин, и два стакана – для девушек.

– Ви-ить! Тебе же нельзя, – попробовала было возразить Шутова.

– Я только на пробу чебурахну, – чмокнул её в щёчку тот. – Три

дринька – и полная завязка. Слово пацана.

¹³ * Yes (англ.) – да.

– Ну, тогда и мне чуть-чуть шампанского, – махнула рукой Марина.

Кондаршов и Кораблёва, вопреки уговорам, от угощения наотрез отказались. Но к столу подсели – замирение всё же.

– За союз города и деревни! – произнёс явно заготовленный тост

заезжий гость, и выпил из стопки до дна.

– Принято! – последовал его примеру Виктор.

На кухоньке вновь нависло натянутое молчание. Сложнее всего было Хорину, который определённо чувствовал себя не в своей тарелке. И он пытался снять собственную зажатость при помощи алкоголя.

– Целый день на ногах. С у-у-утра ни маковой росинки во рту, – пожаловался Эдуард и, спешно принимая новую дозу горячительного, закашлялся.

Кропотов попытался было вновь наполнить свою стопку, но его намерения решительно пресекла новоиспечённая невеста.

– А сыр-то...того...воняет, – нехотя закусывая импортным продуктом, поделился впечатлениями Виктор.

– Пахнет, – поправил его нежданный собутыльник, отправляя третью порцию коньяка внутрь. – Спе-е-ециальный сорт.

Таким вот образом на протяжении четверти часа вяло, скучно и непафосно тянулась беседа шофёра с предпринимателем, которую изредка поддерживала Шутова.

После первого тоста, как стала говорить часть россиян в ельцинскую эпоху, «Хеннеси» Хорин «пил в одного». Причём пил много и практически без какого-либо перекуса. Но избавиться от стеснённости одним лишь спиртным проблематично, если тебя не приемлет окружение. И вместо раскованности у него появилась раздражительность.

Физиономия Эдуарда покраснела, как у рака, брошенного в кипяток; очки сползли на переносицу, и он приобрёл сходство с Пьером Безуховым в исполнении Сергея Бондарчука в фильме «Война и мир».

– К нам-то какими судьбами? – досадливо понюхав пустую стопку, осведомился совхозный шофёр у предпринимателя, чтобы как-то поддержать разговор.

– Дела, – неохотно пояснил бизнесмен, будто раздумывая, насколько целесообразно посвящать компанию в такой вопрос. – Интервенция капитала.

– Это как? – удивился Виктор.

– А-а-а... Ругать не будешь?

– Я ругаюсь только с похмелья, – успокоил Хорина Кропотов.

– Я ж ра-а-сказывал в прошлый раз про Безматерных... Так вот – сегодня под моё начало перешёл хлебозавод. Он жаловался на меня и в антимонопольный ка-а-амитет, и в суд, но везде – от ворот поворот. А че-чего он ждал?! У нас же правовое государство. Судят, как и должно быть.

– Эфиоп твою мать! – огорчился Кропотов от такой ве-

сточки. – Жалко. Бля...ха муха! Судят у нас, может, как и должно быть, а...только так быть не должно! Своих да наших не обидят. Вон, взять хотя бы Казимира Самохина...

– Самохина? – аж вскинулся Хорин.

– А чё? Часом, не знаком?

– Хым...Да меня сегодня ваш районный глава свёл с ним.

Прикидываю его на место ме-менеджера.

– Тебе, как бы, виднее..., – внимательно посмотрел Виктор на Хорина и скривился, словно снова понюхал сыр. – Одначе я прямо скажу: тварь порядочная твой Казимир. Всего один пример. Вот распустил он своего полкана вислоухого...Ну, кобеля. А кобель с месяц тому назад напал на...

И в этом месте повествования Кропотов поперхнулся слюной, увидев, как нахмурилась Стелла.

– А...а то год тому назад, – оперативно переориентировался совхозный шофёр, – этот полкан напал на дитё. За то Казимиру по полной и накатили, да прям по харьковской области...

И в этой части речи Виктор опять осёкся, бросив взгляд на Юрия, так как сообразил, что некстати завёл речь о его отце.

– Как это накатили? Кто? – поправил очки заинтригованный горожанин.

– Да...наш, местный..., – злясь на собственную бестолковость, заканчивал монолог Виктор. – Тоже настоящий мужик. Суд ему срок припаял, а Самохину – хоть бы хны...

– А как он хотел, этот ваш местный?! – вступился за

«своего» Казимира оппонент совхозного шофёра. – Собак, понятно, надо держать по правилам. Но мордобой устраивать... Это стиль сэсээровских совков и ватников. Хамло – этот ваш местный, скажу я вам! – авторитетно резюмировал Хорин.

И лихо осушил до дна очередную стопку. Но по выражениям окружающих лиц понял, что его морализаторство пришлось не ко двору. На кухню опустилась какая-то гнетущая тишина.

И это тревожное безмолвие объяснимо прервал Кондрашов. Он поднялся с табуретки и, наклонившись через стол близко-близко к Эдуарду, немигающе глядя прямо ему в глаза, спросил:

– А известно ли тебе, господин хороший, что этот местный – мой отец?

– Т-твой отец? Н-нет, – растерянно ответил хороший господин.

– А известно ли тебе, что отец заехал Казимиру по харитону за гнусные и подлые проделки? – продолжил наседать на перспективного предпринимателя деревенский тракторист.

– М-может быть..., – осознав, что попал в переплёт, вынужденно отступал незванный гость. – Но мор-мордобой же...

– А известно ли тебе, – не особо вслушиваясь в ответы, перебил его Юрий, – что за оскорбление рыло чистят?

– Рыло чистят? – словно не веря в происходящее, повторил за ним Эдуард, и его физиономия приобрела изумлённое

и беспомощное выражение: как у Пьера Безухова, когда тот узнал об измене Элен.

– Так вот, во избежание, так сказать, эксцесса, – чеканил фразу деревенский тракторист, – предлагаю тебе принести извинения.

– И-и-извинения? Мне? – тяжело входил «в тему» сын небезызвестного в Среднегорской области человека.

– И побыстрее...

– Да... Да ты, ваще, па-а-анимаешь, с кем т-ты дело имеешь?! – дошло, наконец, до статусной особы.

Заезжий гость, пошатываясь, стал вставать с табурета, и тут стало очевидно, что он крепко захмелел.

– Я жду, – сузив глаза, в ультимативном тоне произнёс сельский механизатор.

– Пф-ф... Ещё чего! – со шляхетской заносчивостью ответил ему соперник. – Мор-мордобой – это быдлятина...

Резкому в поступках Кондрашову не нужно было говорить дважды, и он, чуть отклонившись назад, нанёс пощёчину Хорину. Это была бы хор-рошая оплеуха, если бы Марина, до того пытавшаяся урезонить ссорящиеся стороны, не дёрнула в последний момент Юрия за плечо. Оттого удар пришёлся по очкам Харина, которые улетели в угол кухоньки, ударившись о стену с такой силой, что линзы разбились вдребезги. Без них лицо Эдуарда приобрело какой-то особо сиротливый вид, а от осмысления того факта, что его бьют, он и вовсе стал похож на Пьера Безухова, узнавшего о своём

внебрачном происхождении.

После этого в избушке поднялся дикий гвалт. Орала почти все разом. Знатный бизнесмен (на удивление – без всякого заикания) вопил, что он эту навозную Замараевку и её вшивых жителей размажет по стенке. Кондрашов рвался к Хорину, выкрикивая, что городской пижон его уже достал. Виктор и Марина, разнимая их, соответственно рычали и кудахтали про то, что пора кончать кипеж.

А вот прекратила сей безобразный галдёж Стелла. Она негромко, но с внезапно прорезавшейся властностью сказала Кропотову и Шутовой, чтобы они отпустили «этого», назвав так Юрия. И столько презрения было в её голосе, что Кондрашов разом опомнился. Едва он утихомирился, следом за ним и буча тотчас прекратилась.

– Разве не ясно, – спросила Кораблёва, немигающе глядя прямо в глаза юноше, как несколькими минутами раньше он сам смотрел на Хорина, – что вольно или невольно, но своим поведением ты... подыгрываешь Эдуарду? Хорин и без того сам себе уже вынес приговор. Но это не основание бить человека по лицу. Так поступают... только невежи.

– Ах, вот ты как..., – начал было горячо возражать ей замараевский правдолюб, готовый выдать правду-матку по полной программе. – Да я за батю!...

Но его, едва зародившаяся эпатажная эскапада, оборвалась столь же стремительно, сколь и началась. Всё же урок первой размолвки с любимой женщиной пошёл ему впрок.

И он замолчал, до крови изнутри прикусив губу.

Все затаили дыхание, как в финальной сцене пьесы «Ревизор». Тягостную паузу не прерывал никто довольно долго. Пока сам же Юрий её не нарушил. Он закрыл глаза, как обиженный ребёнок, которого поставили в угол, и горько-прегорько проронил, адресуя свой месседж Стелле: «Я всё понял. Выходит, и для тебя я – ватник и хамло».

Затем он резко развернулся, схватил с вешалки одежду и, выходя наружу, напоследок так хлопнул дверью, что та, ударившись о стену, отпружинила в обратную сторону и едва не слетела с петель.

Оказавшись на улице, Кондрашов увидел, что возле дома припаркован хоринский «джип» серебристого цвета с редким «перламутровым» отливом. Проходя мимо, юноша хотел пнуть по машине, но сдержался, ограничившись брезгливым плевком.

Шагая к дому, юный тракторист настолько был погружён в переживания, что практически не замечал ничего вокруг. Этим «воспользовался» давний враг Кондрашовых. Когда Юрий вышагивал вдоль забора особняка Самохиных, его неожиданно-негаданно из подворотни облаял волкодав. Причём проделал это так свирепо и изошрённо, что паренёк в испуге козлом подпрыгнул высоко вверх.

Разумеется, «отверженный» не знал, что после его ухода Кораблёва жёстко «ставила на место» уже Хорина, который

порывался позвонить по сотовому телефону «кому надо и куда надо». Она осадил «папенькина сыночка», резонно заявив, что тот сам спровоцировал скандал, что он единственный из компании – пьяный, а давать показания в его пользу никто не станет. И Эдуард сник.

Поскольку без очков среднегорский мажор мало что видел, Стелла, напоследок чуть смягчив тон, сказала ему: «Эд, я тебя прошу, успокойся и ложись спать. Тем более, что тебе к этому не привыкать».

Резюме прозвучало обидно. Но, как ни странно, именно такая тональность утихомирила Хорина.

2

Стрелки будильника показывали начало второго часа ночи, а Кондрашов нескончаемо бился в постели, терзаемый противоречивыми побуждениями. С одной стороны, его непрерывно мучила обида за отца, которого Хорин оскорбил. С другой стороны, ему из раза в раз, помимо его воли, вспоминался эпизод, когда он целовал Стеллу...И тут этот Хорин...От досады юноша даже стонал: счастье было так близко!

Кроме того, Кондрашова мучило такое одиозное и варварское чувство, как ревность. Его вдруг посетило прозрение, что без него Шутову «сплавили» к Кропотову или к родителям в Ильск, а Кораблёва и Хорин тем временем в хиж-

не дяди Толи предаются грязным плотским утехам. Хотя в сексуальной области Юрий был абсолютный дилетант, в его пылком воображении «рисовались» такие позы, что и создатели «Камасутры» остолбенели бы.

План действий вызревал в юношеском воспалённом сознании поэтапно, и к двум часам пополуночи сформировался целиком.

Рывком отбросив одеяло, прожектёр встал, убедился, что Венька спит, оделся и вышел во двор. Из тайника в сарае он взял патроны и двустволку, пристроив её в разъёмном виде под старой и просторной отцовской курткой. Нет, он вовсе не собирался убивать «прелюбодеев». В отношении этой четы проект возмездия был куда как прозаичнее. Оружие «замараевскому командос» было нужно для другой цели: чтобы доказать напоследок Стелле, что он человек слова.

Первая очередь его шпионского маршрута лежала к домику практиканток, но попутно он намеревался завернуть в совхозный гараж. И влекли его туда вопросы отнюдь не производственные. Он пробирался туда за отработанным тракторным маслом, которое механизаторы сливали в старый бак.

От своей бабушки, когда она была жива, Кондрашов слышал, что прежде, во времена её молодости, существовал обычай пачкать дёгтем ворота дома той девушки, что не блюла девичью честь до замужества. Таким образом позорили нечестивицу на миру. Времена изменились: в конце века

двадцатого дёгтя было не сыскать и в глухих деревнях. Ну, да не беда – неплохо послужит и масло.

Приблизившись к зданию гаража, Кондрашов выждал, когда из котельной вышел сторож-кочегар Тряхин. Тот потащил в металлическом корыте угольный шлак из отопительного котла к отвалу. И лазутчик, пробираясь за рядами стоявшей на дворе техники, крадучись юркнул внутрь. Юноша знал привычки Ефимыча, который возле отвала непременно станет курить, так что для реализации замысла у него был достаточный срок.

В мастерских паренёк шустро зачерпнул в банку масла и поспешил к выходу. Благополучно миновав территорию гаража, Кондрашов воровато оглянулся на выходе. И вздрогнул, ибо неподалёку замаячила фигура возвращавшегося Тряхина – тот мог заметить его.

«Диверсант» взял курс на окраину села, стараясь двигаться неосвещёнными местами. Вот и хижина дяди Толи. Странно, но избушка не была погружена во мрак разврата, из которого доносились бы надсадные сладострастные стоны. Напротив, окна комнатки светились.

Ревнивец поставил банку на снег, а сам прокрался к окну. Через незаиндевевший уголок стекла он увидел Хорина, лежавшего на кровати Шутовой и подслеповато уставившегося на стену. В уши Эдуарда были вставлены наушники, а на груди лежал какой-то небольшой прямоугольный приборчик. По-видимому, горожанин слушал музыку, так как пра-

вая его рука отбивала ритм.

Замараевский Отелло обогнул домик, залез на завалинку с другой стороны и запустил бессовестный взор в окошко, через которое было видно спальное ложе Кораблёвой. Кровать Стеллы оказалась пустой. Кроме Хорина в избушке никого не было.

Обрадованно переведя дух, Юрий вернулся за банкой. Замысел его скорректировался соответственно обстановке. Поскольку «падших нечестивцев на месте соития» он не застал, то юноша выплеснул масло на капот автомобиля, после чего скрылся в темноте ближайшего переулка.

Вторая очередь маршрута привела его к самохинскому коттеджу. Туда Кондрашов пробрался, соблюдая предельную бдительность: нельзя было спугнуть чёрного кобеля. К воротам особняка парень подкрался с уже собранным, заряженным и взятым наизготовку ружьём. К его удивлению волкодав не поднял залиvistый лай, не бросился к забору, а лишь негромко рычал из конуры. И на подстрекательский стук чужака по забору активно не реагировал. Должно быть, чуяла псина недоброе.

Из-за такого поведения собаки события принимали непредвиденный оборот, однако отступать было некуда. И Кондрашов решил стрелять дуплетом в тёмный проём будки, чтобы наверняка поразить четвероногую гадину.

Слившиеся воедино выстрелы прозвучали громче залпа

«Авроры». А предсмертный собачий визг резанул Юрию не только уши, но и душу. Он и не предполагал, что громадный злобный цербер может быть мелкой беспородной шавкой. И этот душераздирающий плач звучал внутри него и тогда, когда он затворил за собой наружную дверь сеней и плотно захлопнул тёплую дверь дома, с головой забравшись под одеяло.

Забылся Кондрашов только часа в четыре, камнем канув в царство Морфея. Ему снилось, что они со Стеллой бредут по поляне, сплошь усеянной невинными и чистыми подснежниками. Его любимая собирает цветы в охапки, осыпает ими его, смеётся и мелодичным колокольчиком вызванивает: «Ю-ро-чка-а-а! Неужели счастья бывает так мно-о-ого?!»

3

Бывает так, что происходящее во сне воспринимается как явь. И случается наоборот: действительность оборачивается дурным сном, который длится, длится и длится...

Кондрашову чудилось, что Хорин безостановочно бьёт его бутылкой «Хеннесси» по макушке, и удары гулко отдавались у него в голове: «Бум-бум! Бум-бум!». Юрий с трудом разомкнул отёкшие веки и, услышав непонятный грохот, спросонок подумал, что таким образом кто-то его будит на работу. «Что?! Проспал?!» – вскочил он с кровати, запрограммированно схватив будильник, чтобы утопить кноп-

ку звонка. Ан нет, будильник мерно «тикал», а стрелки его показывали пять тридцать утра.

И только тут до юноши дошло, что в их дом кто-то стучится. Да что там стучится! Самым настоящим образом ломится! Стены натуральным образом ходили ходуном и содрогались, словно началось землетрясение. Неведомое окружение барабанило отовсюду: в двери сеней, в окна кухни, гостиной и детской комнаты. Даже на чердаке кто-то ходил. «Бандиты! – туго соображая, предположил Юрий. – Ах, ч-чёрт! И двустволка, как назло, в сарае!»

Он напряг слух и сквозь тарарам разобрал голоса неизвестных, которые требовали их впустить, выдавая себя за милиционеров. Проснулся и Венька. Он сел в постели и с округлившимися глазёнками, что было заметно и в темноте, воспринимал происходящее.

– Ю-ур! Юра!... Это чё такое? – наконец испуганно спросил он. – Война, да? Бомбят?!

– Х-ха... Придумаешь, тоже, – принуждённо изобразил насмешку старший брат. – Насмотришься разных «Терминаторов»... Не бойся... Сиди. Щас разведем.

Он вышел в сени и ломким баритоном выкрикнул:

– Кто там? Чего вам надо?

– Милиция! – мгновенно перестав тарабанить в дверь, ответил невидимый мужчина. И сурово предъявил ультиматум: – Откройте! В противном случае имею приказ ломать двери и применять оружие!

– Юра, там, на дороге машины стоят! – задышающимся шёпотом сзади подсказал ему Венька.

Кондрашов в два прыжка заскочил в дом и метнулся к окнам, выходящим на противоположную сторону. Прильнув к стеклу, он разглядел, что на дороге и на «пяточке» перед их оградой сгрудились три автомобиля – все с «мигалками» и характерной жёлто-синей раскраской кузовов. На корпусе одного из них читалась надпись «ГАИ».

Юрий поспешил в сени, осада которых возобновилась, прогнал в дом брата и прокричал противнику, находившемуся по ту сторону надёжной деревянной преграды:

– Вы кто будете?

– С вами разговаривает начальник уголовного розыска Соловков, – ответил суровый бас. – Немедленно отойдите, или мы применим оружие.

– Что вам нужно? – попытался завязать диалог осаждённый. – Вы ошибаетесь. Это ... Это недоразумение!

– Нам нужен Юрий Кондрашов. Вы Кондрашов?

– Да... Я Кондрашов.

– Юрий?

– Да... Юрий.

– Предупреждаю последний раз: отпирайте! Или через десять секунд мы начинаем штурм. Вина за возможные последствия целиком ляжет на вас!

На крыльце раздалось бряцание металлических предметов. Старший, вспомнив про младшего брата, обескуражен-

но пожал плечами и отодвинул засов.

В сей же миг дверь распахнулась от резкого рывка, а Кондрашова ослепил яркий сноп света фонаря. Сразу несколько согласованно действующих рук властно схватили его за предплечья и кисти, а всё тот же незримый бас уточнил: «Кондрашов Юрий?» Юноша едва успел кивнуть в подтверждение, как на его запястьях защёлкнулись наручники.

В сени и в дом ввалилась масса людей в форменной и в гражданской одежде, а один даже с овчаркой. Часть из них расплзлась серой текучей массой по жилищу, часть по двору и хозяйственным постройкам, а начальник уголовного розыска предъявил Кондрашову удостоверение и приставил к нему двоих ломового вида субъектов. Те, посекундно погоняя, дали ему кое-как одеться, и, не мешкая, надели стальные оковы обратно.

С Венькой остался участковый милиционер, а задержанного, не реагируя на недоумённые расспросы, поволокли на улицу. Там его подтащили к УАЗику и затолкали в задний отсек с зарешёченным окошечком.

4

Порой монотонный год ничего не меняет в биографии, а иногда

минуты круто меняют его участь. И четверти часа не истекло, а

Кондрашова уже заводили в дежурную часть Ильского от-

дела внутренних дел. Невероятно стремительное коловращение событий до того заморочило Юрия, что для посторонних он выглядел желторотым птенцом, от головокружения выпавшим из родного гнезда. И попадись он в таком виде Кропотову, тот определённо обронил бы подтрунивающе: «Закрой варежку, чудила!»

– Мы щас дёрнем обратно, на место происшествия, – сказал дежурному по ОВД один из верзил. – А чего с этим делать, – показал он на задержанного, – решит следак, как придет из Замараевки.

– А покуда откатай у него пальчики, и – в обезьянник, – покидая помещение, распорядился другой верзила.

Вопреки ожиданию, оторопевшего Кондрашова, после того как с него сняли отпечатки пальцев, сотрудники милиции не поместили в клетку к павианам, не повели в зоопарк, за неимением такового в райцентре, а элементарно засунули в обыкновенную каменную каморку. Длина и ширина камеры почти совпадала с габаритами двери, ведущей в неё. На двери имелось маленькое зарешёченное окошечко. Через него даже лицо дежурного было «в клеточку».

Осмотрев свою новую обитель, Юрий сообразил, что это и есть «обезьянник». Потому, соответственно своему «зоологическому статусу», мстительно скорчил нечто похожее на «рыло гамадрила» капитану, расположившемуся за большим пультом.

Каморка в виду малых размеров позволяла либо стоять

навытяжку, либо сидеть на приколоченной к стене лавочке. Пытаясь сохранить присутствие духа, обитатель «обезьянника» философски размышлял о том, что вне зависимости от того, предпочтёт ли он стоять на вытяжку или сидеть вразвалку, официально всё равно будет считаться, что он сидит. И потому он «развалился до разложения». В смысле присел. Да так, что заядлые двоечники с последней парты позавидовали бы фривольности его позы.

Впрочем, на космонавта Кондрашов явно не потянул бы, ибо испытание одиночеством истощило его терпение очень скоро.

– Товарищ капитан! – не выдержав, обратился он к дежурному. – Объясните, пожалуйста, за что меня забрали.

– А! Что?! – вздрогнул от неожиданности офицер, устало задремавший на исходе дежурных суток.

– За что меня забрали, товарищ капитан?

– Бы-блин! – выругался милиционер. – Ты чё бакланишь? Тебя посадили? Вот и сиди! «За что, за что...», – проворчал он. – Было бы за что, вообще бы расстреляли! Понял?

– ??? – потеряв дар речи, немо взирал на него задержанный.

– И товарищей себе поищи в другом месте, – продолжал его воспитывать сотрудник органов. – Теперь тебе товарищи знаешь кто? Кореша, друганы, братаны, которые этажом ниже, в подвале, на нарах в пердячем пару копятся! Понял?

Юрий не нашёлся, что ему ответить. Это он внешне,

несмотря ни на что, стремился выглядеть молодцом. В действительности же был подавлен. Прежде с ним столь грубо и бесцеремонно нигде не обращались – ни в команде, ни в школе, ни в совхозе, не помяная уж про дом. Юрий как никогда остро ощутил, насколько могуча и враждебна новая действительность. И он в ней – песчинка, каковую роковой ветер способен занести в те дали, из коих не возвращаются.

На паренька потоком нахлынули думы об отце, который на него рассчитывал как на главного помощника, о маме и её больном сердце, о плачущем Веньке, оставшимся с чужим человеком. Он не оправдал надежд, которые на него возлагали бесконечно близкие ему люди. Он обманул их. И это ранило его больше всего.

Молодой узник, естественно, довольно быстро сообразил «за что» его забрали. И возмущался для вида. Однако Юрий и предположить не мог, что за расправу с собакой могут арестовать. Сейчас, остыв, он прочувствовал, что поступил плохо, но, честно говоря, ему по-прежнему не было жаль зловую тварь, кровь которой заражена ненавистью к людям. Зато юноша однозначно осознал, что дикарским убийством животного сам себя смешал с грязью. Сам себя поставил на одну ступеньку с самохинским волкодавом.

И Кондрашов уж склонился было к тому, чтобы повиниться перед тем безымянным следователем, что должен приехать с места происшествия, и будь что будет! Но внезапно страшная мысль иглой пронзила его мозг, опалила сознание

и сдавила грудь: ружьё! Дедовское ружьё! Двустволка, которой он ещё сильнее подведёт отца. А вдруг ему добавят срок?! Или что-то ещё?...

И Юрий как бы влез в шкуру мифологического неприка-
янного буриданова осла, по обе стороны от которого на оди-
наковом удалении положили абсолютно равные охапки сена.
И осёл не мог сдвинуться с места, раздираемый надвое рав-
нодействующими стимулами. Только у осла они были одина-
ково лучшие, а не одинаково худшие. Как там говорил «за-
турканный» мужик из фильма «Чапаев»: «Ну, куда крестья-
нину податься?»

5

Уже заступила на службу новая дежурная смена, когда на
пульт поступил сигнал. Новый дежурный взял телефонную
трубку, кого-то выслушал, а затем крикнул своему помощ-
нику:

– Стрелков! Отведи этого к Плеханову, – и указал на Кон-
драшова.

– Ща-а-ас, – лениво отрапортовал ему помощник.

Юрия привели в кабинет, расположенный на втором эта-
же здания. Кабинет представлял собой убогое тесное поме-
щение с засаленными обоями. В нём имелись два стола, два
металлических сейфа, встроенный в стену шкаф и несколь-
ко стульев. За столом справа сидел мужчина лет тридцати с

красными воспалёнными глазами.

– Оставь, – дал он отмашку конвоиру.

– Ага-а, – всё столь же вяло ответил Стрелков и вышел в коридор.

– Следователь Плеханов, – представился мужчина доставленному. – Садитесь и назовите, пожалуйста, себя.

– Не назову, – ответил доставленный. – И не буду разговаривать с вами, пока вы мне не скажете, что с моим братом Вениамином.

– Хым... А как я могу сказать, что с вашим братом, если не знаю, кто вы, как ваша фамилия, и, значит, кто доводится вам братом, – устало, но добродушно ухмыльнулся следователь. – Да ладно уж... С ним всё нормально. При нём свидетель..., – посмотрел он в блокнотик, – свидетель Кораблёва. С вашей матерью мы уже связались.

– Кондрашов, – сказал юноша. И на всякий случай добавил: – Кондрашов Юрий Дмитриевич... Тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения.

– Гражданин Кондрашов, – уведомил его Плеханов, – я вас буду допрашивать в качестве подозреваемого в покушении на уничтожение путём поджога имущества гражданина Хорина.

– Ка...какого поджога?! – подпрыгнул от неожиданности на стуле задержанный.

– Сидеть спокойно, – с нажимом произнёс Плеханов. – Не забывайте, вы в милиции, а не у тёщи на блинах. Ещё раз,

пожалуйста: фамилия, имя, отчество?

Милиционер занёс автобиографические и иные необходимые данные, касающиеся Юрия, в протокол, после чего пояснил уже более обстоятельно:

– Согласно статье пятьдесят второй уголовно-процессуального кодекса объявляю вам, что вы подозреваетесь в покушении на уничтожение путём поджога имущества гражданина Хорина. Вы спросили: какого имущества?

– Нет, я спросил: какого поджога?

– Подойдите к окну.

Кондрашов приблизился к окну и увидел близ здания милиции хоринский «джип». Вид «передка» автомобиля его удивил: он зиял провалом, так как лобовое стекло было разбито. Даже со второго этажа можно было различить многочисленные осколки на сиденьях машины.

– Знакомая машина? – осведомился сотрудник милиции.

– Да, – ответил Юрий. – Этого... Хорина.

– Следствие предполагает, – монотонно пробубнил Плеханов, – что вы, мстя Хорину, разбили стекло, а затем облили маслом машину с целью поджога. Но реализовать свой умысел до конца не успели потому, что сработала охранная сигнализация.

Дело приобретало непредсказуемый оборот. Юный замазевец не знал, что и думать. Если до того он всерьёз склонялся к признанию о расправе с волкодавом, то сейчас сообразил, что про ружьё надо молчать. Уж если ему припи-

сывают то, чего у него и в помыслах не было, то можно вообразить, во что раздуется эпизод с двустволкой и собакой. Навешают всех собак!

– Ничего я не хотел сжечь, – мрачно известил он следователя.

– Садитесь на место, – приказал тот. – По крайней мере, вам понятно, в чём вы подозреваетесь?

– По крайней мере, мне понятно.

– В том, что понятно, распишитесь здесь.

Сотрудник милиции указал на строку в протоколе, где его оппоненту надлежало учинить подпись. Юрий прочитал запись и подписался под ней.

– Поехали дальше, – удовлетворённо произнёс Плеханов. – Разъясню вам, что согласно закону вы имеете право на помощь

защитника. Нужен вам адвокат?

– Нет! – безапелляционно заявил подозреваемый. – Я ничего не поджигал. Сами убедитесь. Это недоразумение.

– Следствие покажет, – индифферентно произнёс его процессуальный оппонент. – Коль вам защитник не нужен, то распишитесь здесь. Да-да, здесь... Хорошо... И ещё разъясню вам, что, в соответствии со статьёй пятьдесят первой Конституции России, вы имеете право отказаться от дачи показаний в отношении себя. Будете давать показания по поводу возникшего подозрения?

– Хм. Ещё бы, – хмыкнул паренёк. – Конечно, буду.

– Что ж, распишитесь тут. Да-да... Теперь попрошу вас рассказать о конфликте с Хориным в избушке и о минувшей ночи.

– А... А при чём тут конфликт с Хориным? – напрягся подозреваемый.

– Как при чём? А мотив, – пояснил следователь. – Так был конфликт?

– Был, – признался Кондрашов, и вкратце рассказал о скандале за столом, а также изложил свою версию ночных событий.

– Придя из избушки, я лёг спать. В половине шестого нас разбудили эти... из уголовного розыска... и привезли сюда, – такими фразами завершил он изложение.

– Так-таки, ночью вы не выходили из дома? – не удовлетворился услышанным Плеханов.

– Да.

– Кто, помимо вас, может подтвердить ваше алиби?

– Ф-фу-у-у-у... Только Вениамин.

– Он не спал всю ночь и стерёг ваш сон?

– Зачем стерёг? Когда я пришёл домой, брат уже спал.

И тут следователь ловко подловил лгуна. Он занёс его показания в протокол, попросил их подписать, после чего, подобно Игорю Кио достал из-под своего стола серые валенки. Те валенки, что Юрий надевал при «ночной операции».

– Ваши? – спросил милиционер.

– Да вроде...

– Ещё бы, мы их изъяли из вашего дома. А при осмотре места происшествия – избушки молодых специалистов и прилегающей местности, мы обнаружили дорожку следов, оставленную этими валенками. Свежие следы. Наследили вы, молодой человек. Или это Вениамин бродяжил?

– Венька спал. И я тоже спал...

– Ту, ту, ту, ту, ту, ту, ту, – остановил подозреваемого опытный тактик, вытянув вперёд руку с раскрытой ладонью. – Затараторил, затараторил... Не спешите. Факты уличают вас в ином.

– Да в принципе в таких валенках каждый второй замараевский мужик ходит...

– Тпру! Тпру! Тпру! Поехал, поехал... И что, каждый второй замараевский мужик бил очки у Хорина? А стиль у вас, Кондрашов, сугубо индивидуальный: разбил очки – разбил стёкла машины... Улавливаете?

– Вы нашли тоже, что с чем сравнивать: очки и стёкла...

– Ту, ту, ту, ту, ту, ту, ту, – пресёк словесные оправдания хитрец-правовед.

И жестом Дэвида Копперфильда вытащил всё из-под того же стола... банку, которую молодой тракторист выбросил в тёмном переулке. Отныне Юрия уже не удивило бы, если бы Плеханов следующим «заходом» извлёк оттуда самого Хорина.

– Баночку мы нашли в переулке. На ней отпечаточки пальчиков. Не стану уверять, что ваших – пока эксперти-

за не готова. Но это вопрос нескольких часов, – веско, ну о-очень веско проговорил дока по изобличению преступников. – Равным образом мы взяли образцы проб масла из банки и с «джипа». Непосвящённому ясно, что пробы идентичны, и экспертиза данный вывод подтвердит.

– Я спал, – весьма неубедительно твердил настырный замараевец.

– Кондрашов, – начинал терять терпение следователь, – я с вами предельно откровенен: ваше положение безнадёжно. Я бы вам посоветовал не тянуть резину. Это не в ваших интересах. И знаете, почему?

– Почему? – самым вопросом косвенно признал причастность к ночным похождениям тот.

– По двум причинам. Первая. Вы связались с Хориным, а его папаша – большая шишка. О чём тут талдычить, если сам начальник областного УВД взял дело на контроль. Скажу прямо: даже если бы вы были ни при чём – всё равно стали бы при чём.

– Погодите, как так?! – вспылил Юрий. – У нас же... правовое государство! Я такой же гражданин, что и Хорин.

– Какой такой же? – фыркнул Плеханов. – Есть элита, и есть все прочие.

– А вы не знаете, кем я ещё стану, – от безвыходности глумил подозреваемый.

– Да никем ты уже не станешь, – обрезал дискуссию следователь. – Рождённый ползать летать не может. И вторич-

ная причина. Вы – при чём. Добытых улик предостаточно, чтобы вас осудил любой судья и без вашего «да». Но такой уж заведён порядок, что наши заплечных дел мастера приучены вышибать «царицу доказательств», то есть признание. Есть у нас такой спец – Гербалайф. И мне просто жаль, если вы попадёте к нему на «разделочный стол». Ясно?

– Д-да... Но я... Я стёкол не бил и ничего не поджигал.

– И не хотели?

– И не хотел.

– Мне тоже всё стало ясно, – вздохнул подсказчик. – Я задерживаю вас по сотке, Кондрашов.

– По какой «сотке»? – вопросительно свёл брови к переносице Юрий.

– Сотка? – оторвался Плеханов от бланка, к заполнению которого он уже приступил. – Это протокол задержания подозреваемого на основании статьи сто двадцать второй процессуального кодекса. Вас спустят в подвал, где у нас находятся камеры ИВС – изолятора временного содержания. В течение трёх дней вам предъявят обвинение, на основании чего арестуют уже до суда.

– Меня?! – не веря ушам своим, переспросил юноша зазвеневшим от обиды голосом. – За что? Я же вам могу честное слово дать, что я ничего не бил и ничего не поджигал. Да я вот сейчас встану и уйду от вас! И ещё поглядим, кто с кем сладит!

– Надеетесь, брошусь за вами, руки стану марать? – был

снисходителен сотрудник милиции. – Была нужда. И не при-
тронусь. Пуля догонит. Не моя, а того же Гербалайфа. Слы-
шал, небось, популярное выражение: убит при попытке к
бегству? – перешёл он на «ты». – Напрашиваешься, чтобы
это выражение зачислили и на
твой лицевой счёт?

– Ничего я не запрашиваюсь.

– А чего пожелтел физиономией? Страшно? А ты на что
надеялся? Наша контора шуточек на дух не переносит. Чисто
по-человечески порекомендую тебе: гонору и спеси поубавь,
а то рога пообломают. И учти на будущее, глупый дурашка,
что некоторые наши кадры спецом провоцируют задержан-
ных на инцидент, на драку, чтобы затем натянуть дополни-
тельно ещё и статью за сопротивление милиции. А следы по-
боев у преступников списывают на это.

Притихшего Кондрашова «спустил в подвал» уже знако-
мый Стрелков. Юрий попал в камеру под номером одинад-
цать.

6

В камере уже содержалось двое заключённых. Один из
них, словоохотливый старикашка с обширной лысиной, ока-
зался вором-рецидивистом по фамилии Троцюк. Он, к вя-
щему изумлению юноши, не только не чурался криминаль-

ного прошлого, но кичился им.

– А как вас по имени-отчеству? – вступил с ним в диалог Юрий, брезгливо опускаясь на сплошные низенькие нары, тянувшиеся вдоль стены, противоположной входу, и застеленные грязными тощими тюфяками.

– Гы-гы! – хохотнул дедуля. – Имя-отчество... Да ты меня, милай, Шасьт зови. Энто у меня кликуха таковская – Шасьт.

– Это кто? – шёпотом осведомился Кондрашов про второго арестанта.

Второй арестант был дюжим мужиком, примостившимся на другом краю нар. Он уставился на какую-то точку на стене, видимую исключительно ему, и непрерывно раскачивался туловищем взад-вперёд, наподобие маятника.

– Это убивец, – также приглушив говор, растолковал Троцюк. – Ваня Холодов. Вчерась жинку мочканул. Уже вторую. По молодости за первую срок отмотал. Год тому уж как откинулся, срок то ись отмотал. Оженился. И вот, вторую к Богу на руки послал.

– А чего он всё качается?

– Да шут его разберёт! Тёмный, образина, як арап Петра Великого. Так вот покачается, покачается, да и нас с тобой мочканёт! – опасливо оглядываясь, отнюдь не проявлял жизнерадостности Шасьт. – Тебя чаво на кичман бросили?

– В смысле, сюда, что ли? – уточнил новичок. – Да ни за что. Недоразумение.

– Каждый эдак-то базарит по первости, – хитро прищу-

рился сокамерник. – А там глядь-поглядь, по этапу загремел. Лягавые-то чё тебе погаными языками трёкали?

– Они обвиняют, что я у бизнесмена иномарку хотел сжечь, – поделился бедой профан, вкратце поведав об официальной фабуле.

– Ёлы-палы! – слушая его, сокрушался Шась (негласно сотрудничавший с оперативными службами), квалифицированно играя роль «подсадной утки». – Запалился ты! Ходка твоя впереди, милай.

– Как понять: ходка? – упавшим голосом поинтересовался Юрий.

– А то, что срок тебе блазнит и зона.

– Мы ещё поглядим, – храбрился юноша. – Они меня того... на понт берут.

В процессе знакомства наступила передышка, воспользовавшись которой, дебютант уголовной ипостаси осмотрелся. Половину камеры занимали нары размером два на три метра, а остальную площадь, расположенную ближе к входу, – неопрятные, вызывавшие тошнотворное чувство, раковина с краном и отхожее место. Помещение вполнекала освещалось зарешёченной лампочкой с плафоном, расположенной в стенной нише над дверью. Окна отсутствовали. Однако, и при столь тусклом свете было видно, что по камере нет-нет, да и прошнырнут, невиданные, крупные и чёрные, как дёготь, тараканы. Жирным лоснящимся отливом они напоминали отвратительных донных пиявок. Кондрашова передёр-

нуло от омерзения.

– Тараканы, – уныло констатировал он наличие против-ных тварей.

– Оне у нас, у арестантиков, кровушку пьют, – нагнетал страсти Шасьт. – Бывалоча раздрыхнешься, а они и кусят за то, чё болтается. То уши прогрызут, то ишо чё. На шару с крысами. Намылишься дрыхать, дык уши-то прикрывай. И протчую тряхомудию...

Юрия и в самом деле неудержимо клонило в сон после беспокойной ночи. Но он не прикорнул на засаленных тю-фяках, предпочитая сохранить телесную «фурнитуру» в це-лости и сохранности.

7

Стоило Юрию задремать, прислонившись к стене, как его вызвали из камеры через дверное окошечко, бесперспектив-но добавив: «...Без вещей». Так называемый «выводной» по пути на второй этаж кровожадно проинформировал под-следственного: «Гербалайф по тебе плачет. К нему идём». Подстрочный контекст фразы звучал приблизительно так: «В крематорий, пацан, в крематорий».

Служебное помещение упомянутого Гербалайфа распола-галось по соседству от кабинета Плеханова. Очутившись на «лобном» месте, юноша осмотрелся: комната как комната. Примерно, что и у Плеханова. Выраженное внешнее отличие – доступ в него через двойные двери, поэтому сюда, а зна-

чит и отсюда, не проникали посторонние звуки. За двумя, сдвинутыми воедино столами, лицом друг к другу, устроились два человека в штатском.

Первый из них – массивный и широкоплечий, облачённый в широкие брюки свободного покроя и рубашку с короткими рукавами, непроизвольно приковывал к себе внимание волевым выражением лица, крепкой борцовской шеей, крупными клешневатыми верхними конечностями. Рельефная мускулатура зримо проступала у него и под тканью одежды. «Качок», – про себя автоматически наделил его прозвищем Юрий.

Второй мужчина, особенно на фоне Качка, был зауряден и невзрачен. Запоминался он исключительно в силу обильной прыщеватости физиономии. «Ни дать ни взять, Лепрозный», – пометил и его Кондрашов.

Выводной покинул кабинет по знаку Качка. Последний пружинисто взмыл из-за стола и молча обошёл доставленного. Он не поздоровался, не предложил присесть подследственному, не назвал себя. Хищно раздувая ноздри, он вороном кружил вокруг подследственного. Когда Качок пошёл на пятый или шестой виток, Юрий не стерпел и попытался развернуться за ним следом, но тот окриком остановил его. – Стоять! – зычно рявкнул Качок.

Кондрашов вздрогнул, пожал плечами и застыл вполоборота, памятуя о предостережении следователя Плеханова. Мурашки страха самовольно осыпали его кожу, пока Качок

выполнял зловещий ритуал.

Вдоволь накружившись, хозяин «представления» с криком, подобно уработавшемуся за смену механизатору, «приземлился» на своё место и взглядом указал Кондрашову на стул, поставленный посередине помещения. Тот хотел было взять стул и придвинуться к столам, но Качок опять злобно рыкнул: «Сидеть!» Подозреваемый последовал его приказу.

– Ты что же, сморчок, в молчанку задумал сыграть? – пренебрежительно бросил ему Качок.

– ...Будете обзывать, так я точно откажусь разговаривать, – собравшись с мыслями и с решимостью, проговорил юноша.

Качок с Лепрозным перекинулись взглядами и синхронно загоготали. Резко прервав клокочущий из нутра необъятной груди хохот, словно выключив магнитофон, Качок встал позади парня и, не давая тому обернуться, пробасил:

– Запомни ты, без пяти минут труп, что мне с тобой особо базарить невтерпёж. Меня из-за тебя из отгулов выдернули, хуже мальчишки сопливого. И знай, что от Гербалайфа в несознанку ещё никто не уходил. Врубился? Молчишь? Так вот, либо ты выдаёшь полный расклад, либо тебя выносят вперёд ногами. Врубился?

Юрий настырно наклонил лобастую голову и не проронил ни звука в ответ.

– Ах, какие мы благородные. Разговаривать – ниже наше-

го достоинства. Замараемся, – тоном, не предвещавшим ничего доброго, проговорил Гербалайф. – Да знаешь ли ты, лох, что сверху мне даны чрезвычайные полномочия?

Замараевец лишь круче склонил голову, вцепился пальцами за

сиденье стула, и внутренне поклялся: «Хоть убей меня, козлина вонючая, но с тобой я разговаривать не стану!»

– У-у-у, тупая скотина! – забегал по кабинету Качок. – Довыкобениваешься, так ваще организуем тебе покушение на убийство путём поджога! А это уже статья сто пятая – вплоть до расстрела! А как ты хотел?! Чё заткнулся?... Жди, жди, ублюдок, щас я тебя сделаю!

Гербалайф вытащил из выдвижного ящика стола толстенный кодекс. Раскрыв правовой фолиант, он принялся чуть ли не тыкать им подследственному в лицо, добиваясь, чтобы тот прочитал, что ему грозит за покушение на убийство. Однако Юрий, стиснув зубы, отворачивался в сторону. Качок в раздражении хрястнул кодексом об стол, свалился на стул и, дрожащими от нервной взвинченности пальцами, извлёк из пачки сигарету, прикурив её. Сделав две-три затяжки, он судорожно смял окурочок и бросил его в урну.

– Глянь, что за тупая сволочь! – пожаловался Гербалайф Лепрознаму. – Меня из отгулов выдернули, а он морду воротит.

– Плюнь, Гера, – посоветовал ему напарник. – Здоровье дороже.

– Ну, нет! – опять завёлся Гера. – Я эту падлу доведу до точки. Они там, колхозники драные, шлюху заезжую из Среднегорска не поделили, а я за них – расхлёбывай! Студенточка, понимаешь, расклячилась местным кобелям, подстилка продавленная...

– Посмейте так ещё назвать девушку, и я вам плюну в вашу откормленную харю! – нарушая обет молчания, дерзко пообещал Кондрашов, демонстрируя Гербалайфу личное безмерное презрение.

Ещё эхо посула не перестало витать в наэлектризованной атмосфере оперативного кабинета, как мучитель от беззакония, подвергнутый беспрецедентной унижению, ракетой взвился со стула, схватил кодекс и со всего маху обрушил его на голову задержанного. От удара у Юрия сначала вспыхнуло в мозгу, а затем до того потемнело, что ему показалось, будто глаза у него вылетели из орбит. И он испуганно стал ощупывать глазницы, удостовераясь в их целости.

– Га-га-га! – закатился в гоготе Гербалайф, разгадав жесты Кондрашова. – Чё, падла, мозги набекрень и зенки вприпрыжку?!

Ничё, помелом трепать не станешь.

– Вот таким манером, господа, мы и передаём юридические познания! – поддерживая подельника, похихикивал Лепрозный. – Продвинутые их усваивают, тупым – вдалбливать приходится.

Всё естество Юрия, чувство собственного достоинства,

которое в нём воспитали, толкали на отпор садисту. Его так и подмывало дать пару раз в раскормленную физиономию Качка. Однако он, с силой прикусив изнутри губу, терпел во имя тех же матери, отца, брата Веньки. Да и предупреждение следователя Плеханова сдерживало.

В этот момент у юноши в ноздрях возникло ощущение мокроты. Он провёл рукой под носом и увидел на пальцах кровь. Кондрашов машинально наклонился вперёд, и кровавые капли стали медленно капать на пол. Между тем, это зрелище ничуть не беспокоило изуверов.

– Глянь-глянь! – деланно удивился Лепрозный. – Опять гипертоник попался.

– А всё уральская погода, перепады давления, – сокрушённо развёл руки Гербалайф. – Ну... тут мы бессильны.

И сработанный дуэт загоготал, поражаясь своему остроумию.

Кровавая развязка умиротворила Гербалайфа. Он развалился на стуле и блаженно закурил, уже мерно делая затяжки. Выкурив сигарету и решив, что доставленный готов к диалогу, он обратился к нему с наставлением:

– Слышь ты, как там тебя..., Кондрашов, себя не жалеешь, так ты бы хоть к матери с отцом капельку сочувствия поимел. Мы ж им позвонили. Хозяин колонии, естественно, свиданку отменил, папашку твоего в штрафной изолятор бросил, мамашку с приступом увезли... Чё молчишь, падла? Ежели мамашке твоей сообщить, что ты кровью изошёл от избытка

давления, так она, точняк, кони бросит. Чё зенки-то пучишь, падла?

– Гер, может козырнём? – предложил вдруг Лепрозный.

– А чё, – согласился тот. – Предъявить ему, ли чё ли, показания кочегара?

– Да не... Мелочь. Ходи с козырного туза. С того, что нам криминалисты подвезли.

– С козырного, так с козырного, с туза, так с туза...

И Гербалайф, изображая магические пассы, полез под стол.

Юрий, уловивший цирковые обычаи заведения, оказался недалёк от истины, предположив, что его мучитель доставит нечто неприятное. Но то, что он увидел, заставило его вздрогнуть...

Гербалайф выложил на стол дедовское ружьё в разъёмном виде. Физиономия оперативника лоснилась от удовольствия. Судя по её сиянию, можно было подумать, что милиционерам удалось обнаружить схрон террористов.

– Ну чё, паскуда недозрелая, – с наигранной лаской, юродствовал Гербалайф, – про справедливость бакланишь, а сам беззащитных собачек на цепи постреливаешь? Ружо мы нашли в фамильном схроне вашего преступного клана. На нём отпечатки твоих пальчонок. Уважаемые жители Замараевки – граждане Самохины – показали, что ты, пенёк задрипаный, на иху дочку и на иху собачку давно точил бивни, которые мы тебе покеда не обломали. Ежели ты не окончательное чмо

и пойдёшь в сознанку, на собачонку у нас откроется ретроградная амнезия. Провал в памяти, так сказать. А? И не сегодня-завтра будет тебе воля-вольная и девочки, дом родной и мамины пирожки, чистая постелька и банька, а?

Это был ошеломляющий удар. Юрий растерялся. И единственно, из чисто природного упрямства продолжал игнорировать происки сотрудников отдела.

– Это...Юрий, – проявил активность Лепрозный, стремясь расширить брешь растерянности в сознании задержанного, – ты покайся. Покайся, и станет легче. Ну, за ради чего ты страдаешь? За ради...х-хе...девушки из Среднегорска? То, что ты за неё горой – я тебя зауважал, как мужик мужика. Дык, она ж повязана с Хориным. А у того отец – олигарх, который, промежду нас, причастен к ликвидации подполковника Кораблёва.

Кондрашов твердокаменно безмолвствовал, отвернувшись уже от Лепрозного и не веря ни единому его слову.

– Я бы на твоём месте тоже считал, что брехня, – продолжал его переубеждать тот. – Что мент пиз..., – запнулся Лепрозный. – Это...пургу несёт. Так ведь есть же факты. На, здесь чёрным по белому сказано...

И паршивый прыщавый хлыщ протянул юноше старую газету.

Так как парень не пожелал прикоснуться к ней, Лепрозный положил её перед ним на край стола.

Юрий искося взглянул на печатное издание. То был номер газеты «Среднегорские новости» за сентябрь 1994 года со статьёй на первой полосе под заглавием «Жертвоприношение Молоху» и с подзаголовком «Кто убил подполковника Кораблёва?»

Кондрашов, сомневаясь в пригодности собственных глаз, трижды пробежал глазами материал, из которого вытекало, что президент компании «Недра Рифея» Сытин со своими компаньонами «заказали» Кораблёва. Это был сильный ход. Разящий наповал. Но только не «упёртого» замараевца с его верой в Стеллу.

Юрию внезапно вспомнился очерк об одном пленённом фашистами советском разведчике, которому провокационно подсунули подложный номер газеты «Правда». Наш резидент тогда гениально разоблачил фальшивку. Он знал, что советская газетная бумага аккуратно рвалась бойцами на ровные полоски под самокрутки продольно, а поперёк она лезла клочками. Подсунутая же поддельная «утка» делилась именно поперёк.

И данное соображение кратко затмило разум теперь тоже «затурканному» Кондрашову, упустившему из виду, что он-то – вовсе не разведчик, а перед ним – отнюдь не газета «Правда».

Юрий, под радостное оживление оперативников: «Проняло!...Проняло!...», наконец-то заинтригованно взял экземпляр «Среднегорских новостей». Однако, беспардонно об-

манывая надежды Гербалайфа и Лепрозного, «резидент из Нижней Замараевки» внезапно начал продольно рвать газету. Бумага лезла неровными обрывками, и юноша облегчённо засмеялся: «Враки! Враки!»

Восторг ожидания у Гербалайфа сменился буйством ярости. Так бесцеремонно с ним несчастные жертвы ещё не обходились. Он рыкнул африканским львом, которому пьяный пигмей отрубил хвост, схватил кодекс и замахнулся, готовый безостановочно охаживать им «падлу задрипаную».

Но и Кондрашов был не железный. Он тоже «съехал с тормозов». Выдержка кончилась. Зато чётко сработала футбольная реакция. Опережая Качка, Юрий распрямлённой пружиной со стула взвился кверху, и макушкой со всего маху врезался в мясистую физиономию палача. Удар получился отменный. И не удивительно, ведь прежде юноша отработал его на Шнобеле.

Сокрушительным выпадом оперативника отбросило на стол, с которого он широченной спиной, словно бульдозером, смёл ружьё, бумаги, канцелярские приборы и прочую бюрократическую атрибутику. Из носа у него хлынула кровь, заливая рубашку. По всем канонам смертного боя Кондрашов бросился добивать поверженного врага, однако Лепрозный наработанным движением поставил ему подножку, и непокорный замараевец рухнул на пол. Это вернуло инициативу Качку, который успел вскочить на ноги.

– Дерьмо из проруби! – выкручивая строптивцу руки на

пару с Лепрозыным, орал Гербалайф, брызгая кровью. – Тебе капец! Ты мне все кишки вымотал! Щас я тебя спущу в камеру к отморожкам, и они из тебя сделают шлюху! А потом засунем тебя в пресс-хату, полиэтиленовый мешок на башку – и сдохнешь от сердечного припадка!

На дикий гвалт, грохот и треск падающей и ломаемой мебели, звон разбитого оконного стекла сбежалось едва ли не половина отдела внутренних дел. Это и уберегло Юрия от расправы.

Вопреки угрозам Гербалайфа, трое милиционеров дежурной службы закинули остервенело сопротивлявшегося Кондрашова не в «пресс-хату», а в одиночную камеру для прощтрафившихся. Там Юрия подло и посетила предательская мыслишка о том, что, быть может, стоит уступить в чём-то малом гербалайфам и лепрозыным ради отца и матери.

В критический момент юношу спасла от недостойной слабости именно отцовская выучка, заставлявшая «не распускать слюни и биться за правду до конца, какой бы горькой она ни была». Да ещё в памяти у него всплыли мужественные слова легендарного кавалериста Деева:

Смертью таких не взять.

Держись, мой мальчик: на свете

Два раза не умирать.

Никто нас в жизни не может

Вышибить из седла! –

Такая уж поговорка
У майора была.

И Юрий стал морально готовиться к последнему бою – к очередной гербалайфовой экзекуции. «Русские не сдаются, – настраивался он. – Кондрашovy не отступают. И я не сдамся этому... дерьму из проруби. Сам дерьмо из проруби!»

Итак, в главном он определился. Оставались частности: чем проломить Гербалайфу голову – стулом или прикладом ружья, попросив двустволку для опознания, якобы перед признанием.

8

Стелла считала себя абсолютно правой в той моральной выволчке, которой она подвергла и Хорина, и «опять зарвавшегося дерзкого мальчишечку». А её, казалось бы, непоколебимое решение связать свою судьбу с «замараевским романтиком», было поставлено под сомнение.

Так было до того момента, пока в зимнюю рань в квартире Шутовых не раздался телефонный звонок и следователь Плеханов не уведомил Кораблёву о желании малолетнего Вениамина Кондрашова быть с ней до приезда Лидии Николаевны.

Срочно прибыв на такси в дом Кондрашовых, Стелла не только была допрошена в качестве свидетеля о ночном кон-

фликте в избушке, но и узнала о тех деяниях, в совершении которых подозревали Юрия. Эта беда заставила её прижать кончики пальцев к вискам, чтобы кровяное давление не порвало сосуды. Ей бесконечно больно было всего лишь представить Юрия в тюрьме. «За что?! Ну почему у любимых мной людей такая судьба?!», – терзалась она, не находя ответа.

Мало-помалу обретая хладнокровие, Кораблёва здраво оценила положение. И выбрала единственно приемлемый в сложившейся ситуации вариант. Потому, успокоив и накормив Веньку, она созвонилась с Мариной, чтобы та посидела с ребёнком.

Шутова, уже побывавшая в милиции, а затем отпросившаяся у Бурдина, примчалась почти мгновенно. Едва войдя в прихожую, она сразу зачастила:

– Стел, я – в шоке! Ну, про наше я молчу... Так ведь ещё и Нинка Самохина свалила из Замараевки! На пару с Лукиным! Да к тому ж Нинка прихватила из сейфа Властилины два или три «лимона»...

– Потом, потом, Мариша! – признательно погладила её по голове подруга. – Пригляди, пожалуйста, за Веней, а я – к следователю Плеханову.

Получив в отделе внутренних дел нужную информацию, она нашла Хорина в салоне «Оптика». Там исполнялся срочный заказ Эдуарда, так как без очков тот мало что видел. От-

туда они и переместились для переговоров в рядом расположенный кафетерий.

Хорин был хмур и не расположен к сантиментам.

– Стелла, о ка-а-аком компромиссе ты ведёшь речь? – возмутился он, выслушав её предложения. – Это не к-компромисс... Э-это односторонняя к-капитуляция. С моей стороны. Мне этот ма-а-алокосос дал по лицу, ра-а-азбил очки, ра-а-азбил стекло, ха-а-ател сжечь ма-ашину... А я должен простить и всё уладить? Ма-ало того. О-он и в ме-е-ентовке уму-удрился дать ка-аму-то в морду! Ну, а уж про зверство с са-а-абакой я ващце молчу. Тут-то я ващце не при делах!

– Эд..., – пыталась ему возразить, и не находила пауз девушка. – Эд, да дашь ты мне слово сказать?! – наконец вспылила она, заткнув уши пальцами. – Или мне уйти? Но уже насовсем?!

– И-извини, – медленно стал остывать бизнесмен. – Я тебя слушаю.

– Кондрашов, конечно, натворил бед, – обхватила лицо ладонями студентка. – Но ты же сам верно сказал: мальчишка. Неужели нельзя было разобраться, не вынося сор из избы? Зачем ты подключил милицию?

– Да я и не думал! – всплеснул руками предприниматель. – Пы-пырасыпаюсь среди ночи: си-сигнализация воеет, а-авто разбито, очки разбиты, ни фига не вижу... Тут уж, и-извини, я не вы-ыдержал и впе-ервые, ка-ак ушёл от отца, а-ат звонился ему. Да-дальше ме-еханизм заскрипел, закрутился,

Девушка лишь пристально и холодно посмотрела на него. Но про себя подумала: «Как выйду... Так и зайду...».

– Конечно-конечно! – тотчас перестал заикаться Эд. – Я всё сделаю.

– Да, кстати, – бросила ему уже через плечо девушка. – У Самохиных большие материальные проблемы. А за деньги они душу дьяволу отдадут.

9

Наступил вечер. Юрий определил это не по сумеркам за окном, ибо окон в камере элементарно отсутствовали, а по объявленному в изоляторе ужину. Вскоре по камерам стали разносить скудный тюремный паёк, к которому юноша едва притронулся. По-арестантски потрапезничав, он с тревогой ждал вызова на допрос. Состояние было похожим на предматчевое волнение. Это означало, что Кондрашов нормально мобилизовался «на дерби» с Гербалайфом.

Минул час, а Гербалайф всё не давал о себе знать. «Что-то не срослось, – позаимствовал Юрий выражение у Кропотова. – А то возьмут, да и зашлют сразу в пресс-хату!»

В последнем предположении молодой узник укрепился, когда неожиданно открылось окошечко на дверях камеры, и кто-то невидимый апатично изрёк: «Кондрашов, на выход. С вещами». Многоопытный рецидивист Троцюк накануне просветил юношу, что если вызовут со скарбом, то «в пресс-ха-

ту».

Нищему собраться, только подпоясаться. Через минуту задержанный уже стоял в «дежурке» изолятора. Молодой лейтенант выдал ему верхнюю одежду, за что Кондрашов расписался.

– В пресс-хату? – любопытно спросил Юрий, демонстрируя многоопытность и осведомлённость.

– Чего? В пресс-хату? Га-га-га! – загоготал офицер, ржание которого подхватили и постовые. – Шагай, пижон, к следователю.

И лейтенант подтолкнул его в сторону помещения, расположенного наискосок от приёмного отделения. Оказалось, что и непосредственно в ИВС есть кабинеты для допросов.

Кондрашов ожидал увидеть Плеханова, но там его поджидал незнакомец в мундире.

– Капитан милиции Гнатюк, – отрекомендовался тот.

– Это... Репрессированный Кондрашов, – назвал себя Юрий.

– Х-хы... Садись... репрессированный, – взглянув на него, иронично хмыкнул капитан.

Парень пристроился на табурет, привинченный к половицам. Гнатюк же выложил на стол, также жёстко прикреплённый к полу, какую-то бумагу и многозначительно спросил: «Знаешь, что это?». У Кондрашова едва не сорвались с языка слова про «пресс-хату», но, вспомнив обидный гогот постовых, он вовремя спохватился.

– Откуда ж мне знать, – насторожённо пожал плечами до-

ставленный.

– Это, – поднял указательный палец кверху офицер, – пока не подписанный мной документ. Постановление. О прекращении уголовного дела и об освобождении тебя из-под стражи. А знаешь, почему оно не подписано?

– Да... откуда ж, – больше того напрягся Юрий.

– А потому, что мне дано указание, подписать его только при том условии, что ты напишешь одно заявление.

– Какое ещё заявление?! – бдительно, как часовой, охраняющий знамя, осведомился Кондрашов.

– Заявление военкому, что ты просишь об отправке в армию первой партией.

– В армию? Хм... В принципе я и без того считаю, что все парни должны служить. Только...

– Что: только?

– Я ж играю за городскую футбольную команду. И у меня это... планы... перспективы...

– Слушай, ты!... Недовинченный! – грубо оборвал его Гнатюк. – И это я ещё культурно выражаюсь. Какие, к едрене фене, перспективы? Да тебе «десятка» на зоне корячится! Планы...

– Так ведь Ваныч, – упрямо бубнил юноша. – ... То есть... Венедикт Иванович Голубович – тренер – обещал мне...

– Хо-хо-хо! – скептически хохотнул милиционер. – Сравни: кто твой тренеришка, и кто – семейка Хориных. Да и потом: твой Ваныч первый от тебя открестится, как узнает о

твоих художествах.

– Ваныч не такой! – звенящим от обиды голосом выпалил Юрий. – Он справедливый!

– Заткнись, а, – скривился капитан. – Может твой Ваныч и справедливый, да только против лома – нет приёма. И ещё... Об отце не забудь. Двустволку-то мы и на него повесим.

– Как так?!

– Да вот так! Планы у него... Вот брату своему судимостью ты, верняк, свинью подложишь. А если и на него тебе наплевать, так хоть мать пожалей. Она вон, прям щас, стоит в коридоре отдела и слёзы льёт.

– Что, вот так и стоит? – просипел парень.

– А ты как думал? А ведь у неё, говорят, сердце... А ты её доводишь...

И Кондрашов «заткнулся»... Ну что может быть дороже мамы, Веньки и отца?

10

Из подвала в вестибюль, расположенный перед дежурной частью милиции, Юрий вышел другим человеком. И первый, кого он увидел, была, действительно, мама...

Ну, кто ещё так преданно и верно способен нас ждать в этом мире?! Кто же ещё столь бескорыстно и беззаветно прощает нам проказы и проступки? Для кого же ещё, вопреки всему и назло всему, мы неизменно остаёмся самыми люби-

мыми и единственными? Кого же ещё, несмотря на всю доброту к нам, из-за нашего разгильдяйства и глупости мы больно раним, обижаем и заставляем страдать?

Юрина мама стояла, утомлённо прислонившись к перилам лестничного марша, а смятенное лицо её покрыла горестная маска переживаний. Но лишь она увидела сына, как блеклый, унылый и монотонный взгляд Лидии Николаевны полыхнул семицветной радугой нежности и надежды. Она припала к его груди и неслышно заплакала. Только вздрагивающие плечи выдавали разом безмерную материнскую радость, горе и боль. А взрослеющий сын мягко утешал её.

Несколько успокоившись, Лидия Николаевна с опаской огляделась и спросила:

– Сыночек, ты как здесь? Тебя выпустили?

– Вроде как, – ответил тот. – Мам, ты что, специально встречать меня пришла?

– Не-ет, – прерывисто вздохнула Лидия Николаевна головой. – Удачное совпадение. Я тебе передачку принесла, а у меня не берут. Говорят, что сегодня неприёмный день. Я и у начальника милиции была, и у прокурора... Везде отказ. И вдруг...

– Мам, – спохватился Кондрашов, – чего мы здесь-то застряли? Ну их!

И в автобусе, следовавшем от Ильска до Нижней Замаревки, сын правдиво отвечал на расспросы матери. Больше всего Лидия Николаевна была потрясена тем, что её Юрий

действительно застрелил волкодава.

– Я не верила... А, выходит, правда, – огорчённо вздыхала Лидия Николаевна. – Не надо, сыночка. Никогда больше так не поступай. Не делай зла ни собакам, ни людям. Собака же ни при чём. Какие хозяйева, такая и собака. Помнишь, крестьянская собака спасла дочку цыганки Азы и цыгана Ноно?

– Помню.

– Во-о-от. Просто сейчас время собачье, которое всех выводит на чистую воду. Папа же не зря говорил, что оно-то и проявило сущность Казимира и Властилины.

– До меня уж дошло, – повинился сын. – При случае я перед... Ниной извинюсь. За всё...

– А Нина сбежала, – известила Лидия Николаевна сына.

– Как сбежала? Куда сбежала?

– Сбежала с Лукиным в большие города. Отцу с матерью она оставила записку, что станет карьеру певицы делать. И с собой забрала родительские деньги. Много. Доллары. Казимир с Властилиной хотели покупать какую-то недвижимость, и все деньги со счёта в банке сняли, да ещё и в кредит залезли.

– Вот это да! – удивился Кондрашов. – Жалко... Что-то теперь с нашим ансамблем будет?

– Осунулся ты! – бережно провела Лидия Николаевна по щеке сына. – Даже щетина появилась...

– Нервотрёпка, – лаконично прокомментировал тот. – Да ночь не спал. А поспал бы я с пребольшущим наслаждением.

Не успел дома Кондрашов с наслаждением припасть к самой мягкой на свете подушке, как его кто-то принялся неумолимо тормошить. Он через силу разомкнул веки: у входа в затемнённую комнату стояла его мама, а рядом с ним на краешке кровати сидел Кропотов и приговаривал: «Вставай, соня, а то состаришься».

– Витёк, – жалобно попросил Юрий, – оставь меня в покое, а... Я только задремал, а ты меня будишь.

– Какое «задремал», – наигранно удивляясь, пристыдил его друг. – Мы с Лидией Николаевной прикинули, так получилось, что ты двадцать часов без передыху храповицкого задаёшь.

– Скажешь тоже! – не поверил засоня, приподнимаясь на локоть. – А который час? У нас сегодня что?

– Где я? Кто я? Что со мной? Люди, ау-у-у! – необидно передразнил его Виктор. – Вставай, да начинай трамбовать свой подвесной бачок, – погладил он его по животу, – а то худой, что велосипед.

– Мам, он разыгрывает, да? – взглянул Кондрашов на Лидию Николаевну.

– Поговорите, ребятки, поговорите, – интригуяще вымолвила та, и удалилась на кухню.

– Ладно, – проворчал юноша, обращаясь к другу. – Раз не даёшь спать, так хоть свет включи.

Кропотов щёлкнул выключателем, а когда развернулся, Юрий ахнул и чуть не свалился с кровати: у Виктора лицо было распухшим, словно арбуз.

– Эге-гей! Ни чё се! – по-кропотовски вскричал он. – Витька, ты что, в аварию попал!

– Да это всё – семечки, – вдруг засмутился подобно воспитаннице из института благородных девиц всегда такой разбитной шофёр. – Я щас всё тебе обскажу, а ты мне, до кучи, зуб выбьешь. Лады?

– Куда тебя ещё-то бить? – глупо хихикнул ничего не понимающий Юрий. – Говори уж.

– Короче, вот какая хренотень отчебучилась, – заговорил Кропотов, с шумом втягивая в себя воздух через болезненно запухшие губы. – Ты как хлобыстнул дверью, мы тоже за-собирались. У Хорина же без очков в шарах ни зги. Слепой крот без поводыря. Да ещё бухой. Короче, оставили его там, а девок я проводил в Ильск.

– Да это я уже знаю.

Ну вот, – проглотил Виктор тягучую слюну, – в родимой хате завалился я дрыхнуть: в пять же у нас с Бурдиным рейс в Среднегорск. Валяюсь я, значит, просроченной колбасой, порчу воздух, а сон нейдёт – дюже меня этот буржуй раздраконил. Да и перед тобой срамно: лучшего кореша не поддержал. Кумекаю, что если этому понторезу внагляк начистить

рыло, то посадят. И далеко посадят.

– Так-так, – начиная что-то понимать, опустил Кондрашов ноги с кровати на пол.

– Поскрёб-поскрёб я свою репу, да и дёрнул до хижины на пару с монтировочкой. Подплываю... Вокруг темнота офигенная! Но... Чу! – следопытом, идущим по тропе войны, сигнализирующе поднял руку Виктор. – «Джипик» серебристо так кучерявится. «Ах ты, моя лапушка!» – говорю я ему. Да кэ-эк дребалызну монтировочкой ему в лобешник! А стекляшечка хоть и заграничная и сталистая, да ведь ты знаешь, Кон, мой ударчик справа... Тут сирена как забазлает – я чуть под себя не сходил! Аж реноме в штанах съёжилось. Я и рюхнулся крутым намётом оттеля.

– Витё-ё-ёк! – обессиленно простонал юноша, – так это ты...

– Да я, я..., – оскалился запухшим ртом тот с бесконечной жизнерадостностью, отчего возникало впечатление, что если бы ему судьба «накатила» втрое больше, то он вообще захлебнулся бы от удовольствия. – Монтировочку я себе во дворик забросил и поскакал в гараж... Кабадык-кабадык-кабадык..., – побарабанил он пальцами по столу, обозначая «крутой намёт». – В пять часов мы с директором уже в дороге. Ничё алиби, да?! И у тебя алиби – ты ж в полночь, как Герман из «Пиковой дамы», из избушки отчалил...

– Кропот, а покороче, – нетерпеливо попросил его приятель.

– Щас-щас, – многообещающе выставил ладонь вперёд рассказчик. – Припарковались, значит, у обладминистрации. Шеф по проблемам ушёл, а я – дверки на защёлки и прикемарил. Вдруг слышу: какой-то урод-в попе ноги в окошко стучит без перерыва на обед. Культурненько так молотит, ровно дятел по башке: тук да тук, тук да тук. Ну, думаю, зарраза! Левый глаз распатронил – мужик. Прилично одетый. И показывает, мол, побалакать треба. Я его, не опуская стекла, так обложил, что каменщики Великой китайской стены позавидуют. А он опять – тук да тук, тук да тук. Я озверел: дверку открыл, да кэ-эк пасть раззявил... А мужик – ноль эмоций, и вежливо так визнаёт: «Простите, пожалуйста, вы не из Нижней Замараевки будете?» – «Ну». – «Бурдин Анатолий Иванович, случаем, не ваш начальник?» – «Ну». – «А вы, часом, не такой-то?» Спросонок-то я, ровно рябчик дубинноголовой обрадовался: какая я популярная личность! Ну, я в третий раз ему и «нукнул».

– А он? – втягиваясь в повествование, уже с интересом спросил

Юрий.

– Доннер веттер! – бабой, обманутой сволочными мужиками пятый раз кряду, всплеснул руками Виктор. – Тут этот интеллигентик ... Чтоб его род на нем и усох!... Кэ-эк дёрнет меня за грудки – я аж под колёса выпал! Валяюсь я, значит, а сам ему сулю, что щас буду его гваздать, как бабка с дедкой колобка, когда тот вернулся из побега. Вскочил... Ё-моё!

Мужичило-то с меня ростом, а в плечиках раза в полтора пошире. Да за ним ещё два эдаких же кабана торчат. При-
смотрелся: мама родная! Так это же бомбилы Сытнова, что
мне американский щелобан делали!

– Шутишь?

– Какие шутки! Бомбилы тож меня признали: «Ба! Старый знакомый – мерин с обсосаным пальцем! Да мы ж его по осени уже имели! Щас поймеем ещё раз!» И запели мне всемирный гимн коновалов: «Если б я имел коня – это был бы номер, если б конь имел меня – я б, наверно, помер!». И начали гваздать, – изобразил бедовый шофёр сугубо защитную стойку, прикрывая уши ладонями, – точно семеро козлят волка, когда серый им орёт, мол, чё вы, волки поганые, делаете, а те ему блеют: «Молчи, козёл!»

– Если б не это, – показал Кондрашов на побитое лицо дружка, – подумал бы, что опять привираешь.

– А то! – инстинктивно пощупал скулу деревенский балагур. – И сдают холуи меня не в блат-хату, а в ментовку. О, какая связочка! А там дознавалы – тоже будь здоров! У ихнего главного кулачонко – ровно головка годовалого ребетёнка. И он мне шпарит, что мою монтировочку они надыбали, а на ей – осколочки стекла. «Так что, – шуршит он, – задумаешь запираяться, я твоё мужское имущество в своём кулачонке маненько жамкну, и сделаю фигуру, похожую на раздавленного Чебурашку». Веришь?

– Пожалуй, что да, – умудрённо согласился Юрий.

– Вот я также кумекнул, – щёлкнул пальцами Виктор, – что придётся колоться. И говорю: «У меня такое неприятное чувство, что вы правы». Ну и выпрастался подчистую. Но этому паразиту того уже мало. Он давай меня склонять, что я работал в паре с тобой, Кон, и мы хотели спалить «джип». Тут уж нестыковочка пошла. Не прёт. Меня и отсадили в зиндан. А вечером этот... с арбузными кулачками вызывает меня и толкует, что он Чебурашку давить передумал, а я – нормальный пацан. И покатил меж нами закадычный разговор. И дяденька-мордоворот пожалился, что против меня он ничё не имел, что служба у него фуёвая-префуёвая, и что он сполнял долг. Прежде он хапуг как клопов давил, а теперича им заместо швейцара ворота открывает. А ещё дал понять, что гусей он гнал по заяве Хорина и его сыночка Эдички. А потом те дали задний ход. О, как!

Кондрашов, внимая Кропотову, то сочувствовал своему неунывающему другу, то смеялся над его приключениями, то краснел и бледнел, резюмируя про себя, что сам ещё сравнительно дешёво отделался.

– Ну и ну! – встретил он окончание покаяния Кропотова неопределённым междометием. – Вить, мы с тобой как два придурка.

– Тупорылые, – согласился приятель. – Да, чуть не забыл. Дяденька-то с кулачками раньше служил с отцом Стеллы Кораблёвой.

– Да ты что!

– Угу. И сказывал мне, что заказал отца Стеллы Сытнов. А папанька Эдичкин у Сытнова на побегушках...

– Да мне эту чушь толкал один... из Ильского отдела, – раздражённо перебил Виктора Юрий. – Чтобы Стеллу опозорить. Чего их слушать, если они вчера одним одно место... лизали, а сегодня – другим.

– Да кто ж его знает..., – мягко попробовал возразить Кропотов.

– Знаешь что, Кропот, – гневно прервал его юноша, – тебе, не иначе, пристебай Сытнова последние остатки мозгов вышибли!

– Да? – задетый за живое, пошёл тот наперекор. – Чего ж тогда Стелла вчера Эдичке... того?

– Чего того? – с холодеющим сердцем переспросил Юрий.

– Чего-ч-чего..., – неуверенно проговорил обличитель. – За него замуж намылилась. Мне Маринка...

– Что ты вякнул? – злым шёпотом прервал Кондрашов Кропотова. И его шёпот уже на второй фразе перерос в крик. – Ты... Ты – матерщинник, трепач и потаскун!

– Кон..., – попытался его образумить друг.

Однако Юрия уже было не остановить. Он вскочил с кровати, лихорадочно комкая в руках пододеяльник, и, задыхаясь, орал от душившей его ярости:

– Ты, Кропот, – дрянь! Ты – дерьмо, дерьмо, дерьмо!... Ты дрянной пацан!... Ну, ладно, они... А ты? Тебе плохое про

человека ляпнуть – раз плюнуть! Ты про Стеллу трепал, что она будет твоя, а она тебе по мордасам, по мордасам, ха-ха-ха! Ты и про Нинку трепал... И про кого не лень трепал... А Стелла... – она лучше всех!... А ты, Кропот, – дерьмо, дерьмо, дерьмо!...

И он ещё долго орал, как припадочный, словно не мужик, а худая неврастеничная баба. А также рвал в клочья пододеяльник. Хотя оторопевший Виктор, испуганно покрутив пальцем у виска, давно удрал на улицу. И уже прибежавшая Лидия Николаевна успокаивала посеревшего, будто тюремная стена, сына, а тот всё орал и орал о человеческой подлости...

2

Известно, от любви до ненависти – один шаг. В юности же – и того меньше. Утром следующего дня внешне спокойный Юрий, с построжавшим лицом и непреклонно сжатыми губами, шагал к совхозной конторе. Он предварительно позвонил туда и договорился со Стеллой, что они встретятся в коридоре.

Кондрашов направлялся на свидание с девушкой с намерением твёрдо расставить «акценты, запятые, точки и иные знаки препинания» в их отношениях. Для него не подлежало никакому сомнению то, что Кораблёва, конечно же, опровергнет грязные измышления, или, как пишут в прессе, на-

думанные инсинуации на её счет. И тогда он скажет ей, что она для него – Тёплый ключ для подснежника, Ёлочка в новогодний утренник, свет замерзающему путнику, звезда потерявшемуся мореплавателю, глоток кислорода безнадежно больному... И не может быть такого, чтобы его откровение не тронуло ту девочку, что поселилась внутри Стеллы. Оно тронет её, да ещё как тронет! И дрогнет её сердечко, и рухнут неприступные стены снежного замка, и оттаит она, и поддается его напору, и произнесёт заветное: «Да!»

Кораблёва ждала его в условленном месте.

– Салют! – подходя к ней, постарался непринуждённо произнести приветствие юноша, но голос у него продребезжал металлической пластиной.

– День добрый, Юрочка! – доброжелательно ответила ему девушка, окинув его пристальным участливым взглядом. – Как ты? Как здоровье?

А с Кондрашовым что-то произошло: заранее приготовленные красивые выражения и обороты вылетели у него из головы. И он, непредсказуемого для самого себя, вступил в диалог не с комплиментарной части, а с тяжеловесного вопроса, который превращал их общение в официальный обмен информацией.

– Стелла, тебе известно, что Сытин...ну...заказал твоего... папу? – затаив дыхание и опустив от напряжения взгляд, осведомился он.

– Да, – однозначно подтвердила двусмысленное обстоятельство студентка. – Мне об этом говорили в областном УВД. Доказательств тому нет, так какой же заказчик их оставит.

– И что отец...этого...Эдуарда с Сытиным заодно?

– Да, в уголовном розыске так считают, потому что Хорин компаньон Сытина, – продолжила безжалостно топтать его чаяния Стелла.

– И ещё: Кропот мне трепанул своим поганым языком, что ты...выходишь замуж за Эдуарда?

– Да, – очень твёрдо ответила девушка. – Это так.

– Ты...согласилась!?! – подняв глаза на Кораблёву, отшатнулся от неё Юрий.

– Да, – не отвела от него своего взора студентка.

– Ты...Ты...Ты будешь женой человека, на котором кровь твоего отца?! – отказываясь воспринимать услышанное, прикрыл рот рукой юноша, боясь сорваться на крик.

– Нет, – твёрдо проговорила Стелла. – Я буду женой Хорина Эдуарда. Даже при Сталине сын за отца не отвечал. А Эдик разорвал отношения с ним...

– Нет! – перебил её Кондрашов. – Нет: ты будешь женой кровавого ублюдка...

– Юра! Думай, что говоришь! – раненой птицей вскрикнула Кораблёва. – Если ты не хочешь потерять то...то хорошее, что было между нами...

– Эх ты! – практически уже не слушал её юноша. – Эх

ты! – и горький-прегорький комок разочарования сжал его горло. – Ну ладно, Кропот – такой же, как все... Я – такой же, как все... Все – такие же, как все... Но ты-то!... Но ты-то!... Ты... Знаешь, что ты сделала? Ты убила ту девочку, которая была внутри тебя! Убила!... И ты тоже стала такая же, как все...

Спазмы с невероятной силой сдавили его глотку. И Юрий, разом постарев на тысячу лет, горестно махнул рукой, вынося не подлежащий обжалованию приговор:

– Прощай. Я больше не люблю тебя. И я не приду тебя провожать.

Он сгорбился, съёжился, скрючился и дряхлым старцем, которого разразил кондрашка, пополз прочь...

3

В ремонтных мастерских вовсю кипела работа: сельские механизаторы готовили тракторную технику к весенне-полевым работам, к скорому пришествию весны.

Опытный тракторист Иван КокOLEV с сыном «обували» трактор, натягивая на каретки гусеницу. Начальный и конечный траки гусеницы они уже замкнули в цепь, забив наполовину металлический палец в крепёжные отверстия. Однако дальше железный штырь шёл «с натягом», так как траки перекосило. КокOLEV пытался ломиком выправить их, пыхтя от натуги и демонстрируя при этом неисчерпаемый ассорти-

мент ненормативной русской лексики, а его сын, тем временем, со всего маху бил кувалдой по головке пальца, стараясь загнать фиксатор на место.

Механизатор Степан Кузьмин кран-балкой, которую ещё называют тельфером, в подвесном виде транспортировал громадное заднее колесо трактора «Беларусь» к вулканизаторской для починки.

Слесарь-ремонтник Валентин Крючков затачивал затупившееся зубило на наждачном станке так, что искры летели, как при извержении вулкана.

Кондрашов тоже ударно трудился, помогая Володе Попову демонтировать с трактора вышедший из строя двигатель.

В мастерских от производимых работ раздавался грохот, лязг, визг и прочий невообразимый шум, издаваемый людьми и техникой. И вдруг...

И вдруг всё стихло! Всё и вся замерло! Время приостановило свой безостановочный бег! В помещении волшебным просветлело, а оборудование засветилось, отражая сказочное сияние. Даже древний гидравлический пресс прекратил «пыхтеть» над подшипником, загоняемым в гнездо детали, ибо постыдился осрамиться в сей торжественный миг. Юрий, по наитию уловив происшедшую перемену, повернулся в сторону входа в ремонтный цех, откуда исходил таинственный звёздный свет, и увидел... Стеллу!

Она элегантно отмеривала пространство, чеканя каблуч-

ками шаги по металлическим квадратным плитам. Для окружающих – до головокружения недоступная и прекрасная, статная и грациозная – глаз не оторвать! И от одного вида её выразительного милого лица, пленительного мимолётного взора, летящей походки замирала техника, коченели изваяниями деревенские киборги в робах, завистливо потупилось тусклое и скупое зимнее солнце, заглядывавшее в окна. И даже, казалось бы, бездушные снежинки, вопреки всем законам природы, не таяли на беспредельных изогнутых ресницах девушки.

Андроид Ванюша КокOLEV разинул рот, рискуя проглотить массивный ломик. Его заколдованный сын, по инерции бесшумно раскачивая кувалду, грозил вдарить ею не по головке металлического пальца, а родному батяне по тому же месту.

Степаша Кузьмин зомбированным раззявой и раздолбаем припёр огромным тракторным колесом завгара Федю-третьего к стеллажам с деталями, не замечая грубейших нарушений правил техники безопасности, а заодно и страданий начальника. Сам Федя-третий, от космических перегрузок вывалив на плечо язык, замороженно сносил пытки и не «лаялся» на подчинённого, боясь нарушить высокую триумфальность момента.

Очарованный Валюша Крючков, источив на наждачном круге зубило до основания, сверхпрочным корундом полировал уже свои прокуренные ногти, подобно моднице с глян-

цевой обложки журнала «Вог».

Кондрашов с испачканной «мордуленцией» безобразной раскорякой застыл среди этого технического убожества, держа в правой руке уродливый гаечный ключ «32х36», а в левой – замазученный приводной ремень вентилятора. Он пребывал в состоянии грогги, очумело и онемело взирая на приближающуюся к нему ворожею с запорошёнными густыми ресницами-опахалами. А в мозгу у него пульсировала одна и та же – удивительно богатая по содержанию – мысль: «Должно быть, на улице обалденный снегопад... Должно быть, на улице обалденный снегопад... Должно быть...»

Стелла остановилась в нанометре от него. И потому грязный совхозный механизатор, подпёртый со спины блок-картером, ещё больше раскорячился, ещё сильнее развёл руки вширь, чтобы ненароком не прикоснуться к посетившему его светлому иррациональному видению... Однако Стелла оказалась реальной, живой, состоящей из крови и плоти. Она шелковистыми тёплыми губами прижалась к... губам Юрия, а затем отстранилась и пристально посмотрела на него, словно хотела навсегда запечатлеть в себе его лицо.

И вдруг Кондрашов заметил, что лишь теперь снежинки на ресницах девушки стали таять и чистыми, незамутнёнными капельками срывались на её щёки и исчезали, скользя по лицу. А быть может, и не снежинки таяли вовсе, ибо такие же кристально-чистые и безгрешные бисеринки задрожали в уголках её глаз, тоже ниспадая и струясь следом за первыми

бусинками...

Стелла неслышно вздохнула, воспарила в пространство и беззвучно растворилась в проёме дверей ремонтных мастерских. Извне донеслось, как фыркнул мотором кропотовский УАЗик, навечно увозя из уральской тмутаракани Зимнюю Сказку в края иные.

И немедля косный вековечный порядок вещей накрыл мастерские: Иван Коколев смачно перематерился, заполучив таки увесистую «плюху» кувалдой от сыночка родимого, а его дюжий отпрыск обалдело охнул, одурачено вперившись на завалившегося под трактор родителя; Степан Кузьмин, отогнав отмашкой руки колдовское наваждение, стремглав бросился отковыривать от стены расплющенного колесом в лепёшку завгара Федю-третьего; Валентин Крючков, сложив воедино ладони, наподобие мусульманина, вершащего молитву, суеверно простирал их к потолку, надеясь, что Аллах вернёт ему неведомо куда исчезнувшее зубило...

И тотчас в цеху всё задвигалось и замельтешило, закрутилось и завертелось, зашумело и запыхтело, а на помещение опустились обычные производственные сумерки. Обыденность и рутина.

Глава седьмая

Кондрашову и на словах было безмерно трудно отречься от своей любви, а остаться без неё наяву оказалось непереносимо. Разбавляло страдания только то, что странные суетные вздорные люди постоянно тревожили его по пустякам, просили что-то сделать, поручали что-нибудь исполнить... И юноша, на полуавтомате апатично следуя поступающим командам, ощущал себя неполноценным существом, калекой, который внезапно обнаруживал то отсутствие ноги, то потерю слуха, то нехватку кислорода из-за сбоя в работе сердца...

Однажды молодого тракториста вызвал к себе директор совхоза.

– Здорово, хлопец! – сказал Бурдин, похлопав его по плечу. – Гляди-ка, как ты возмужал за последние дни! Тебя и не узнать: повзрослел. Проходи, садись.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович! – вяло ответил тот, примостившись близ директорского стола.

– Юрий, читать мораль из-за известных событий и вашего с Виктором конфуза я уж не стану, – сказал директор. – Дорого яичко к Христову дню, а сейчас чего уж... Проехали... Надеюсь, навсегда... Пригласил тебя для мужского разговора. У меня деловое предложение. В Екменях люди ждут давно обещанного концерта, который сорвался по милости Лукина. А уговор, как известно, дороже золота: представление должно состояться. Что молвишь по этому поводу?

– Я – за, – лениво шевельнул пальцами Кондрашов.

– Он – за, – с мягкой иронией хмыкнул начальник. – «За» само по себе работать не будет, – добродушно пожурил он паренька. – Организовать надо. И я, честно говоря, надеюсь исключительно на тебя.

– На меня? – удивился юноша.

– Именно. Выручишь?

– Хм, – принялся вслух рассуждать озадаченный Кондрашов. – Лукина с его аккордеоном вполне заменит Володька Попов с баяном, он же с Пашкой Богдановым на гитарах сбавляет, сёстры Гордины справятся и без Самохиной, некоторые номера снимем... Выступим по чуть усечённой программе. А балладу про Лёньку-кавалериста... кгм-кгм... я рискну исполнить. В общем, попробовать можно.

– Давай, Юрий, закручивай, – попросил его Бурдин. – По совхозу я приказ издам, завхозу скажу, что ты временный главнокомандующий по клубу и у меня на полном доверии. Если что – выходи напрямую на меня.

Доверие и ответственность за порученное интересное дело, востребованность людьми окрыляют. И Кондрашов постепенно так увлёкся, что подготовка к концерту с «остатками артдивизиона», а затем и успешное проведение самого мероприятия, чуть утолили душевную боль. Юрий постепенно начал «отходить», ещё не ведая, какой суровый жизненный экзамен поджидает его за крутым судьбоносным поворотом.

Если у человека разрушить головной мозг, то смерть его окажется мгновенной и безболезненной. Если у него вырвать сердце, то он отстрадается и удалится в мир иной пять-шесть минут спустя. Если изъять из организма мыслящего индивида печень, то кончина его будет мучительной и агональной – на протяжении долгих часов. Но если у любящего существа вытравливать из души самое светлое, то он будет издыхать в адских корчах в течение всей своей проклятой и осточертевшей судьбины. И избавление от inferнальных мук, переход в иное измерение он воспримет благостно, словно финальный аккорд, звучащий в его меркнушем сознании торжественным и спасительным гимном.

Земля остановила свой безостановочный бег.

В небе погасло Солнце...

Для Юрия Кондрашова сгинул белый свет...

В конце марта в Нижнюю Замараевку Марины Шутова привезла страшное известие: погибла божественно прекрасная, но до смерти невезучая в земном бытии Стелла Кораблёва. Её убила дочь высокопоставленного чиновника. Обкуренная тварь за рулём иномарки влетела на трамвайную остановку, где помимо девушки было много людей. Вместе со Стеллой погибло ещё два человека.

Смерть невинных людей – трагедия сама по себе. Но когда среди них любимый человек – трагедия перерастает в страш-

ное испытание.

Насколько же Кондрашову было бы легче, когда бы Стелла была жива и счастлива, пусть и будучи любимой другим. Тогда воспоминание о ней медленно заживающей раной закономерно отболело бы в его душе. Теперь же мука навечно поселилась в нём, ибо любимая удалилась в мир иной, оставив свой образ в самой глубине его сердца! И наряду с пониманием безвозвратности утраты, на Юрия накатило ещё не вполне осознанное ощущение вины.

Отныне один лишь облик Стеллы согревал его душу, в остальном же на Земле стало пусто и бесприютно.

Кондрашов о гибели Стеллы узнал с запозданием, а потому не поспел на похороны. На городское кладбище он приехал утром следующего дня, положив на свежую могильную насыпь едва народившиеся подснежники с Тёплого ручья. И у места упокоения любимой, на пронизывающем мартовском сквозняке в лёгкой ветровке и с непокрытой головой, он пробыл до полудня.

Кондрашову жутко далось прощание со Стеллой. Однако, несравненно ужасней отозвалось осмысление на уровне повседневности того факта, что отныне любимой нет и уже никогда не будет под мглистым замараевским небом: ни в клубе, ни в конторе, ни в избушке, ни у Тёплого ручья. Ни за что впредь не затрепещет душа Юрия, обласканная её лучистыми глазами. Никогда уж не зайдётся в лихорадочной дрожи его юношеское сердце, услышав согревающее: «Здравствуй,

Юрочка!» Навеки заказано ему наслаждение, разливающееся дурманной медовухой по телу от прикосновения прохладной атласной ладони девушки.

3

По возвращении в Замараевку Юрий почувствовал себя неважнецки, а под утро проснулся от сухого жара, ломавшего его тело, и от головной боли, расплавлявшей мозг. Из-за охватившей слабости он с трудом оторвался от подушки и поплёлся на кухню, где попил холодной воды. Так и не утолив жажды, он попросил у Лидии Николаевны, уже хлопотавшей по хозяйству, какую-нибудь таблетку.

– Мам, меня, вроде бы, прохватило на ветру, – присев на табурет, смущённо признался он, так как года три вообще не простывал и прочно уверовал в то, что спортсмены не болеют.

– Юрочка, да ты весь горишь! – испугалась та, прикоснувшись к его лбу губами. – Ну-ка, давай поставим градусник.

В дальнейшем происходящее Кондрашов воспринимал в полубредовом состоянии: мама заставляла его принимать какие-то лекарства, накладывала компрессы на пылающий лоб, куда-то звонила... Внезапно в их доме объявился верный и негибачаемый Виктор, который завернул Юрия в толстое стёганое одеяло, будто маленького ребёнка, и вынес на улицу, где стоял и попыхивал дымком из выхлопной трубы

директорский УАЗик.

Затем провал, и сознание Кондрашова заволкло чёрной непроглядной пеленой, словно занавесом в сельском клубе...

4

Юрий пришёл в себя от того, что мужской голос назвал его фамилию. Он разомкнул веки и окинул глазами окружающее пространство, пытаясь сориентироваться в происходящем.

Кондрашов обнаружил, что лежит на кровати в больничной палате, а подле него находятся двое бородатых мужчин в белых халатах, имевших внешнее сходство друг с другом. За малым отличием: у одного богатая растительность на лице была чёрного, а у другого – рыжего цвета. Чуть поодаль стояла девушка, также в белом халате (вероятно, медсестра), внимавшая диалогу бородачей и периодически бросающая взгляды на больного.

– ...воспаление лёгких, – докладывал первый бородач второму. – Был без сознания, но кризис быстро миновал. Видите, уже к нам прислушивается. Динамика, без сомнения, положительная. Как самочувствие, молодой человек? – обратился он к Кондрашову.

– Нор...кхе-кхе...нормально, – просипел пациент.

Доктора вновь заговорили между собой, а Кондрашов

принялся созерцать обстановку далее. Кроме него в палате лежал ещё один мужчина. Тот тяжело дышал; глаза его были прикрыты.

Закончив консилиум, врачи и девушка вышли в коридор. Однако минуту спустя медсестра опять появилась в палате. Ей было лет семнадцать-восемнадцать. У неё были строгие, классически-правильные черты лица. И выражением недоступности она отдалённо напоминала Стеллу. Она была красивая, но не прекрасная, как Стелла... Ну, так ведь то была Стелла!

Девушка приблизилась к Юрию и негромко (очевидно боясь помешать второму мужчине), но очень ровным, по-учительски чётким голосом и правильно выстроенными словосочетаниями дала ему наставления: «Здравствуйте, больной Кондрашов. Я – медицинская сестра Славникова. Зовут меня Кира. Сейчас я вам сделаю инъекцию и дам лекарство для приёма перорально, то есть внутрь через рот. Прошу вас меня внимательно слушать и неукоснительно следовать моим предписаниям».

Данная тирада оказалась произнесённой в столь безапелляционной и выверенной тональности, что Юрию померещилось, что над ним священнодействует небезызвестная Мальвина, а он воплощает собой знаменитого, неуклюжего и с лёгкой придурью мальчугана, выструганного папой Карло. Параллель такого рода стала ещё актуальнее, когда юная медсестричка приступила к медицинским манипуляциям.

– Кондрашов, не напрягайте ягодницу, – с металлом в голосе потребовала Кира.

– Угу, – буркнул тот. И ему невольно вспомнилась знаменитая кропотовская сентенция: «Уколы?! Да ну их в задницу!»

Юрий попытался расслабить мышцы на известном месте, однако от излишнего усердия, несмотря на общую слабость организма, мускулатура, напротив, закрепостилась.

– Кгм, – не то чтобы сердито, а несколько недовольно кашлянула медработник. – Больной, не бойтесь. Пациенты говорят, что у меня очень лёгкая рука. Я делаю инъекции практически безболезненно. Вы напрягите другую группу мышц, и тогда всё будет нормально.

Юноша последовал совету Киры, напружинив бицепсы на руках, и рекомендация, в самом деле, оказалась дельной, а «сеанс иглотерапии» – исцеляющим.

К вечеру Юрия из реанимации перевели в общую палату. Молодой и крепкий организм юноши стремительно брал реванш и изгонял пневмонию. На следующий день он уже был готов носиться по футбольному полю, но, по воле врачей, ему целую неделю пришлось проваляться в больничных покоех.

За этот срок он привык к Кире, которая оказалась на редкость отзывчивым товарищем. Она старательно осуществляла медицинский уход за всеми пациентами, но Юрию уделя-

ла особое внимание. Если в её дежурство Кондрашова посещали Лидия Николаевна с Венькой или ребята из ансамбля, то она оперативно решала все вопросы, связанные с больничным режимом. И юноша видел, как день ото дня к нему растёт приязнь со стороны симпатичного и требовательного эскулапа.

«Хорошая ты девчушка, Кира, – точно многоопытный дедуля, рассуждал Юрий про себя, – но...» Как мужчину его волновала только Стелла. Недавно ночью ему снова приснилась она. И он, проснувшись с бьющимся сердцем, ощутил себя Буратино. Только не тем Буратино, которого вытесали из полена, а наоборот – который закован в древесину, и не в силах выбраться наружу. Он стал куклой. Манекеном. Пупсом. Теперь он понимал Стеллу.

Когда Кондрашова выписывали, то Кира провожала его до выхода. Они вдвоём шагали по длинному коридору и вполне по-дружески болтали о разных житейских пустяках. Ступая на высокое больничное крыльцо, залитое щедрыми потоками весеннего солнечного света, Славникова вымолвила, лукаво улыбаясь:

– Юра, сюрприз подан!

– Сюрприз? – непонимающе спросил тот.

И вдруг зафиксировал краем глаза добрый кропотовский УАЗик, припаркованный за территорией стационара, который столько раз выручал его. Сам Виктор приветственно «голосовал» рукой через распахнутую дверцу.

– Детальное планирование лечебного процесса, – засмеялась девушка удивлению Кондрашова.

– Спасибо! – оправившись от секундного замешательства, благодарно воскликнул Кондрашов. – Кира, я так тебе признателен! Ты столько возилась со мной.

– Это тебе, возьми, – посерьёзнев и опуская ресницы, проговорила та, протягивая исцелённому ею юноше листок бумаги. – Тут мои рабочий и домашний телефоны. Если недопомогание... Мало ли что...

– Спасибо, Кира! – ещё раз искренне поблагодарил тот.

– Поцелуй меня, Юра! – вдруг попросила строгая медсестра.

Кондрашов поцеловал её в щеку, но не почувствовал никакого волнения.

Он не стал спускаться с крыльца по ступенькам, а спрыгнул на аллею с высокого парапета и побежал к легковушке.

– Здорово! – переводя дыхание, пожал он руку Кропотову при посадке в машину.

– Здорово! – откликнулся тот. – Отремонтировали?

– Ага, нормалёк! Что нового в Замараевке?

– Да так, – небрежно ответил Виктор, заводя автомобиль и трогая его с места. –ничего особенного... А! Чуть не забыл. Нинку же Самохину привезли!

– В каком смысле «привезли»?

– Её ж с Лукиным в розыск объявили. Объехали всю Россию-матушку. Нашли случайно аж в Одессе...

– Одесса – это же не Россия, это же Украина.

– Да? Ну, не в том суть. Короче, Лукин же обещал Нинке, что раскрутит её в мировом масштабе, а сам крутанул на бабки. Но до чего Лукин ушлый пень: он лишь говорил, что делать, а баксы тратила Нинка. Потому с него взятки гладки. А «дочу» Властилина простила. Щас за кредит банку сельпо продаёт.

– Ну вот, а говоришь «так себе». Небось, у тебя в заначке ещё какое-нибудь «так себе» припасено? – поинтересовался Кондрашов.

– Хе-хе, да ты, Кон, провидец, – хохотнул шофёр. – У нас же с Маринкой свадьба на носу.

– ...Рад за вас, – помедлив, откликнулся Юрий, вспомнив Стеллу.

5

Дома Лидия Николаевна и Венька встретили Юрия, точно победителя: торжественно, с поцелуями и объятиями. После первых восторгов и обмена свежими впечатлениями, Кондрашов в своей комнате приступил к ревизии футбольной амуниции. Её, в преддверии летнего сезона, надлежало привести в порядок.

Отвлекла его от занятия мама, которая зашла с двумя конвертами в руках. Одно письмо, нераспечатанное, она положила на стол, а второе, открытое, молча вручила сыну. На глаза у неё навернулись слёзы, и мама поспешно удалилась.

Юрий осмотрел конверт: это было послание из военкомата. Внутри оказалась повестка, которой призывника Кондрашова извещали, что 17 апреля ему следует явиться для прохождения комиссии. Вздохнув, будущий воин ногой затолкал спортивную сумку под кровать.

Наступила очередь второй корреспонденции. Отправителем её значилась редакция «Среднегорских новостей». Юрий недоумённо повертел пакет в руках, надорвал его, извлёк оттуда сложенный вчетверо листок и приступил к чтению.

Главный редактор Михайлов извещал замараевца о том, что непосредственно перед гибелью к нему приходила Стелла Кораблёва. Девушка просила, что бы он посодействовал поступлению Кондрашова на факультет журналистики. И тогда шеф газеты дал ей не особо обязывающее, но обещание.

«Как вы понимаете, Юрий, – писал Михайлов, – в свете печального события моё невнятное обещание перерастает в нечто большее. Потому прошу Вас до вступительных экзаменов побывать у меня, и мы с Вами обсудим некоторые детали.

И самое важное, – завершал обращение редактор. – Я терпеть не могу слащавые либретто, мелодрамы и прочие сентиментальные домысливания, но в данном случае имел место реальный факт. Стелла была у меня на приёме за десять минут до того, известного всем, изуверского ДТП. Стало быть, то оказалось последнее (но далеко не единственное) доброе,

что успела в этой жизни она – позаботиться о вас, Юрий».

Несколько скупых мужских строк, а они опять перевернули всю душу Кондрашова. Его сердце остро-преостро резануло, но одновременно, и пуще того, его душу обдало теплом милой-премилой Стеллы Кораблёвой. Она будто бы, послала ему привет с небес. Будто бы, шепнула ему ласковым ветерком: «Ю-ро-чка-а!...»

6

Кондрашов бежал ослабленной из-за болезни трусцой по зеленеющему заклеверёному полю. Повсюду властвовала весна, томимая вешними водами. И внутри у него тоже бушевало половодье чувств. К своей любимой и единственной девушке!

Быть может, поэтому Юрий забылся и, пробегая по пологому скату мимо пресловутой Манькиной лужи, упустил из виду её строптивый нрав.

Лужа, будто прикальываясь и ехидничая над ним, «подставила ножку». Ноги «нехристя» скользнули по покатоному краю, и он, беспомощно трепыхаясь, со всего маху шлёпнулся в ритуальную замараевскую купель, съезжая в Манькину падь. Суматошно перебирая конечностями, очередной подданный Её Величества Любви вырвался из студящей ванны и, как ошпаренный, взлетел на косогор. Там юноша очумело принялся отдуваться, отряхиваться, сливать воду из

кроссовок.

Переведя дух, Юрий едва по-кропотовски не выругался, но в последний миг нечто непостижимое остановило его, осенив догадкой. Он догадался, от кого это был привет. И тогда юноша сдержанно засмеялся, сообщнически погрозив Манькиной луже пальцем. Поворачивая к дому, он вполголоса затянул песню, которая явилась ему в сегодняшнем сне:

Любовь к тебе в себе таю,
Я этой вечностью горю,
Но безнадёжно я влюблён,
Ведь ты растаяла как сон...

Пусть тот огонь сожжёт дотла,
Моя любовь к тебе светла,
Я в сердце чувства сохраняю,
И жизнь за то благодарю!

Былую сказку не вернуть,
Обратный невозможен путь,
Но образ светится во сне,
И ты – моя, и ты – во мне.

На небе ты, но мы вдвоём,
Мы вместе песню допоём –
Душа, рождённая любить,

Не может одинокой быть.

Э П И Л О Г

Прошло немало лет и зим. Кондрашова Лидия Николаевна шла по Среднегорскому центральному колхозному рынку в сторону автовокзала, как вдруг услышала знакомый баритон и оглянулась на голос:

«Люди добрые! Граждане России! Милостивые среднегорцы! Пожертвуйте бывшему творческому работнику и деятелю культуры, неоднократно лауреату республиканских конкурсов артистов разговорного жанра. И да воздаст вам Господь за вашу доброту полной мерой!»

Так вещал худощавый пожилой мужчина с аккордеоном и в чёрных очках, стоя на ступеньках подземного перехода. Только что он закончил исполнение песни «Погода в доме». Люди, спеша по делам, в основном проходили мимо, но некоторые бросали мелочь в шляпу мужчины, которую тот положил у своих ног. Кондрашова подошла к нему и бросила монетку.

– Спасибо! – поблагодарил её мужчина, услышав звон, и по его манере держаться стало понятно, что очки он надел не из-за солнечного дня, а потому что был слеп.

– Аркадий Николаевич? – спросила его женщина.

– Да! – вытянувшись во весь рост, и даже несколько испуганно ответил тот.

– Лукин?

– Он самый! – ощутило напрягся мужчина.

– Я Кондрашова Лидия Николаевна.

– Простите...

– Нижнюю Замараевку помните? У вас в ансамбле пел мой сын Юра Кондрашов.

– Юра? Кондрашов? Ах да! «Полёт на дельтаплане». Как же, как же... Переходный возраст. Тенор, переходящий в баритон... И конференс от Бога.

– Как вы, Аркадий Николаевич?

– Спасибо... Что заслужил, то и имею. Не жалею. А как Юра? Помнится, он всё футболом грезил.

– Кгм-кгм... Нет его... Уж девять лет..., – не сразу нашла подходящие слова Лидия Николаевна, и голос её дрогнул.

– Как?! Такой молодой!

– Молодой..., – перехватило голос у Кондрашовой. – В армию его призвали. А тут вторая чеченская кампания. Он сам попросился на... передовую. Конституционный порядок защищать. Не терпел он... несправедливости... и бандитов..., – заговорила она, тяжело и прерывисто вздыхая.

Ей, в который уж раз, стало обидно на незаслуженный удар судьбы. Застарелые переживания нахлынули на неё с новой силой, что часто случается с женщинами при встрече с теми, кто вольно или невольно воскрешает прошлое, связанное с любимыми людьми. Губы её мелко-мелко задрожали, и она до крови прикусила изнутри нижнюю губу, чтобы

сдержать эмоции.

Бросив в шляпу ещё монету и поклонившись, она торопливо пошла прочь. Лукин догадался о нюансах этого расставания, поскольку, как все слепые, обрёл повышенную проницательность. Он ответно поклонился ей вслед, взял на аккордеоне вступительные ноты, и запел: «Господа офицеры, по натянутым нервам...»

Лидия Николаевна двигалась в нужном направлении интуитивно, ибо слёзы застилали ей глаза. Впрочем, через пару сотен метров она взяла себя в руки, чтобы не расстраивать родных. Возле автовокзала на выдавшей виды «Ладе» её ждали: муж Дмитрий Иванович, студент второго курса института культуры сын Вениамин и его невеста Мария.

Жизнь продолжалась, несмотря ни на что...